

Т. ОЛЬГЕНИН

АРМЕНИЯ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ
1913 г.

32(47.925)

0-61

h2

Т. ОЛЬГЕНИН

УДК 94(47.925)

ББК 67.3(2)Вм

0-61

АРМЕНИЯ

В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ

1913 г.

Составитель доктор исторических наук

В.А. ПОГОСЯН

ЕРЕВАН

ЛУСАКН

2023

15459

УДК 94(479.25)

ББК 63.3(5Арм)

О-561

Ольгенин Т.

О-561 Армения в первой половине 1913 г. / Т. Ольгенин;
Составитель: В. А. Погосян. – Ер.: Издательство
«Лусакн», 2023.- 286 с.

Настоящий сборник включает многочисленные статьи русского публициста Т. Ольгенина (Антуана Березовского-Ольгинского), изданных в российской газете «Биржевые ведомости», о событиях первой половины 1913 г., главным образом в Западной Армении. В его статьях представлены политика России, чаяния восточных и западных армян, воззрения политических деятелей и масс относительно необходимых реформ, а также политика Турции.

УДК 94(479.25)

ББК 63.3(5Арм)

ISBN 978-9939-899-91-6

© Издательство «Лусакн», 2023

Предисловие

В поле зрения арменистики важное значение имеют труды путешественников и современников, представляющих жизнь западных армян в канун Первой мировой войны. В этом контексте значимый интерес представляют статьи русского публициста, корреспондента значимых русских изданий «Новое время» и «Биржевые ведомости» Т. Ольгенина (Антуана Березовского-Ольгинского), посвященных освещению Армянского вопроса в конце 1912 г. – начале 1913 г.

В этом контексте обращение В.А. Погосяна к творчеству Т. Ольгенина в период обострения Армянского вопроса, после окончания первой Балканской войны 1912 г., значимо, так как предстояло подвести итоги победы Балканского союза (Болгария, Греция, Сербия и Черногория), долженствующей окончательно решить судьбу европейских владений Османской империи.

С учетом актуальности политической ситуации католикос Геворг V Суренянц установил контакт с руководством Российской державы для обеспечения безопасности западноармянской паствы, что удостоилось санкции Николая II. 10 ноября 1912 г. католикос Геворг V, согласно просьбе турецких армян, назначил известного египетского деятеля Погос Нубар пашу уполномоченным представителем на Лондонской международной конференции по подведению итогов Балканской войны, чтобы он отстаивал реализацию 61 статьи Берлинского конгресса 1878 г. об армянских реформах. 30 ноября министр иностранных дел Российской империи С.Д. Сазонов предписал послу Российской империи М.И. Гирсу в Константинополе поднять вопрос о реформах в Турецкой Армении перед главой внешнеполитического ведомства Османской Турции.

На злобу дня в русской печати стали появляться публикации по теме «Армянский вопрос» в Турции. С учетом актуализации Армянского вопроса издание «Биржевые ведомости» сочло

необходимо направить с Балканского полуострова своего корреспондента Т. Ольгенина в Османскую империю для освещения положения западных армян. Издание приняло во внимание, что корреспондент был уже знаком с темой угнетения христиан в Османской империи, освободительными чаяниями, политикой ведущих европейских держав, что содействовало бы освещению армянской тематики.

Учитывалась и квалификация корреспондента в освещении политических тем. Об этом Т. Ольгенин образно отмечает: «Я ехал с Балканского полуострова в Турецкую Армению. Кровавые грозные события в течение двух месяцев приковывающие к себе внимание всего русского общества, сменились затяжными, “нудными”, переговорами в Лондоне, и напряженно следя за ними, мало, в сущности, кто обращал внимание на отрывочные, скудные и тревожные известия, приходившие из засыпанных сейчас снегом, труднодоступных армянских гор Малой Азии». При этом им заранее был составлен сценарий предстоящих публикаций, где «завидующие друг-друг дамы-патронессы» (участники Лондонской международной конференции) должны были заняться судьбой «нелюбимых бедных детей» (христианских народов). В этот камертон страждущих врывается судьба западных армян: «Раздается новый детский голос, жалобный, робкий: – и меня, меня не забудьте; меня также истязает, уродует и калечит ваш злой старик; вы давно уже обещали мне прийти на помощь, обещали взять меня под ваше покровительство». Реалии жизни малоазиатских армян оказались более впечатляющими.

В историографии значимость творчества Т. Ольгенина представил А.А. Закарян. В работе «Западноармянская действительность в оценке русского публициста Т. Ольгенина»¹ им было использовано шесть статей, опубликованных на армянском языке в

изданиях «Мшак» и «Оризон»², что позволило изложить новую страницу русской публицистики³. При этом лишь четыре публикации получили отражение в двенадцати публикуемых статьях В.А. Погосяна, что позволяет более объемно представить воззрения представителей восточных и западных армян относительно Армянского вопроса, русско-армянских отношений и учета исторического опыта предшествующего развития на языке оригинала. По сути содержания публикаций Т. Ольгенина В.А. Погосян представляет четыре тематических направления его деятельности: 1) политика России; 2) чаяния восточных и западных армян; 3) воззрения политических деятелей и масс относительно необходимых реформ; 4) политика Турции и деятельность курдов.

Реальной силой для решения «малоазиатских неурядиц» армянское население единодушно считало Россию. Т. Ольгенин в своих статьях представил бедственное положение западных армян. Ежегодная миграция армян из Османской Турции имела тенденцию к росту, составив около 100 тысяч человек: в Америку – 50 тысяч, в Россию и Египет по 25 тысяч. При этом указывалось обезземеливание армянского населения, прежде всего со стороны курдов, отсутствия безопасности, сохранения чести и достоинства. Наряду с государственными налогами, существовали поборы и вымогательства. Курдские беки в 1911 г. ввели так называемый

² 1/ Դամոկլայի սրի տակ (Дамоклав меч) // «Մշակ», 14. 03. 1913; 2/ Առանց հույսի և արշալույսի (Без надежды и просвета) // «Մշակ», 20. 03. 1913; 3/ Անհույս և անլույս (Без надежды и света) // «Մշակ», 23. 03. 1913; 4/ Թուրքահայերը և Ռուսաստանը (Турецкая Армения и Россия) // «Մշակ», 18. 04. 1913; 5/ Անհետացող Հայաստանը (Исчезающая Армения) // «Մշակ», 07. 05. 1913; 6/ Երիտասարդ թուրքերի ագիտացիան Բուրդիստանում (Агитация младотурок в Курдистане) // «Հորիզոն», 07. 06. 1913:

³ См. мою рецензию на книгу А. Закаряна «Западноармянская действительность в оценке русского публициста Т. Ольгенина» // «Պատմա-բանասիրական հանդես», 2015, թիվ 2, էջ 258:

¹ Չարաբյան Ա., Արևմտահայ իրականությունը ռուս հրապարակախոսու Տ. Օլգենիի գնահատմամբ, Երևան, 2014:

сбор «медресе» – сбор на школы, которые не открывались. Правосудие не действовало. Турецкая полиция демонстрировала бессилие по выявлению участников преступлений. За жалобу кади (судье) на соседа-курда в округе Нардус сразу последовала гибель семьи жалобщика из 17 человек. Аналогичным было положение в других округах. В следствие чего представлялось наличие формального курдо-армянского вопроса, а точнее Армянского вопроса в Османской Турции. Беззаконие турецкой администрации было призвано покончить с правами армянского населения. Конечная цель такой политики – вытеснить армян с исторических земель, а на их место поселить мусульман.

По данным Константинопольского патриархата, представленных в 1913 г. руководству Османской Турции, проблемой проблем являлась экспроприация собственности армянского населения. Удельный вес захваченного имущества в армянских вилайетах составлял: Битлис – 45,7%, Эрзрум – 36,7%, Себастья – 7,3%, Харберд – 4,5%, Ван – 3,7% и Диарбекир – 2,15%. По приводимым данным, наиболее активно экспроприация имущества происходила в вилайетах Битлиса и Эрзерума. Здесь преимущественно захватывались поля и дома. Рекордный показатель по захвату пастбищ принадлежал Битлисскому вилайету – 68,4%. Присвоение зданий составляло 88,4%. В Эрзеруме мусульманское население присвоило 18 армянских церквей, составивших 21,9%⁴.

В этой ситуации, по словам Т. Ольгенина, турецкие армяне проявляли политический реализм, означающий отказ от радикальных политических программ типа приобретения независимости по примеру Албании, ставя упор на достижения уровня реальной безопасности, сохранения возможности культурного развития, обеспечения сохранности имущества: «Гарантируйте нам нашу жизнь, честь наших жен и дочерей, наше благосостояние, и мы больше ничего не хотим, – говорит сейчас вес армянский

⁴ Тунян В. Г., Младотурки и Армянский вопрос, Ереван, 2005, ч. 2, с. 281.

народ. – А как эту гарантию установить, они предоставляют европейским державам и, главным образом, России».

Лишь позднее выяснится системный младотурецкий подход по созданию однородной Анатолии. Во имя спасения османской державы 6 августа 1910 г. III конгресс младотурецкой партии «Единение и прогресс» (İttihat ve Terakki) в Салониках принял постановление об ассимиляции немусульманских народов. Это означало крах концепции создания либерального режима, когда реализация провозглашенных лозунгов – равенство, свобода и парламентаризм – лишала турок статуса господствующей нации и вступала в противоречие с требованием шариата о доминировании мусульман в общественной жизни. Съезд принял программу деятельности «Десять инструкций» по решению Армянского вопроса путем геноцида и подавления возможной армянской политической активности⁵.

Деятельность старотурок и младотурок обусловила массовый пессимизм в армянских кругах, когда армянам давало обещания по сохранению и улучшению жизненных условий, а на практике все трансформировалось в истязания и изгнание из родных мест. Между тем реальные реформы могли быть полезны не только армянам, но и туркам и курдам. Однако все оставалось по-прежнему: «Благими намерениями турок – и старо-турок, и младотурок – вымощен ад». Армянскими политическими партиями, кружками и группами выход виделся в установлении постоянных русских гарнизонов либо европейской жандармерии или армянской милиции. Подход был обусловлен желанием избежать повторения 1894-1896 гг., когда происходил «егерн» – прото-геноцид, унесший 300 тысяч жизней армян, а затем последовали аданские погромы 1909 г. унесшие жизнь 30 тысяч армян.

⁵ Тунян В., Младотуркизм и Армянский вопрос // <https://generalnews.am/hy/article/2711ab32f69d23c546d5411382c724a6/>.

Экстраполировались последствия Балканской войны 1912 г. Проблема состояла в том, что в результате предстоящего отторжения европейских территорий Турция должна была превратиться в азиатскую и, мусульманскую державу, что обостряло ситуацию вокруг существования армянского населения. Хотя формально в Турции существовала конституция 1908 г., однако положение армянского населения в малоазийских вилайетах до кавказской границы (Ван, Битлис, Муш, Диарбекир) было хуже статуса болгар, сербов и греков в Македонии. Поэтому Т. Ольгенин поставил вопрос: почему существуют симпатии в Европе и России к балканским христианам, которые отсутствуют к христианам-армянам Малой Азии. Необходимость милосердия он представил на основе списка убийств за ноябрь-декабрь 1912 г. в Ване, Муше, Байбурте, Зейтуне, Алеппо.

Происходящая картина была известна Т. Ольгенину по кочанской бойне болгар в Македонии, о чем он поведал на страницах «Биржевых ведомостей» и вызвала горькие строки: «Когда я пишу настоящую статью, я переживаю те же чувства отвращения, злобы и стыда; стыда за то, что в XX веке возможны подобные мерзости, подобные зверства». Но армянская ситуация имела отличия: христианские «райя» Македонии должны были стать гражданами, родственной Болгарии либо Сербии, что питало надежду на облегчение их боли, а в Малой Азии ситуация была патовой: «Передо мной развертываются картины молчаливого векового страдания армянского народа». Выражалась надежда, что русский народ поднимет свой голос для защиты малоазийских армян.

В этом контексте Т. Ольгенин обращал внимание на отношение руководства России к армянскому населению. Характерной чертой самодержавной власти признавалась «полная благоклонность и полное доверие», а с армянской стороны – отсутствие политического сепаратизма. В свою очередь для армян харак-

терным сочтено стремление к «сепаратизму национально-культурному»: «В этом отношении армяне – глубочайшие и самые узкие националисты, которые, не щадя сил и средств, если так можно выразиться, “культивируют свою культуру”». Имеющиеся революционные организации и группировки признавались слабеющими день ото дня. В этом важную роль сыграл наместник Кавказа граф И.И. Воронцов-Дашков, который от узкой ассимиляционной политики восстановил державную гибкую политику соборности. Россия создала армянскому народу «возможность культурного и национального развития, обеспечена безопасность его жизни, его имущества, что в этом отношении русская государственность поставила его в условия, неизмеримо более прочные и благоприятные, чем в которых находятся армяне Персии и Турции».

Из этого выводилась установка на патронажную роль России к западноармянскому населению: «Чисто практическое сознание заставляет армян России прочно и тесно связывать свою судьбу с судьбой русского государства, заставляет их быть верными и лояльными русскими гражданами. И, как таковые и как армяне, они не могут остаться безучастными к тому положению, которое создается сейчас в Турецкой Армении. Общее убеждение всех армян, – что только одной России нужно предоставить право и долг обеспечить турецким армянам возможность дальнейшего их существования». Подход находил, что ослабленная Турция, став мусульманской и азиатской державой удвоит свою военную мощь в случае войны против России. Указывалось, что до Балканской войны Стамбул мог на кавказской границе сосредоточить армию в 200-250 тысяч, то в новых условиях она возросла бы вдвое. Другой угрозой для России представлялась пропаганда панисламистской идеологии среди кавказских мусульман.

Т. Ольгенин отдал должное руководству армянской церкви, которое обеспечивает «религиозный дух» армянской нации и сохранение национальной самобытности: «Если мало нам,

русским, известная, украшенная мифами и легендами политическая история армянских царств говорит о бессилии армянского народа отстоять перед иноплеменниками свою государственность, если в длинном ряде столетий Армения была или безмолвной данницей сильных соседей или яблоком раздора между ними, то история христианства в этой стране, напротив, богата доказательствами необыкновенной упорной стойкости народа в защите своих верований». Подчеркнута значимость духовного центра армян: «Эчмиадзин – столица облеченных ореолов в былые времена святости, а ныне – национального представительства католикосов».

В Эчмиадзине Т. Ольгенину довелось встретиться с двумя видными представителями армянской интеллигенции, которые пришли просить верховного католикоса всех армян стать ходатаем перед самодержцем России по западноармянскому вопросу. Им отмечена роль общенационального поэта Ованеса Туманяна, призвавшего нацию, во время летних погромов 1912 г. сплотиться и выразить доверие России – «исторической защитнице армянского народа». Состоялась часовая беседа с верховным католикосом всех армян Геворгом V Суренянцем, который благословил его миссию.

В беседе с новоназначенным главой Грузино-Имеретинской епархии епископом Тер-Мовсисяном последним была отмечена освободительная миссия России армян и значимость создания Армянской области в 1828 г. Иерархом сказано: «Во всех войнах, предпринимавшихся Россией с целью освобождения или улучшения положения христиан на востоке, армяне жизнью и имуществом своим шли ей навстречу и во все времена, и во всех случаях заветной мечтой армян было присоединение к России, жизнь под её державной сенью. История завоевания Кавказа полна бесчисленными выражениями тех восторгов, которые пробуждались при появлении русских войск, и ужаса и горя – при их удалении». Им же указана важность реализации 61 статьи Бер-

линского конгресса для обеспечения безопасности западноармянского населения.

Свою специфику имели встречи в Западной Армении. Представители партии «Дашнакцупон» определяли политику России как «нерешительную». В то время как западные державы, при необходимости, действовали энергично: «Мы видим, что если сильное европейское правительство захочет чего-нибудь достигнуть, оно этого добивается. Австрия захотела создать никогда не существовавшую Албанию, – и создала ее». Актуальной сочтена вера армянского народа в «москов керь» («русский дядя»), который освободит западноармянство. Она представлена доминирующей идеей в местном армянстве и интеллигентных кругах: «И вот мы стоим сейчас в мучительном раздумье: – как дальше жить, что делать дальше?»

Т. Ольгенин представил свои дорожные впечатления на пути между Баязетом и Ваном, встреч с курдами, посещение собора св. Иоанн в деревне «Уч-Килисса» («Три церкви»), воздвигнутого в IV в. Местный священник отразил тревожность положения армянского населения: «Насильственное умыкание женщин увеличивается с каждым днем, и в одном Алашкертском округе с весны (1-го мая) по декабрь 1912 года похищено и совращено в исламизм 12 девушек и женщин. Правительство все видит, все знает, но не хочет принимать никаких мер. Вот и живем в непрерывном ожидании резни, насилия, грабежей. Измучились. Нет сил». В дальнейшем пути описываются разные заброшенные армянские памятники и армянские селения, которые за последние десять лет остались без своих хозяев. Вся жизнь армян Эрзрумского вилайета признана находящейся под «Дамокловым мечом». Отсюда обобщение Т. Ольгенина: «Господа европейские гуманисты, и вы, господа дипломаты, – знаете-ли вы, что так говорят в XX веке турецкие чиновники, говорят с народом, который виноват перед

ними только в том, что его сыны такие же христиане, какими считаетесь и вы!»!

Состоялось посещение Вана, где внутри армянских домов и снаружи имелись царские портреты, как знак симпатии к России – защитнице христиан. Состоялась встреча с ванским епархиальным Сараджяном. Иерарх обратил внимание на попустительское насилие со стороны турецкой власти: «Армянский народ неоднократно выражал и выражает свое недовольство, обращенное не против мусульманского элемента, а против отдельных курдских феодалов, которые гнетут подвластных им курдов, так же как и армян, и против системы управления турецкого правительства. Эти курдские беки веками уже приучены жить на счет рабочего населения, которое они стараются фактически превратить в рабов». Ситуация несколько изменилась после младотурецкой революции 1908 г., но затем снова жизнь вошла в колею насилия. Тем не менее сохранялась надежда на проведение реформ для безопасности армянского населения: «Не угасайте духом».

В ходе путешествия содействие миссии Т. Ольгенина оказывали русское посольство, а также русские консульства в Эрзеруме и Ване. 27 мая 1913 г. Т. Ольгенин в Тифлисе, а затем и в Баку, прочитал для общественности лекцию «Исчезающая Армения», где кратко ознакомил с итогами своего путешествия⁶. 30 мая в Лондоне состоялось подписание мирного договора по итогам Балканской войны. Территория Турции в Европе сократилась до линии Мидия-Этнос. Представители Балканского союза расширили свои территории⁷.

В целом, В.А. Погосяну удалось посредством представления публикаций Т. Ольгенина в «Биржевых ведомостях» в первой половине 1913 г. отразить политэкономический аспект

Армянского вопроса, показать настрой разных частей армянского народа по проведению армянских реформ, означающее патронаж держав, и отразить положение западноармянского населения. В научный оборот вводится добротный русский источник о жизни армянского народа данного времени, показывающий русско-армянские отношения и реалии политики.

Валерий Тунян

Доктор исторических наук, профессор

⁶ Тунян В.Г., Армянский вопрос в Русской печати 1900-1917, Ереван, 2000, с.108.

⁷ Там же, с. 201.

Вместо предисловия и... святочного рассказа (От нашего специаль[ного] военного корресп[ондента])

... Я ехал с Балканского полуострова в Турецкую Армению. Кровавые грозные события в течение двух месяцев приковывшие к себе внимание всего русского общества, сменились затяжными, «нудными», переговорами в Лондоне, и напряженно следя за ними, мало, в сущности, кто обращал внимание на отрывочные, скудные и тревожные известия, приходившие из засыпанных сейчас снегом, труднодоступных армянских гор Малой Азии. Но как бедны и смутны ни были эти слухи, все же беспокойная и безжалостная редакция, не считавшаяся в своем стремлении иметь на всех «событиях» собственного корреспондента, ни с трудностями путешествия, ни с усталостью, ни даже с ... праздниками, предложила мне немедленно выехать на русско-турецкую границу. И вот, словно современный Агасфер, современный газетный «вечный жид», мечтавший уже после 8-месячных скитаний по глухим дебрям и диким ущельям Балканского полуострова о заслуженном отдыхе, я снова должен был собраться в дорогу, снова идти все вперед и вперед, не зная усталости, не зная личной жизни... Мой путь лежал через Одессу и Кавказ. Пересаживаясь с поезда на поезд, ожидая на станциях по несколько часов, я медленно приближался к цели своего путешествия. Удобные, хотя и не совсем чистые, и погруженные в полумрак (кстати, почему г[осподин] Рухлов не произведет, наконец, давно ожидаемую «реформу» в своем ведомстве и не заменит стеариновые огарки газом или электричеством?) вагоны располагали к дрему, к мечтательности, и, облокотясь на подушку дивана, от нечего делать мечтал и я. Мне хотелось написать красивый святочный рассказ, — такой трогательный, слегка сентиментальный рассказ.

В голове уже складывался и сюжет: «Вечно между собою ссорящиеся, завидующие друг другу дамы-благотворитель-

ницы вздумали на праздниках заняться устройством судьбы бедных детей большого старого города. Всегда эти дети были не любимыми пасынками общества, которое снисходительно смотрело, как приставленный к ним сторожем грязный, заживо гниющий, но жестокий старик, время от времени немилосердно колотил детей своей крючковатой палкой, калечил их, издевался над ними. Случилось как-то, что дети, незаметно ни для кого подросшие и окрепшие, сговорились между собою и в один прекрасный день, когда старик стал им угрожать своей клюкой, напали на него, свалили с ног и здорово поколотили. В чинном, чопорном обществе дам-патронесс произошел переполох; сначала было они думали обуздать это внезапное своеобразие и снова подчинить детей старику, но потом увидели, что старик настолько слаб и болен, и дети настолько выросли, что такой «status quo ante»⁸ уже невозможен. Надо было придумать что-нибудь другое, другой исход, и вот с этой целью и собрались дамы-патронессы. Сидят и обсуждают. Вдруг откуда-то издалека, из другого совершенно квартала, раздается новый детский голос, жалобный, робкий: — и меня, меня не забудьте; меня также истязает, уродует и калечит ваш злой старик; вы давно уже обещали мне прийти на помощь, обещали взять меня под ваше покровительство: помогите: озлобленный своим поражением, своими неудачами и стыдом старик все выместит на мне, а я не могу даже защищаться, я — мал, я — слаб... И, действительно, голос его был настолько слаб и робок, что не только собрание дам, но даже дама-попечительница квартала, откуда доносился новый голос, ничего не слышала.

Правда, старушка была эта дама-патронесса, глуховатая, подслеповатая, с заискивающей робкой улыбкой на подкрашенных губках... Ну, а другие, может быть, и слышали, да притворились, что не слышат...» На этом месте полет моей фантазии внезапно оборвался. Как медленно ни ползут российские почтовые и скорые

⁸ «Предыдущая ситуация» (лат.) — В.П.

поезда (извините, г[осподин] Рухлов, но... «sed veritas magis»⁹), все же в конце-концов, я добрался до Тифлиса — духовного и культурного центра и красоты Кавказа. В этой довольно-таки грязноватой и совершенно уже не благоустроенной кавказской столице пришлось мне провести несколько дней. Приближались праздники, а рассказ мой все еще не был написан, и я не знал даже как и чем его окончить. Прежде всего, сюжет его показался мне вдруг, вне сумеречных вагонных грез и дум, довольно-таки избитым, слишком сентиментальным, притом — как кончить? Чем бы растрогать читателя, привыкшего за 1912 год к всевозможным резням, бойням, насилиям и убийствам, чем растрогать его настолько, чтобы он хотя бы в душе, ругнул старушку патронессу, не слышащую, не видящую мольбы и слез позабытого ею ребенка?

Грызя перо, сидел я в своей неудобной как полагается на юге, холодной комнате гостиницы. В дверях номера раздался слабый стук, и ко мне вошел «собрат» по перу, известный и уважаемый на Кавказе общественный деятель, главный редактор старой и серьезной армянской газеты «Мшак» А.А. Калантар.

— «Вы знаете, — обратился он ко мне, — на днях в Тифлис должна прибыть из Эчмиадзина особая депутация для передачи через заместника Кавказа письма католикоса, в коем он от имени всего армянского народа будет просить Россию защитить жизнь и безопасность турецких армян, которым угрожает резня, которые ежеминутно могут ждать взрыва страстей со стороны соседних им фанатических мусульманских племен.

Единственной реальной авторитетной силой, способной положить конец малоазиатской неурядице, является — Россия, сочувствием которой турецкие армяне глубоко дорожат. В Турции разочарование армян в турецких реформаторах достигло своего апогея, особенно в последние годы конституции, когда оказалось, что младотурки не только не могут, но и не хотят, прежде всего,

обуздать фанатические эксцессы мусульманских масс, направленные против армян. Под этим, все усиливавшимся политическим и моральным — об экономическом (земельном) я уже не говорю — гнетом наши сородичи стали выселяться из пределов Турецкой Армении в еще большей прогрессии, чем прежде. Число эмигрирующих ежегодно увеличивается, доходя почти до 100 тысяч человек (в Америку — 50 тыс[яч], в Россию и Египет — по 25 тыс. человек).

Турецкие армяне ныне не увлекаются широкими политическими программами, а дорожат реальными гарантиями безопасности их личного существования, безопасности их чести, культурного развития, их имуществ. Современные условия жизни в Турецкой Армении грубо выдвинули для армян чисто «шкурный» (простите за грубое слово) вопрос, при котором нет места для отвлеченных политических мечтаний, как бы высоки и соблазнительны они ни были. Гарантируйте нам нашу жизнь, честь наших жен и дочерей, наше благосостояние, и мы больше ничего не хотим, — говорит сейчас весь армянский народ. — А как эту гарантию установить, они предоставляют европейским державам и, главным образом, России.

Об автономии, об образовании самостоятельной Армении, по образу Албании, — верьте мне, армяне не мечтают, этого не добиваются. Об армянах, русских смешно даже говорить: веками доказали они свою преданность русской державе, русской короне, и все толки о «сепаратизме» армян — умышленно недобросовестны. Публицисты и общественные и политические деятели определенного лагеря ссылаются в этом отношении на программу «дашнакцуптона». Но «дашнакцуптон» был только социальной революционной партией, как все другие, боровшиеся с режимом, с существующим строем, но отнюдь не преследовал идеи отделения от России. Не мечтают об автономии и армяне турецкие. В последние годы, когда армяне имели возможность говорить в Турции, по

⁹ «Но правда больше» (лат.). — В.П.

крайней мере в Константинополе, довольно свободно о своих политических программах, они везде и всегда выдвигали лишь требование обеспечить им самостоятельность культурных сил народа. Турки и курды могли бы также быть в выигрыше от установления прочного порядка, и армяне давно ждут, чтобы соседи их прониклись одинаковым стремлением к прогрессу и к мирной совместной культурной жизни. До сих пор турки и курды были плохими патриотами своей родины, иначе они не довели бы страну до гибели. Реформы были бы спасительны и для них. Тут нет противоречия между интересами разных народностей, все одинаково выиграют от реформ. Армяне не верят, однако, намерениям турецкого правительства осуществить последние. Благими намерениями турок – и старо-турок, и младо-турок – вымощен ад. Заявления Киамил-паши, его проект реформы, созданная им комиссия, – все это призрак, мираж, который может обмануть только европейскую дипломатию, но не армянский народ.

Последний весь, – понимаете, весь – без различия политических убеждений, без различия партий, пришел сейчас к твердому убеждению, что только авторитет России и других держав должен быть порукой в осуществлении реформ, – авторитет, подкрепленный на местах реальной силой, в виде-ли постоянных русских гарнизонов или европейской жандармерии, или армянской милиции. Без этой физической силы на местах армяне не будут гарантированы, что в один прекрасный день турки или курды не устроят новой резни. Приход войск или посылка эскадр, которые могут затем последовать, – не вернут армянам жизни. Вот почему армяне не могут успокоиться и не успокоятся, пока не добьются от Европы прочных гарантий своего существования. Раз европейская дипломатия вырабатывает сейчас новые условия государственного существования балканских народностей и озабочена прочным установлением взаимоотношений последних к Турции, – во имя

справедливости, во имя человеколюбия следует заняться также судьбой армянского народа. Армяне Франции обращались уже с этой просьбой к президенту республики, и через русского министра иностранных дел – к Государю Императору. К высокому покровительству России обратились также армяне Англии, Америки и Персии. Католикос, осведомленный о настроении армян всего мира, от имени всего народа обратился через наместника с такой же просьбой, и должен на днях снова обратиться с той же просьбой уже письменно.

В этом отношении среди армян царствует полное единодушие, достигнуто полное соглашение: все партии, все кружки и группы в настоящее время поняли, пришли к убеждению, что только одна Россия могла бы дать реальные гарантии, которых армяне добиваются.

Россия закладывает в Малой Азии прочный камень, приобретает верного союзника и друга, который давно уже связал свою судьбу с судьбами своей великой соседки...

Переживаемый сейчас нами момент является одним из тех исторических моментов в жизни двух соседних народностей, которые определенно рисуют дальнейшие их взаимоотношения: прочные привязанность и преданность или полное отчуждение и неприязнь.

Маленький армянский народ с трогательным и глубоким доверием протягивает сейчас свою руку великой России, и мы, русские армяне, сыны своего народа, слившиеся с русской государственностью, мы хотим верить, что Россия не отринет этой руки, что русская дипломатия не сделает этой ошибки, этого греха перед своей страной!...».

... Мой собеседник давно уже ушел, а я все еще сидел в раздумье перед неоконченным святочным рассказом.

Впрочем, нужно-ли теперь его дописывать?

7 января 1913 г.

С ПУТИ В АРМЕНИЮ

(От нашего специального корреспондента)

Эчмиадзин, 4-го января

Армяне о Турции

«Гора с горой не сходится, а человек с человеком всегда»; совершенно случайно мне пришлось на пути в Эчмиадзин встретиться с бывшим ванским депутатом турецкого парламента 12-го созыва, г[осподином] Онник Вромян. Я знал его два года назад в Константинополе, как одного из выдающихся деятелей крайне-левых армянских партий, много и убежденно работавших в деле примирения и сближения армян с турками.

Не знаю, обстановка-ли – унылое, голое плоскогорье, лишенная растительности, с угрюмыми сизыми скалами, серое-ли покрытое тяжелыми тучами небо, – но кипевший недавно энергией и страстью молодой «оттоманский» депутат казался мне усталым, разочарованным и апатичным.

– Не один только я, – сказал он мне, когда я высказал ему свои предположения, – испытываю такую тоску и обиду разочарования; все мы, турецкие армяне, которые наивно поверили в возрождение Турции, возложили на младотурок все свои упования, видим, что наши надежды, наша вера рухнули, словно карточный домик; мы с ужасом видим, что восторженно встреченная нами турецкая конституция не только не облегчила положения нашего несчастного народа, но наоборот – ухудшила его до последних пределов возможности.

Чтобы вы поняли глубокую справедливость такого моего утверждения, позвольте напомнить вам условия, при которых была провозглашена в 1908 г. пресловутая конституция. Турция находилась тогда накануне европейского вмешательства благодаря тому политическому и моральному ярму, под которым стонало христианское ее население. Совершенно справедливо предполагая, что такое вмешательство держав явится лишь первым шагом к расчленению Оттоманской империи, младотурки очень искусно и ловко провозгласили новый государственный строй, обеспечивающий всем христианским народностям одинаковые права и преимущества.

Опасность европейского вмешательства, таким образом, исчезла. Населению были дарованы свободы: передвижения, прессы, собраний и союзов, были обещаны реформы, гарантировавшие безопасность жизни, чести и имущества. Старые обиды, насилия и угнетения, если не могли быть исправлены, – компенсированы, но все же была вера, что они больше не повторятся, что с ними конечно раз навсегда. Увы, наша оттоманская «весна» оказалась короче вашей. Уже во второй половине 1909 года стало выясняться, что политика младотурок в вилайетах, населенных армянами, очень мало чем отличается от политики старого режима. Сильнее всего сказалось это в земельном вопросе. Закон, по которому всем возвратившимся на свою родину армянским эмигрантам возвращались неправильно и насильственно отнятые у них земли, был внезапно приостановлен; возведенные свободы были в отношении армян обставлены такими полицейскими и бюрократическими придирками и притеснениями, что превратились в фикцию, и мало-по-малу в Турецкой Армении восстановилась прежняя анархия, при которой не только имущество, но и личная жизнь и честь христианина были «à la merci» каждого разбойника-курда, каждого темного и грубого жандарма-мусульманина.

Посмотрите, что делается сейчас в отдаленных горных углах армянских вилайетов: форменное открытое рабство; средневековье, феодализм; вернее – псевдофеодализм.

Я вам объясню почему именно – псевдофеодализм. Ни законы Оттоманской империи, ни шариат не признают существования феодальных отношений. Они создались благодаря грубой силе, захватным путем с одной стороны, благодаря попустительству и слабости – с другой. Более того, в Турецкой Армении или Курдистане родового, покоившегося на вековых традициях феодального уклада жизни никогда не существовало, как не существовало и родовой земельной аристократии.

Земли захватывались весьма немногочисленными лицами путем открытого разбойничества. Вот вам пример: один отец одного из могущественнейших сейчас курдских беков в округе Биглис, Сеид-Али, был сначала простым нищим пастухом, потом стал разбойником, а сын его – уже деспотический владетель бесчисленных земель. В число его владений входят, между прочим, 65 сел, населенных еще 25 лет тому назад армянами, составлявших частную собственность армян; об этом свидетельствуют многочисленные церкви и монастыри, превращенные сейчас в развалины. Завладел этими землями Сеид-Али или его отец очень просто: находившиеся под его начальством шайки головорезов в течение нескольких лет издевались, грабили, мучили и убивали невооруженных поселян и довели их путем кровавого и беспощадного террора до необходимости бросить свои веками насижанные гнезда и эмигрировать куда глаза глядят; брошенные же ими земли становились достоянием главы шайки, который немедленно переселял туда своих курдов – «марипа», – нечто вроде «временно-обязанных», существующих на Кавказе, – которые обрабатывали данные им земли «из одной трети», иногда даже «из половины».

Таким образом, того острого курдо-армянского вопроса, о котором говорят в Европе, в действительности не существует.

Положение курдов-марипа, составляющих почти все оседлое курдское население, такое же тяжелое, такое же угнетенное и бесправное, как и армян. Острота вопроса заключается в совершенно незаконном, не основанном ни на исторической давности, ни на родовом праве, делящемся и по сей час (последнее именно ужаснее всего) непрерывном захвате земель и имущества отдельными, одиночными курдскими разбойниками, которых можно перечислить по пальцам, которых в каждом вилайете не более 10-15 человек. Земельный хаос усложняется еще тем, что, пользуясь совершенно явным сочувствием местных турецких властей, курдские беки облагают христианское население окрестных им земель различными налогами и поборами в свою пользу.

Каждый поселянин-армянин, сидящий на своей собственной земле, все же должен платить своему соседу-курду так называемую «кабалу», т[о] е[сть] определенный налог со всего, что он имеет, что он собирает: с яиц, с домашней птицы и скота, с собак, с посевов и хвороста, и т[ак] д[алее]. Я говорю – должен, потому, что если он откажется, он будет убит. Помимо кабалы христианин-крестьянин несет еще «зубару», вид личной повинности в пользу и по требованию своего соседа-курда. Заметьте, что все эти «кабала», «зубара» – совершенно противозаконны, отнюдь не освящаются традициями и давностью, и что достаточно курдскому беку-разбойнику захватить где-либо новый участок, чтобы окрестные армяне, никогда до этого не платившие ничего, кроме государственных податей, были обязаны и принуждены платить своему соседу и кабалу, и зубару, и пр[очее]. Алчность и дерзость курдских беков в этом отношении не знает предела, и с каждым годом поборы все возрастают, и с 1911 г. они обязали армян платить им еще так называемый «медресе», т[о] е[сть] сбор на школы, которые, конечно, никогда открываемы не были. Помимо этих вымогательств и поборов крестьяне-армяне должны платить также определенные налоги и десятину и государству. Что же

остается им самим? Ничего, конечно; в лучшем случае, они едва не умирают с голода, в годы же неурожая, — действительно умирают. Вот почему армянские селения так жалко-бедны, почему население так забито и унижено. А вместе с тем — какой это трезвый, работающий и способный народ!

Перехожу теперь ко второй основной причине страданий и несчастий нашего народа: это полное отсутствие правосудия, полная грубая незаконность преступлений, совершенных мусульманами.

В то время, как армянин за малейшее посягательство на чужую собственность (простая кража) карается 10-15 годами каторжных работ, все убийства и вооруженные грабежи, — уверяю вас, что именно все без исключения, — совершенные турками и курдами над христианами, остаются без законного возмездия, хотя убийцы обыкновенно бывают всем известны. Возьмите, например, того же Сеид-Али, — на его совести не менее 30 жертв; еще больше у известного ванского разбойника Мир-Мхэ, и тем не менее — оба они почетные лица у местных турецких властей. Ни защиты, ни правосудия армянин не может найти; он прежде всего боится их даже искать, потому что немедленно же будет убит. В округе Нардус жители одного селения принесли жалобу кади (судье) на своего соседа-курда. В первую же ночь жалобщики и их семьи — 17 человек, включая малолетних детей, — были зверски зарезаны и задушены. И таких примеров — бесконечно много. И опять повторяю, все это возможно только ввиду благосклонного попустительства турецких властей, их явного, совершенно открытого нежелания оказать христианам законную защиту. Ссылка на слабость, на бездорожье, на невозможность преследовать убийц и разбойников в горах и т[ому] п[одобное] — ложь. Когда, после провозглашения конституции, в первый год турецкие власти получили из Константинополя строгий приказ прекратить бесчинства и насилия курдов над армянами, сравнительная безопасность и по-

рядок были восстановлены с поразительной легкостью. Увидев, что власти с ними не намерены шутить, что эпоха потворства и поблажек прошла, большинство курдских помещиков-разбойников бежало в Персию, другие смирились, и между армянами и их соседями начали устанавливаться мирные и нормальные отношения. Водворить в стране спокойствие было тем более легче, потому, что, — как я снова подчеркиваю, — нарушителями его является не все курдское население, а небольшое число всем уже известных отдельных лиц.

Но как только курды поняли, что политика турок в отношении христиан изменилась, они все принялись за старое и, уверенные в безнаказанности, довели свою наглость и дерзость до такой сейчас крайности, что грабят, убивают, насилуют армян даже не в горных диких углах, а среди белого дня, на улицах городов (случаи в Ване, Сегхерти и т[ак] д[алее]). Для «видимости» турецкие власти начинают следствие, отдают даже приказ о преследованиях, но последние ведутся и кончаются по опереточному, и могу вам поручиться, что за последние три года не было произведено ни одного ареста настоящего убийцы. Помимо вытекающего из политических соображений попустительства турецких властей, надо к тому же считаться и с психологией турецких судей, жандармов и т[ому] п[одобное] чинов администрации. Судьи все глубоко невежественны, фанатичны, плохо оплачиваются правительством, а потому живущие поборами и взятками с населения; жандармы — все местные курды, находящиеся в родственной связи или принадлежащие к «аширету» (клану) преследуемых и разыскиваемых. Но главную роль все же играют своеобразное мировоззрение мусульманина, его психология; в глазах каждого правоверного убийца собаки-гяура — герой, которого надо не судить, а, наоборот, чествовать!..

Чтобы дать полную картину положения христианского населения в Турецкой Армении, упомяну еще, что, помимо адми-

нистративной анархии, армяне страдают также и от крайне безобразной, преступной с государственной точки зрения, фиска. В то время, как курдские селения обложены ничтожными налогами, армянские – невероятно высокими. Вот пример: село Пертак, принадлежащее все тому же Сеид-Али, платит подати 4 лиры в год, а находящаяся с ним рядом армянская деревня Тацу, в которой вдвое меньше домов – 80 лир! Этот факт говорит сам за себя.

– Вот какого теперешнее положение в Турецкой Армении. Мы, без различия партий и убеждений, изверились в Турции, мы не верим, что она хочет, что она сможет ввести реформы, поставить армян в сносные условия жизни. Мы не верим туркам, потому что разгадали план, разгадали дух политики турецкого правительства. Цель его: постепенно, без погромов и резни, которые вызвали бы вмешательство держав, истребить армянский элемент, постепенно экономически его уничтожить, сделать его дальнейшее существование невозможным и вытеснить его совершенно из его исторической, родовой земли, населив на место вольных и невольных эмигрантов – мусульманских переселенцев. В настоящее время, когда на руках Турции остались десятки тысяч беженцев из Македонии, Фракии и Эпира, когда Турция становится азиатским и мусульманским государством, ее политика мирного «вытравления» армянского населения будет идти усиленным темпом. Мы это видим, сознаем и чувствуем, и мы не верим потому никаким обещаниям реформ турецкого правительства, никаким комиссиям и проектам Киамиль-паши.

Чего же ждет, чего же хочет армянский народ?

Прежде всего, армяне помнят, что уже много раз они были горько обмануты «старушкой-Европой»; мы не хотим пережить новый 85-й год¹⁰ и потому не хотим связывать нашу судьбу с судьбой какой-либо другой державы. Мы хотим прежде всего быть

лояльными в отношении Турции, быть настоящими верными «оттоманами», но... ввиду явной неспособности турецкого правительства дать нам реальные гарантии безопасности нашей жизни, чести и имущества – мы просим, чтобы во имя общего интереса, и армян, и наших соседей-курдов, и самих турок – эти гарантии дали нам европейские державы или одна из держав, наиболее в этом заинтересованная.

В какой форме может выразиться этот контроль, нам турецким армянам это безразлично; но он должен быть осуществлен, если Европа и Россия не желают увидеть насильственного исчезновения части христианского армянского народа с его родовой территории.

10 января 1913 г.

(От нашего специального корреспондента)

III

Положение турецких армян

В «Истории кавказской войны» ген[ерала] В. Потто двадцать седьмая глава третьего тома начинается следующими словами: «В указе правительствующему сенату, данном императором Николаем Павловичем по поводу заключения мира с Персией, сказано: силою трактата, с Персией заключенного, присоединенные к России ханства Эриванское и Нахичеванское повелеваем во всех делах именовать отныне областью Армянскою и включить оную в титул наш»¹¹.

¹¹ В тридцать седьмой главе третьего тома книги В.А. Потто «Кавказская война» написано: «В указе Правительствующему сенату, данном императором Николаем Павловичем по поводу заключения мира с Персией, сказано:

¹⁰ Речь идет об армянских погромах в Османской империи в 1895 г. – В. П.

Приводя эти слова Высочайшего указа, талантливый военный историк Кавказа говорит далее, что данный акт являлся восстановлением и призывом к новой жизни христианского народа, сохранившего, несмотря на века бедствий, гнета и гонений, свою духовную самобытность. С другой стороны, указ императора Николая I являлся осуществлением мысли Великого преобразователя России, давшего ей на целые последующие века политическую программу. Восстановление прав армянского народа распространялось не только на одни те области, которые отходили под сень русской державы, но, включив в свой имперский титул слова «царство Армянское», Россия этим как бы брала на себя долг защиты и тех армян, которые оставались еще во власти мусульманских государств.

Так трактовал манифест 1828 г. русский историк завоевания Кавказа, так понимали на Кавказе обязанности России в отношении к армянам лучшие русские служилые люди, так смотрело на этот вопрос до 1880 года и само русское правительство.

С тех пор многое изменилось; русская политика за последние 32 года пошла в противоположном направлении, русское общество, в лучшей своей части, относилось к положению армян в Турции и к армянскому вопросу, в частности, совершенно равнодушно.

Неожиданные следствия балканской войны, влекущие за собою превращение Турции в азиатскую и мусульманскую державу, ставят, однако, на очередь, и притом в весьма острой форме, вопрос о дальнейшем положении армян в Турции.

Что это положение было до сих пор довольно-таки печальным, это, вероятно, известно широким кругам русского общества,

«Силой трактата, с Персией заключенного, присоединенные к России от Персии ханство Эриванское и ханство Нахичеванское повелеваем во всех делах именовать отныне Областью Армянской и включить оную в титул наш». — См.: *Потто В.* Кавказская война. Т. 3. Персидская война 1826-1828 гг. Москва, 2007. С. 457. — *В. П.*

которое помнит и константинопольскую резню 1896 г., и избиение армян в Адане в 1909 г. Однако, мало кому известно, что настоящее положение армян, живущих в вилайетах Малой Азии, вдоль нашей кавказской границы (Ван, Битлис, Муш, Диарбекир), несмотря на существование в Турции конституции, является гораздо более печальным и тяжелым, чем было, например, существование болгар, сербов и греков в Македонии. После пяти столетий мрачного и гнусного рабства последние, благодаря героизму своих свободных братьев царства и королевств, увидели, наконец, зарю освобождения, вздохнуть теперь без страха полной грудью; кровавый кошмар ежедневных насилий, убийств, грабежей и издевательств для них, наконец, рассеялся.

Но не рассеялся он для армянского народа, который, заброшенный в далекие горы и долины Курдистана, не может ни на кого опереться, не может никого призвать для своего освобождения. Но если сочувствие и симпатии Европы и России к героическим балканским народам были вызваны не только одними победами последних, но, главным образом, и теми невыносимым тяжелым гнетом и угнетениями, в которых находились их братья в Европейской Турции, то почему же такое же яркое и живое сочувствие не загорается в отношении таких же христиан-армян, стонущих под турецким игом в Малой Азии?

Если для возбуждения этого сочувствия нужны жертвы, реки крови и десятки замученных и изнасилованных, я могу поделиться с русским обществом теми сведениями, которыми я располагаю за последние два месяца.

Округ Сехерт. 1-го ноября. — В семье Чауша Кеворка убиты мужчина и женщина; убийцы надругались над трупами. Несмотря на то, что злодеи были всем известны, власти арестовали по этому делу 4 армян. В этот же день убит сельский староста-армянин из дер[евни] Боссан.

2-го ноября.— В дер[евне] Дюгер убит 75-летний старик Ховсен, дочь его вдова Мариан и внучка 8 лет изнасилованы.

29-го ноября.— Ограблены несколько человек армян-торговцев, отправлявшихся в город.

В ноябре месяце дер[евня] Меречек, состоявшая из 8 армянских домов, не будучи больше в состоянии выносить террор курдов, бросила свои земли и усадьбы и эмигрировала.

1-го декабря.— Известный курдский разбойник Дервиш напал на армянскую деревню Кеюниб, разграбил и сжег ее.

14-го декабря.— Турецкий офицер, капитан Аллаэддин, войдя со своим отрядом в 150 человек, в армянскую деревню Полент, избил до полусмерти без всякого повода нескольких мужчин; несколько женщин были изнасилованы солдатами.

Округ Муш. 27-го ноября.— Местные турецкие власти, под предлогом взыскания судебных издержек с армян, арестованных еще при Абдул-Гамиде и потом освобожденных, арестовали их, а имущество продали.

26-го декабря.— Шейх Шаро насильственно завладел богатыми поместьями двух армян дер[евни] Кыяболи. Этот же шейх несколько днями раньше провозгласил против христиан той же деревни священную войну. Посланцы шейха обходили окрестные курдские селения, приглашая магометан «резать, убивать, не давать пощады!» Извещенные об этом власти бездействовали.

9-го декабря.— В деревне Байбурт жандарм-мусульманин Халил-Оглу-Риза, во время празднования в одном армянском доме свадьбы, начал стрелять в окно. Он же на следующий день на базаре ранил четырех армян штыком.

13-го декабря.— В той же деревне смертельно ранен священник Кеворк Гюлян.

11-го декабря.— В самом городе Муш офицер Махмет эфенди, прибывший для приема новобранцев, совершил над армянами ряд возмутительных по жестокости поступков.

Округ Битлис. 26-го ноября.— Курды аширета Оло увели из деревни Горву трех наиболее зажиточных армян-крестьян, потребовав от деревни выкуп в 100 турецких лир.

Курды увели в деревню Овен жену армянина Еранос, находящегося на военной службе.

Округ Ван. 28-го ноября.— В деревне Хасыхдан турецкая банда увела жену армянина Вахрам; в деревне Халиле — жену Аракела Екхояна.

26-го ноября.— В окрестности города прибыла совершенно открыто банда известного разбойника Мах-Мэ и пыталась, среди белого дня, напасть на близлежащие у города армянские села Сбаргет и Гаргар.

В городе Алеп власти без причин арестовали состоятельного купца-армянина Ченариока и подвергли его истязаниям.

Зейтун. 30-го ноября.— Десять человек жандармов, под командой офицера, избивая крестьянина Сп. Мартироса, заколотили его на смерть.

Мугар. 14-го ноября.— Под влиянием известий с театра балканской войны, шайка мусульман принялась избивать армян. Убито семь человек. Власти бездействовали.

Зейтун. 20-го ноября.— Повторилось выше рассказанное избиение. Армянское население заперлось в домах.

Алеп. — С 11-го по 20-е ноября шайка из двадцати человек курдов, под начальством турка Деурт-Кыли, избивала, грабила и истязала жителей армянской деревни Яркуа.

5-го ноября.— По дороге из дер[евни] Чивилки в дер[евню] Марашкурды убили кр[естьянина] М. Панос.

19-го ноября.— У дер[евни] Катан убит армянин Кахиан.

16-го ноября.— Отряд солдат окружил дер[евню] Гогюсан для производства обыска, избил всех крестьян, причем трое из них были избиты до потери сознания.

Я мог бы этот мартиролог истязаний, пыток, насилий и убийств продолжать до бесконечности; но нужно-ли это?

Несколько месяцев тому назад, когда после знаменитой кочанской бойни (в Македонии) я проезжал из г[орода] Велес в Ускюб, на страницах «Биржевых ведомостей» привел ряд возмутительных преступлений, которые творились турками над болгарским населением, и вот теперь, когда я пишу настоящую статью, я переживаю те же чувства отвращения, злобы и стыда; стыда за то, что в XX веке возможны подобные мерзости, подобные зверства. Но в те дни, когда я делился с русским обществом своими сведениями из Македонии, я все же знал, что несчастная, замученная «райя» рано или поздно найдет в братской ей Болгарии или Сербии мужественных и непреклонных мстителей; этого чувства облегчения у меня нет, когда я вижу сейчас, когда передо мной развертываются картины молчаливого векового страдания армянского народа. И во имя человеколюбия и гуманности, если не во имя реальных политических интересов России, мне хотелось бы верить, что русское общество подымет свой голос в защиту того народа, чьи единокровные братья тесно связали свою судьбу с Русской державой, чье имя входит в наш государственный титул!

16 января 1913 г.

(От нашего специального корреспондента)

IV

Россия и армяне

... Две узкие, выющиеся среди беспорядочно нагроможденных, буро-желтых голых скал ленты; одна – живая, то прозрачно-холодная, то вся вспененная и шумная – Аракс; другая – молчаливая, блестящая на ослепительно ярком здесь солнце острой гранью двух стальных борозд – рельсовый путь. Десятками верст

бегут они рядом, сближаясь причудливо переплетаясь, далеко расходясь и снова сходясь. И в своем взаимном беге, в своем упрямом стремлении вдаль они как будто не могут сбросить с себя странного, дышащего притягательной силой, очарования вечно снежного, вечно таинственного Арарата; часами стучат стальные колеса мчащегося вперед поезда, часами скачет по камням неугомонная река, но острый, белоснежный купол, венчающий массивный хребет Агри-Дача, неотступно следует за ними... У северного подножья этого изумительного по величию и благородной красоте, созданного великим архитектором – Природою, храма лежат мирные поля, сады и виноградники «русской» Армении. Здесь сошел на землю и жил, спасенный Богом от потопа, Ной; здесь возникали и падали царства; здесь каждый уголок земли обвеян поэзией легенд и преданий. За южным склоном царственной горы лежит «Турецкая» Армения – многострадальная страна «проклятия и окровавленного меча», край странных, мало разгаданных до сих пор писем, бывших великих катастроф, край тысячелетнего человеческого горя... Этот край – цель моей поездки, но, прежде чем поделиться с русским читателем моими впечатлениями, со всем тем, что мне пришлось видеть, слышать и наблюдать по ту сторону высокого и зубчатого каменного барьера, являющегося границей между нами и Турцией, мне хотелось дать хотя беглый и краткий очерк того, как отражаются положение и события в Турецкой Армении в русской ее части, как смотрит на современное состояние армянского вопроса высшая кавказская власть, и что думают сами армяне о своем положении в России.

Я имел возможность перед своим отъездом из Тифлиса несколько познакомиться с некоторыми взглядами и мнением помощника наместника по гражданской части, сенатора Э. Ватаци.

«Подымет-ли в настоящее время Россия в той или другой форме вопрос о положении армянского населения в Турция? Это

* Bryce. Transcaucasia and Ararat. Лондон.

находится вне сферы компетенции кавказского наместничества и зависит всецело от русского министерства иностранных дел, которое, конечно, в своем образе действий будет сообразоваться с общей политической обстановкой, с общим политическим моментом. Наместник Кавказа – явился только как бы передаточной инстанцией, сообщив высшей власти поступившие на его имя ходатайства и просьбы, сопроводив их своим личным заключением.

Последнее составлено в духе благоприятном для армянского народа, но ставящем прежде и выше всего интересы русского государства. Является ли в интересах последнего ставить на очередь армянский вопрос настолько резко, чтобы это могло привести нас к необходимости поддержания его путем вооруженного вмешательства? Думается, что нет; наоборот, не обостряя вовсе своих отношений к Турции, мы путем дружеского воздействия и советов могли бы скорее прийти на помощь обездоленному армянскому населению Турции. Прежде всего, можно было бы доказать турецкому правительству необходимость административного переустройства вилайетов, в которых живут армяне, – другими словами, выделить местности с преобладающим армянским населением в самостоятельные административные единицы с христианской администрацией. Следующей мерой явилось бы учреждение европейской жандармерии, контроль консулов и т[ак] д[алее]. Этими мерами, не затрагивающими ни самолюбия, ни достоинства Турции, можно было бы добиться того осуществления безопасности жизни, чести и имущества, о котором только и просят армяне. Вероятно, русская дипломатия так и поставит этот вопрос.

Высшая власть на Кавказе относится к армянскому народу с полной благосклонностью и полным доверием и никогда не предъявляла к нему обвинений в каком-либо стремлении к политическому сепаратизму. Таких стремлений у него нет, но есть стремления к сепаратизму национально-культурному. В этом отношении армяне – глубочайшие и самые узкие националисты, ко-

торые, не щадя сил и средств, если так можно выразиться, «культивируют свою культуру». И мне кажется, что тут жаловаться на русское правительство им не приходится, потому что оно дало и дает им все, что только может дать наше государство, например, совершенно автономную начальную церковно-приходскую школу и пр[очее]. Революционная волна, которая пробежала по армянскому народу в период 1905-1907 гг., теперь прошла, и огромная масса армянского народа, в сущности очень буржуазного, отошла совершенно от всяких революционных течений и заняла даже в отношении их неприязненную позицию. И кавказская власть, сознавая это, преследуя, с каждым днем, все тающие революционные группы и организации, отнюдь не отождествляла последние со всем армянским народом, но, наоборот, верила и верит в его полную лояльность и в своей внутренней политике проникнута к нему, в свою очередь, тою же полною лояльностью. Что же касается положения зарубежных армян, то, глубоко сочувствуя им по человечеству, высшая кавказская власть, не имеет возможности проявить свое сочувствие реально».

Что же думают по этому поводу сами армяне? Мне пришлось по этому поводу долго и обстоятельно беседовать с многочисленным кружком армянской интеллигенции – врачами, учителями, адвокатами, инженерами, публицистами. Их мнения и заключения я и постараюсь вкратце резюмировать.

18 января 1913 г.

(От нашего специального корреспондента)

V

Русско-армянские отношения

«С приездом графа Воронцова-Дашкова на Кавказ политика русского правительства в отношении армян, – говорили мне вид-

ные представители армянского общества, — заметно изменилась. Нельзя отрицать того, что высшая власть на Кавказе, действительно, старалась подчеркнуть не только свою доброжелательность, но и закономерность... Но — как и всегда в русской внутренней политике, имелось это роковое “но”! — Петербург не всегда шел рука об руку с Тифлисом и вносил в политику наместника значительную двойственность. Этим “курсом” отличались в особенности министерства народного просвещения и юстиции. Вес образ действий председателя тифлисской судебной палаты г[осподина] Лагоды явственно говорил, что политика наместника — одна, а политика министерства юстиции — противоположная; одним из первых же шагов г[осподина] Лагоды было массовое увольнение со службы туземцев; в мировом судебном институте кандидаты на судебные должности армянского происхождения получали назначения в Россию или в местности с грузинским населением, губернии армянские для них были закрыты. В самые последние дни, например, одиннадцать (11!) помощников присяжных поверенных не были приняты в сословие, и только потому, что они — армяне. Политические процессы стали средством расправы, сведения личных счетов, и обвиняемые, как милости, просили, чтобы их судили военным судом, но не в палате. То же самое можно сказать и про некоторые другие ведомства. Например, недавний процесс “дашнакцутюнов”, — он был создан, вне влияния и компетенции наместника, б[ывшим] начальником тифлисского жандармского управления г[осподином] Ереминым. Двойственность русской политики на Кавказе очень резко обнаруживается и в земельном вопросе. При кн[язе] Голицыне переселение носило характер узкоруссификаторский.

Гр[аф] Воронцов, хотя и принял более разумную систему, но он обратил внимание исключительно на так называемых “иногородних” С[еверного] Кавказа и оттуда черпает кадры переселенцев. Понимая вполне тенденции русского правительства, туземцы

не могут, однако, не сетовать, что такая система переселения идет вразрез с интересами коренного населения Кавказа, так как земельный голод дает ему себя уже очень остро чувствовать. Русское правительство закрывает на это глаза, и, хотя в его распоряжении имеется очень много свободных земель, ни один квадратный вершок казенной земли не предоставляется туземцам, благодаря чему на Кавказе, преимущественно среди армян, начинает уже замечаться эмиграция (Александропольский уезд). Не говоря уже об общей политике, — в каждом отдельном конкретном случае замечается такая двойственность.

Но все же армянское население сознает, что даже при этой двойственности русской политики, при всех отрицательных качествах местной администрации низшего ранга, армянскому народу предоставлена возможность культурного и национального развития, обеспечена безопасность его жизни, его имущества, что в этом отношении русская государственность поставила его в условия, неизмеримо более прочные и благоприятные, чем в которых находятся армяне Персии и Турции.

Такое чисто практическое сознание заставляет армян России прочно и тесно связывать свою судьбу с судьбой русского государства, заставляет их быть верными и лояльными русскими гражданами. И, как таковые и как армяне, они не могут остаться безучастными к тому положению, которое создается сейчас в Турецкой Армении. Общее убеждение всех армян, — что только одной России нужно предоставить право и долг обеспечить турецким армянам возможность дальнейшего их существования. Почему — России? Потому, что этого требуют, во-первых, ее собственные реальные интересы; потому, что армяне изверились за эти 35 лет в добрую волю других держав и в концерт последних — во-вторых. В какой конкретной форме могут вылиться эти реформы, как и чем может Россия гарантировать их, — этого вопроса армяне не хотят предрешать.

Почему армяне думают, что такое «вмешательство» России вытывается ее собственными – России – интересами? Вот почему: следствия балканской войны, превращающие Турцию в чисто-исламскую и мусульманскую державу, явятся в будущем угрожающими для безопасности русской границы с Турцией. Граница отныне исключительно с одной Россией (чатаджинская граница не идет в счет), Турция, хотя и ослабленная, но все же достаточно сильная, обратит все развитие своей военной мощи исключительно против России, и, если до войны 1912 г. Турция могла выставить на кавказской границе, примерно, 200-250 тысяч человек, теперь она выставит вдвое!

При этом Турция имеет несомненную тенденцию создать в местности, где живут сейчас армяне, – сплошную и сплоченную мусульманскую массу, что при известном фанатизме, при непрерывно ведущейся пропаганде панисламистских идей среди кавказских мусульман, представит в недалеком будущем для России серьезную угрозу. Вот почему интересы России требуют создания на своей границе таких условий, при которых турки не могли бы использовать армянское плоскогорье, как плацдарм для сосредоточения своих военных сил. Как это сделать, – пусть подумают об этом русские государственные люди; армяне не могут подсказывать и навязывать России свои решения, – они примут из рук ее всякое, действительно только реальное разрешение вопроса, отвечающее не только интересам армянского, но и интересам русского народов».

Мое письмо слишком затянулось, и я не могу поэтому остановиться на характеристике всех различных по этому вопросу среди армян течений. Я сделаю это в другой раз, пока же ограничусь указанием, что практический, трезвый и расчетливый армянский народ ясно сознает, что в его грядущем политическом и национальном существовании он не может идти вне и без России, и это сознание, действительно, объединило сейчас все слои, все

течения, все партии народа, и, обращая свои взоры к России, он просит вспомнить слова Х.Ф.Б. Линча, члена английского парламента и британского географического общества, который в предисловии к русскому изданию своего капитального труда «Армения» сказал: «Я уверен в том, что русскому правительству не придется раскаться в своей доверии к армянам»¹²!

20 января 1913 г.

(От нашего специального корреспондента)

Эчмиадзинские беседы

Мне пришлось в ожидании приема у его святейшества католикоса, верховного патриарха всего армянского народа, прожить в эчмиадзинском монастыре несколько дней. Этими днями я воспользовался не столько, чтобы осмотреть немногие уцелевшие древности, – печальные памятники славного прошлого, былого величия, былой культуры, – сколько, чтобы побеседовать с паломниками, а в особенности с беженцами из Турции, нашедшими себе гостеприимный приют и кровь в стенах национальной армянской святыни.

Древняя обитель уже с самых седых, теряющихся во мраке истории, времен своего основания служила для армянского народа не только живым и пламенным рассадником и могучим оплотом народного самосознания и национальной культуры, но и убежищем, в которое стекались все печали и горести, вся тихая, глубокая

¹² В книге Х.Ф.Б. Линча написано: «Я уверен в том, что русскому правительству не придется раскаться в поощрении этого сближения актами доверия по отношению к его армянским подданным». См. Линч Х.Ф.Б. Армения. Путевые очерки и этюды. Тифлис. 1910. С. VIII. – В. II.

скорбь народа, пережившего века тяжелого политического гнета, века национального и религиозного мученичества и гонения.

Если мало нам, русским, известная, украшенная мифами и легендами политическая история армянских царств говорит о бессилии армянского народа отстоять перед иноплемениками свою государственность, если в длинном ряде столетий Армения была или безмолвной данницей сильных соседей или яблоком раздора между ними, то история христианства в этой стране, напротив, богата доказательствами необыкновенной упорной стойкости народа в защите своих верований. Этой силе религиозного духа армянский народ и обязан сохранением своей национальной общности; эту силу религиозного духа и вырабатывал, питал и поддерживал в нем Эчмиадзин, — столица облеченных ореолом в былые времена святости, а ныне — национального представительства католикосов. В лице их Армения, слабая и бессильная против политических бурь, создала себе, таким образом, крепкую духовную и национальную мощь, сплачивающую рассеянных по всем углам и странам мира армян в один народ.

И, как встарь, сыны этого народа, которых большинство европейцев считает почему-то хитрыми, расчетливыми торгашами, ловкими и изворотливыми политиками, идут в минуты своего горя, печали и сомнений в древнюю, обветшалую обитель, с горячей верой несут сюда свои невыплаканные слезы, с наивной детской верой возлагают на нее свои упования, поверяют свои надежды и мечты. Идут даже те, кто, проникнутый идеями и принципами современного знания, позитивизма и специализма, давно отошел от церкви, кто недавно еще энергично боролся в рядах ее противников, провозглашал ее уничтожение. Если я пишу об этом, то только потому, что меня натолкнула на эти мысли неожиданная встреча в монастыре с двумя выдающимися деятелями армянской интеллигенции, стоявшими во главе когда-то грозного Эчмиадзина «дашнакцупона»; теперь они пришли сюда, от имени турецких

членов партии, просить католикоса выступить перед Государем Императором ходатаем за армянский народ. Я не могу, к сожалению, по известным соображениям, назвать их имена, но не могу также не отметить перед русским обществом значения как этого обращения, так и характера и сущности последнего. И то, и другое три-четыре года назад было бы невозможным, в настоящее же время оно явилось неизбежным и естественным, и этот факт лучше всяких громких слов говорит о том, какой глубокий переворот совершился в умах и сердцах армян.

Какая же сила вызвала этот переворот, что заставило недавних противников Эчмиадзина и русского правительства сделать шаг, радикально меняющий как тактику, так и политический лозунг партии? Ответ один: сознание опасности, угрожающей сейчас армянам Турции, — сознание ясное, твердое и единодушное, что только одна Россия может предотвратить полное уничтожение 800-тысячного армянского населения Оттоманской империи.

5 февраля 1913 г.

(От нашего специального корреспондента)

VII

Я передаю ниже точку зрения моих собеседников, объясняющую, каким образом прогрессивная часть армянского населения пришла к такому убеждению?

«Прежде всего, — говорят они, — наша партия горячо протестует против утверждения, что мы выставляли на нашем политическом знамени лозунг “Прочь от России”! Это — злонамеренная клевета, которая распускалась вашими охранниками и публицистами, меньшиковского типа. Их ссылка при этом на какие-то резолюции венского съезда 1907 г. — также тенденциозная неправда.

Таких резолюций ни упомянутый, ни другие съезды партии не делали; но мы не скрываем, что в те времена (1905-1907 гг.) дашнакцаны, так же как и многие русские передовые люди, увлеченные общим демократическим движением, мечтали о возможности создать такой государственный строй жизни, который обеспечил бы каждой отдельной национальности право на ее культурную и административную самобытность. В этом нашем увлечении идеей децентрализации мы, армяне, повинны, как и некоторые русские партии, но отсюда до “политического сепаратизма” – дистанция для нас едва-ли преодолимая!.. Настал 1908 год, и на смену русской – пришла турецкая “весна”.

Возможно, что часть армянского народа, увидевшая в России печальное крушение своих идейных и народных стремлений, слишком слепо, слишком бурно поверила обещаниям младотурок; нам так хотелось в них верить! Вот почему в те далекие дни в словах и речах некоторых представителей турецких армян, когда они говорили о России, звучало столько горечи, обиды и раздражения. Но – не злобы, поверьте! Мы говорили о России в те дни праздника турецкого равноправия и братства с болью, с волнением, как говорят о потерянном друге. Но с другой стороны, если мы, турецкие армяне, так легко поддались младотурецкому гипнозу, то русские армяне остались глухи и чужды его чарам и даже в самый красивый увлекательный момент армяно-турецкого братства они сохранили не только полную лояльность в отношении к России, но совершенно определенно выраженное тяготение к ней. Вам нужны примеры? Извольте, – перелистайте страницы газеты “Оризон”, одного из самых передовых и демократических армянских органов. Что же писал он в то время? А писал он вот что: отвечая на некоторые речи в турецком парламенте армянских депутатов Зохраба и Варткеса, выступивших с обвинением России в преследовании армянского народа (по поводу знаменитого

следствия о “дашнакцутюнах”), “Оризон” горячо протестовал против такого недостойного выпада.

Как бы ни был возмутителен и несправедлив с армянской точки зрения названный процесс, все же, – утверждал “Оризон”, – русское правительство борется и преследует не весь армянский народ, а только одну из его социально-политических партий; положение армян в России, несмотря на все бумажные блага турецкой конституции, несравненно выше положения турецких армян уже по одному тому, что их жизнь, их честь, их достоинство в России действительно обеспечены. Вот почему, по мнению газеты, армянским депутатам турецкого парламента следовало бы прибегать не к дешевому полемическому красноречию, а стремиться к достижению для армян Турции таких условий существования, в которых давно уже находятся их сородичи в России.

Эта суровая отповедь прогрессивного армянского органа, нашедшая себе сильный отзыв и во всей остальной армянской печати, оставила в умах турецких армян глубокое впечатление и немало способствовала тому критическому отношению, которое начало среди них рождаться с конца 1909 г.

Чем сильнее они разочаровывались в турецкой конституции, тем больше приходили они к убеждению, что в Турции армяне сознательно обречены и младо- и старотурками на постепенное мирное “вытравление”. Вполне понятно, что наряду с этим убеждением у народа прочно вселялась уверенность, что независимо от курса внутренней политики русского правительства вопрос обеспечения жизни, чести и имущества, т[о] е[сть] элементарные, “шкурные” вопросы человеческого существования не могут быть разрешены для турецких армян благоприятно вне политической орбиты, вне влияния России.

Когда в конце августа только что минувшего года пронеслась весть о новых погромах и зверствах в Турецкой Армении, известный армянский поэт и публицист Ов[анес] Туманян выступил в

армянской печати с горячим воззванием, убеждая армян сплотиться вокруг России, искренне возложить на Россию все свои надежды и упования, так как Россия является единственной державой, которая может своим решительным вмешательством положить конец необеспеченному положению турецких армян.

Горячий призыв Ов[анеса] Туманяна был принят общественным мнением армян с глубоким сочувствием, и в обществе, и в печати стали раздаваться громкие голоса, приглашавшие ввиду серьезности момента забыть все партийные и классовые распри и трения и единодушно выразить свое доверие к России — исторической защитнице армянского народа. И это народное течение было настолько сильно, что “дашнакцаканы” должны были отбросить совершенно вопрос, сочувствуют-ли они или не сочувствуют политике русского правительства, и признать вместе со всем народом, что только одно это правительство может обеспечить армянам право на существование.

К этому времени в г[ороде] Тифлисе состоялось собрание представителей армянского общества, пославшее к католикосу двух делегатов с просьбой ходатайствовать от имени российских армян перед Государем Императором о вмешательстве в пользу турецких армян. За этой делегацией последовали другие, из разных мест, от разных слоев и партий.

Вот каким образом явились в Эчмиадзин и мы!

Я прерываю на этом месте мою беседу с представителями турецких левых армянских партий, так как, в дальнейшем нашем разговоре, мы касались уже вопроса о том, в какой форме могло бы состояться вмешательство России, а этот крайне интересный и серьезный вопрос выходит уже из пределов настоящего письма.

6 февраля 1913 г.

*** (От нашего специального корреспондента)

Эчмиадзин, 27-го января

VIII

Беседы с эчмиадзинскими владыками

«Мне очень обидно, но я боюсь, что все же мне придется вас огорчить», — говорил мне в скромной и неуютной комнате монастырской гостиницы в Эчмиадзине симпатичный и любезный правитель дел Эчмиадзина, архимандрит о[тец] Баграг. Дело в том, что после грубого вымысла, который приписал его святейшеству (в прошлом году, во время пребывания его в С[анкт]-Петербург) один из сотрудников «Нового времени», католикос решительно отклоняет всякие свидания с журналистами. Еще недавно приезжал сюда корреспондент одной большой московской газеты и, несмотря на ворох рекомендательных писем, он все же не был принят. Впрочем я все еще не теряю надежды. «Положите еще день-два»!..

Эти день-два, однако, растянулись почти на две недели, пока, наконец, сияющий и довольный о[тец] Баграг не объявил мне: «Сегодня в 6 ч[асов] вечера католикос вас примет, только, пожалуйста, не ставьте его святейшеству... неудобных вопросов»!

Ровно в шесть вечера я вошел, в предшествии все того же о[тца] Баграга, в очень узкую, длинную, более чем скромно обставленную залу. Из-за покрытого красным сукном стола, стоявшего в конце комнаты, поднялась высокая плотная фигура в черной шелковой рясе, в черном же клобуке с бриллиантовым крестом. Преподав благословение, католикос широким жестом руки указал мне на стул, стоявший слева от стола. «Мне говорили, что вы едете в Турецкую Армению, — несколько глухим, старческим голосом, но

без малейшего акцента обратился ко мне верховный патриарх всех армян. – Трудно вам будет сейчас путешествовать, очень трудно... Страшные морозы, глубокие снега; горы едва-ли проходимы. Но все же попытайтесь. Я от всего сердца благославляю вас. Давно уже нужно было, чтобы русское общество узнало из уст русского же журналиста всю правду об этой несчастной стране. Сами все увидите, узнаете, это будет сильнее и лучше всяких чужих сообщений»...

И словно боюсь, как и о[тец] Баграт, что я буду задавать ему «неудобные» вопросы, его святейшество сам начал мне их ставить. Я не буду передавать их читателю, они свидетельствуют только о том, что маститый пастырь армянской церкви до сих пор еще живой и любознательный человек, чутко откликающийся и следящий за всеми вопросами как внешней политики, так и русской жизни. Особенно долго и подробно интересовался он моими личными впечатлениями, вынесенными с Балкан, и не раз прерывал меня выражениями искреннего сочувствия к балканским славянам. «Да, эта война будет иметь огромные последствия не только для балканских государств, но и для России, и для нас, армян!» – повторил он несколько раз.

Отпуская после часовой беседы меня, католикос еще раз повторил, как глубоко и горячо доволен он, видя, что, наконец, русское общество и русская печать начинают интересоваться делами армян. «Поговорите по этому вопросу с епископом Месропом, – посоветовал он мне, прощаясь, – он находился во главе делегации, передававшей наместнику Кавказа мою правду о помощи армянскому народу!»

Епископа Месропа Тер-Мовсеяна [Тер-Мовсисяна – В.П.] (получившего только что назначение на тифлисскую кафедру) я застал работающим в богатой монастырской библиотеке. Я передаю беседу с ним дословно.

«Ход исторических событий тесно связал судьбу армянского народа с русским народом и государством. Эта связь была главным образом основана на их культурном и религиозном общении. Как один из первых народов, принявших христианство, армяне наряду с другими христианскими народностями (как-то: грузины, сирийцы и т[ак] д[алее]) веками принуждены были вести труднейшую и непосильную борьбу против натиска магометан с юга, а потом и с востока. В этой неравной борьбе армяне потеряли свою политическую самостоятельность, но крепко держались за свою религию и церковь. Первый луч освобождения улыбнулся армянскому народу только тогда, когда Россия, сбросив с себя мусульманское иго, выступила сама в роли защитницы и освободительницы поработенных христианских народов. Еще в XVII веке армянские католикосы имели связь с русскими царями, что доказывается имеющимися в нашей библиотеке грамотами. Более осязательную форму это стремление армян к России приняло со времени Петра Великого, когда могучий преобразователь России начал искать на востоке путь к теплому морю. В последующие затем времена Россия являлась уже исторической покровительницей христиан на востоке, это и привело к завоеванию ею Кавказского края и к присоединению в 1828 году области Армянской.

Во всех войнах, предпринимавшихся Россией с целью освобождения или улучшения положения христиан на востоке, армяне жизнью и имуществом своим шли ей навстречу и во все времена, и во всех случаях заветной мечтою армян было присоединение к России, жизнь под ее державной сенью. История завоевания Кавказа полна бесчисленными выражениями тех восторгов, которые пробуждались при появлении русских войск, и ужаса и горя – при их удалении.

Каждое очищение русскими турецкой территории сопровождалось переселением армян в русские пределы. Об этом опять-таки говорят исторические факты.!. Так шли года. Но вот наступили

времена, когда в России как будто перестали идти по начертанному великим преобразователем России историческому пути, и у русского правительства родились в отношении к армянам ни на чем не основанные подозрения.

Я не буду касаться подробно этого вопроса, потому что он для нас, армян, и слишком большой, и слишком непонятный. Было время, еще совсем недавно, когда нас не хотели даже слушать и, к сожалению, даже в серьезных и компетентных слоях русского общества нам приписывали тенденции и стремления, которых у нас не было и которые настойчиво хотели нам навязать. Наши возражения, обоснованные не только всем нашим историческим прошлым, но даже простыми арифметическими выкладками, — не принимались. И, повторяю, много труда приходилось нам употреблять только для того, чтобы нас хотя бы выслушали. Этим предубеждением был заражен даже такой умнейший политический деятель России, как С.Ю. Витте, который только после долгого разговора со мной откровенно сознал свою ошибку и заблуждение. Этот печальный мираж теперь, к счастью, проходит, и Россия опять становится на свой исконный славный путь, тот путь, с которого нас, армян, отталкивали, но с которого мы никогда не сходили и, верю, не сойдем!

В настоящее время, когда последствия балканской войны изменили политическое положение Турции, армяне выражают надежду, что русское общественное мнение вникнет в серьезность положения миллионного христианского населения в турецких вилайетах, примыкающих к русской границе; они хотят верить, что та задача, которая так хорошо была понята великим русским Царем-Освободителем и выражена им в 16-й ст[атье] С[ан]-Стефанского договора, что эта задача требует своего осуществления особенно теперь. Ведь, если бы в свое время эта статья была осуществлена, то Россия не имела бы в Малой Азии европейской соперницы, быть может, не была бы проведена багдадская дорога,

быть может, даже — героические победы славных христианских народностей Балкан не встретили бы той неожиданной помехи, какую они встретили теперь!..

Я желал бы, чтобы русское общество проникнулось идеей великих русских государей: Петра Великого и Александра II, чтобы оно знало, чтобы оно уверовало в то, что защита Россией армян: исполнение ст[атьи] 16-й С[ан]-Стефанского, а не 61-й Берлинского договоров, является политикой, отвечающей, действительно, реальным и самым жизненным интересам России.

И мне, как армянину и как русскому гражданину, будет больно и обидно, если настоящий политический момент не будет Россией использован!

Таково мнение уважаемого всеми армянами епископа. Я счел бы свою задачу: передать мысли эчмиадзинских владык — не исполненной, если бы не привел здесь также мнения одного из самых видных, хотя и молодых эчмиадзинских деятелей, ректора духовной академии и правителя дел Эчмиадзина архимандрита о[тца] Баграта.

— Мы получаем, — сказал он мне, — не только от русских, но и от турецких армян, из Индии, Америки, Европы, словом отовсюду, где только нашли себе приют наши сородичи, пламенные просьбы об обращении к защите России. В этом отношении сейчас слились, сошлись все толки, течения и партии. Так же, как и епископ Месроп, я убежден, что если Россия упустит настоящий политический момент, то это будет не только несчастьем для армян, но и крупной политической ошибкой со стороны России!..

Какого сейчас положение? Мы не знаем; вернее, оно — неопределенное; если верить частным слухам и толкам, Россия, будто бы, дает армянам совет: ждать! Ждать? Но до каких пор? До тех-ли пор, пока в Турецкой Армении не останется ни одного армянина! Можем-ли мы, вообще, рассчитывать на что-нибудь реальное и определенное со стороны России? Я не знаю, не знает в Эч-

миадзине никто. Вы были совершенно правы, когда в одной из ваших статей вы писали, что Эчмиадзин переживает в настоящие дни моменты такого же мучительного сомнения и неизвестности, как и в 1828 году. И не только Эчмиадзин, но и все, решительно все армяне. Мы понимаем, что сейчас армянский народ переживает одну из самых серьезных, быть может, трагических страниц своей истории. Дай Бог, чтобы это поняли и в России!

8 февраля 1913 г.

(От нашего специального корреспондента)

IX

Эчмиадзинские беседы

Армения – страна легенд, памятников и развалин. Но в ее легендах и развалинах веет дух религиозных преданий, ее печальные памятники напоминают о потоках пролитой крови. В четырех-пяти верстах от Эчмиадзина, на пути к деревне Ушакон, стоит, почти сливаясь с желто-бурым фоном полей, небольшой скромный обелиск-часовня. Ежегодно 17-го августа все эчмиадзинское духовенство совершает к нему крестный ход и служит там панихиду по русским солдатам, павшим в 1828 г. при освобождении монастыря от персидских полчищ. С эпической простотой рассказывается об этом бое в истории завоевания Кавказа: «Эчмиадзин переживал во все время боя минуты страшного сомнения... Вес монастырь молился. Облаченный в праздничные святительские одежды, архиепископ Нерсес в соборне со всем духовенством совершал божественную службу... Но вот пушечный гром мало-по-малу затих, и остатки русского войска появились перед Эчмиадзином. С молебным пением и колокольным звоном встретил монастырь своих избавителей»...

Да, простит мне читатель за эту экскурсию в область истории. Мне невольно вспомнились эти строчки, когда, бродя по окрестностям монастыря, я случайно набрел на памятник. И, стоя около него, мне вдруг почудилась некоторая странная аналогия между настроением современного Эчмиадзина и тем далеким прошлым, о котором напоминают эти куски серого камня. Правда, сейчас не льется кругом кровь, но дрожат от пушечного грома обветшалые стены древнего монастыря, но разве не переживает сейчас Эчмиадзин таких же минут тяжелого сомнения?

Ведь, если нет кругом персидских полчищ, вырезающих армянское сельское население, то не гибнут-ли ежедневно за снежным хребтом Агри-Дага от руки фанатичных, невежественных курдов – десятки и сотни армян, не так же-ли сейчас горячо молит монастырь о русской помощи, о русской поддержке и не знает, – придет-ли эта помощь?

А она нужна, нужна немедленная и решительная. Что-то нехорошее, темное и грозное надвигается сейчас с диких и угрюмых гор Курдистана на армянские долины.

Уже с первых моментов возникновения балканской войны атмосфера в Армении внезапно сгустилась, словно перед грозой; но только сравнительно недавно раздалась первые раскаты надвигающейся бури: 11-го октября был убит инспектор армянских народных школ Рафаэл Заитяян, и подробности этого убийства и последствия его слишком выделяются из ряда обычных в этом крае преступлений, чтобы о них можно было молчать. Хорошо осведомленный о настроении курдов убитый армянский общественный деятель решил указать одну из могущественных шейхов Ванского вилайета Сеид-Али (я писал уже о нем) на необходимость успокоить взволнованные страсти курдского населения. Такая «дерзость» гяура возмутила Сеид-Али, и он решил отбить раз навсегда у армян охоту делать ему какие-либо указания. По поручению бека духовное лицо его «аширета» (клана) Молла Мхэ

должен был убить Заитьяна. В вышеназванный день, в то время, когда инспектор школ вместе со священником Тер-Мартиросом и восьмью другими спутниками возвращался из поездки с ревизией подчиненных ему школ, шайка курдов, предводимая Моллой Мхэ, засела в засаду около сел[а] Цоку. Едва экипажи поравнялись с ними, они дали залп. Несколько человек были убиты на месте, другие, в том числе и Р. Заитьян, были легко ранены. Выскочив из экипажа, они бросились бежать, однако разъяренная курдская толпа скоро настигла их и зверски умертвила, выколов предварительно глаза, вырезав язык, отрубив уши и носы.

Это безобразное убийство сильно всколыхнуло и взволновало армян Ванского вилайета. Целыми тысячами стекались они в город, где, собравшись перед домом вали, подняв на руках труп убитого, требовали законного возмездия убийцам и своей защиты. Эта демонстрация армянского населения сильно озлобила ванских мусульман-турок и курдов, и последние толпами начали спускаться со своих гор. И если в тот момент не вспыхнула страшная резня, то только благодаря огромной энергии и решительности русского консула, поспешившего вмешаться в это дело. Однако, взаимное брожение среди армян и мусульман не улеглось, и, перейдя из города в села и деревни, вылилось в ряд одиночных, вспыхивавших в различных горных и глухих углах вилайета убийствах. Подстрекаемые своими беками и турками, курды начали за армянами правильную охоту, и мало-по-малу создалось такое напряженное и тягостное положение, что армянское население не решается выходить из пределов своих селений даже на полевые работы.

Особенно напряженное состояние испытывается сейчас в м[естечке] Агбак (Ванского в[илайета], на персидской границе). Несколько женщин двух сел – Аспочун и Ханилун – мужья которых отбывали воинскую повинность, были насильственно обращены в исламизм. Терроризованное курдами население с минуты

на минуту ждет резни. Ждут ее и во многих округах Мушского вилайета. Пресловутое провозглашение шейх-ул-исламом в Константинополе «Джахата» (священной войны) произвело на умы курдов огромное впечатление, и они совершенно открыто готовятся к христианским погромам. Удерживает их пока боязнь России; им сказано, что сейчас не время, но как только невмешательство России будет обеспечено, им дадут полную волю. Слухи эти находят себе подтверждение в том, что местные власти вновь созвали полки курдской кавалерии «хамидие» (распущенные после конституции) и раздадут им оружие. Совершенно открытая анти-христианская пропаганда ведется при таком же открытом попустительстве властей харзанским шейхом Гохрид, прибывшим специально с этой целью из-под Сосуни.

Какой тайной не облачают курдские беки свои действия, но существование какого-то сильного движения среди курдов является фактом несомненным. Среди главарей и беков идут беспрепятственные совещания и переговоры, в народе носятся темные слухи о желании курдских беков провозгласить автономию Курдистана с тем, чтобы предотвратить вмешательство европейских держав в пользу армян.

С другой стороны, странным образом участились факты умыкания армянских женщин – жен солдат, и насильственного обращения их в исламизм. Случаи эти повсеместно стали так часты, что видеть в них случайное явление, а не подсказанную кем-то провокацию, нельзя. Эти массовые случаи побудили ванского епископа Сараджяна обратиться к католикосу с просьбой о заступничестве русского правительства. С другой стороны, армяне-солдаты ванского гарнизона, собравшись в числе около 300 человек на митинг, решили обратить на это явление внимание султана.

Тревога, в которой пребывает сейчас христианское население Армении, усугубляется еще решением турецкого правительства призвать под знамена все мужское население, вплоть до 45-

летнего возраста. Благодаря этой мере армянские семьи остаются совершенно беззащитными, а между тем над ними нависает новая угроза, уже не со стороны курдов, а со стороны озлобленных «мухаджиров» – беженцев из Европейской Турции, которых турецкое правительство начало расселять между армянами.

Я выпустил из рассказов, слышанных мною в Эчмиадзине и на границе, много, очень много мелких фактов и подробностей. Всех их в газетной статье не перескажешь, но и одного слышанного, одного виденного (ужасающую, невероятную нищету беженцев) достаточно, чтобы у меня родилась аналогия между переживаниями Эчмиадзина в 1828 году, с его сомнениями и ожиданием решения России в наши дни. Как в фокусе, собрала сейчас в себе старая армянская святыня все печали и слезы, всю веру и надежду армянского народа: поможет-ли, откликнется-ли Россия?

12 февраля 1913 г.

(От нашего специального корреспондента)

Х

Сказка об армянском сепаратизме

Игдыр

Уже в нескольких своих статьях я упоминал о том, с каким негодованием и возмущением опровергают русские армяне все толки и разговоры об их, будто бы сепаратистических стремлениях, об их желании отделиться от России.

Я много и долго беседовал об этом и с левыми, и с умеренными, с интеллигентами и с крестьянами. Каким образом родилась эта сказка, откуда и отчего явились в некоторой части русского общества недоверие, подозрительность и даже, если хотите, недружелюбие к армянам?

Я резюмирую и суммирую здесь те объяснения, которые были мне даны по этому поводу целым рядом интеллигентных лиц – армян, в том числе и эриванским епископом Хореном, одним из выдающихся деятелей не только в армянской церкви, но и в армянском народе.

«Сказка о сепаратизме армян родилась из полного незнакомства русского общества с нами, армянами. Когда Россия начала завоевывать Кавказ, она, в лице своего офицерства-дворянства, своего служилого сословия, тоже дворянства, столкнулась прежде всего и ближе всего с таким же дворянским классом – грузинским. В романтической обстановке боевой жизни происходили это сближение и братанье; в романтической же обстановке происходило отчасти сближение и с татарским (мусульманским) дворянством, с беками, князьями... У армян не было уже дворянства, армяне были крестьяне, ремесленники, торговцы. К их услугам прибегали за деньги, в них нуждались, но их не принимали, их чуждались, о них сочиняли смешные рассказы и анекдоты; они были в глазах и русского, и туземного военного дворянства – мирным, а потому несколько презираемым мещанством.

Такой взгляд на армян перешел и в русскую литературу. С легкой руки романтика Марлинского даже такие колоссы русской поэзии, как Пушкин и Лермонтов, впитали и отразили его в своих произведениях. Вспомните: “Ты трус, ты раб, ты армянин!” (“Беглец” Лермонтова). Здесь строчка, там строчка. А ведь, на этой литературе воспитались целые поколения русской интеллигенции; что же удивительного, если позднейшие русские писатели, даже прогрессивного лагеря, повторяли об армянах всевозможные глупые и обидные небылицы. (Например, Мордовцев). Мало-помалу в русском народе, – что греха таит – будем говорить прямо, – сложилось представление об армянах, как о народе трусливом, торгашеском, как о предателях. Позднее сюда прибавилось новое обвинение уже со стороны русских националистов: – бунтари и

сепаратисты! А между тем, такое представление в корне неверно. Армяне – торгаши; но знают-ли в России, что всего только девять процентов армян занимается торговлей, а что остальная их масса сплошь земледельческая? В таком роде и все другие обвинения. О трусости – и говорить смешно. Не будем вспоминать старые времена, всех этих Бебутовых, Тергукасовых и др[угих], но возьмите войну 1904-[1905] гг.¹³, посмотрите, какой огромный процент нижних чинов-армян получил Георгиевский крест: вспомните армяно-татарскую резню 1906 г.; – выказали-ли себя армяне трусами? Остановимся, однако, на обвинениях в сепаратизме. Рано или поздно, через 15-20 или через 50 лет, но перед русским народом национальный вопрос на Кавказе встанет очень остро, и вот мы утверждаем, что единственным другом русского народа в Закавказье явятся только армяне!

Чтобы избежать обвинений в натравливании армянами русских на другие народности, мы сознательно умолчим об отношениях к России как грузин, так и татар, и будем говорить исключительно об армянах. Благодаря влиянию русской культуры, русской науки, армяне научились критически относиться не только к своему настоящему, но – что еще важнее, – к своему прошлому. Того романтизма истории, романтизма прошлого, который еще так силен у грузин, у нас уже нет. Мы подходим, разбираем сейчас личности наших былых царей, князей с суровой переоценкой, мы приложили строго-научную школу к нашему “великому прошлому”, и мы, – не скроем, – с болью, с горечью, но все же убедились в том, что “великого” и “сильного” у нас никогда и не было: всегда Армения была игрушкой в руках своих более могучих соседей, всегда ее народ стонал и страдал от непрерывных иноземных вторжений и завоеваний. Мы поняли, что если уже в прошлом не могли создать свое крепкое самостоятельное государство, то создадим-ли мы его в будущем! Мы пережили свой “карамзинский”

период истории, когда наша молодежь шла за такими учителями, как, например, историк Чамчян, который серьезно писал, что “Бог говорит на армянском языке”, и подойдя к нашему прошлому с критическим методом, может быть, впали даже в крайность. Первым вступил на этот путь историк Каракашян (из турецких армян), а теперь его идеи разделяются буквально всеми нашими учеными.

В публицистике первый, кто поднял этот вопрос, был проф[ессор] Назарянц, редактировавший армянский журнал “Северное сияние”, за ним – знаменитый Арцруни. Они являются основателями новой школы, их идеи разделяются сейчас, как и в науке, решительно всеми армянскими писателями. Вот та первая причина, опровергающая существование у нас сепаратизма. Перейдем ко второй. Напомним, что, как сплоченная масса, армяне живут всего только в трех уездах Эриванской губернии и в одном – Тифлисской. В Турецкой Армении положение еще хуже; там наибольший процент едва-ли достигает 45. В других местностях армяне буквально распылены среди прочих народностей, главным образом, мусульманских. Можно-ли говорить о политической обособленности, если даже в чисто культурных вопросах армяне всюду и всегда чувствуют на своей шее тяжелый татарский жернов; ни одно наше начинание не может осуществиться без той или другой зависимости или соприкосновения с мусульманами. Это – наше несчастье на Кавказе, его мы все чувствуем и понимаем, что уже одно это обстоятельство убивает всякую надежду на политическую когда-либо самостоятельность. Третья причина – развитие среди армян городской жизни. В то время, как наши соседи-грузины были или воинами, или земледельцами, огромное число армян искони являлось сословием городским. Даже в сердце Грузии: городах Сигнахи, Телави, Кутаиси, – почти вся торговля, все ремесла исторически были и до сих пор есть в руках армян. Городская же производительная или промышленная жизнь требует

¹³ Речь идет о русско-японской войне. – В. П.

известных культурных условий, порядка и законности. Эти последние могут быть обеспечены только сильным государством.

Вот почему армянское население, независимо от колебаний курса внутренней политики России, держалось всегда за русское подданство. Укажем еще на существование и четвертой причины. Она заключается в том, что армяне давно потеряли свою политическую самостоятельность. В то время, когда в грузинском народе еще живы воспоминания о своих царях и царских дворах, у армян эти воспоминания потеряли всякую реальную окраску и относятся к области полу-мифических легенд и преданий. Благодаря этому обстоятельству армяне стали вполне демократическим народом, и каждому отдельному армянину в сущности довольно безразлично, находится ли он под своей национальной короной или под русской, лишь бы только эта корона обеспечивала его существование. Другое дело, например, у мусульман, где к чувству национальному примешивается еще и религиозный фанатизм, заставляющий их мечтать о султанах и шахах, как о верховных духовных вождах. Таким образом, суммируя вышеприведенные основные причины, мы видим, что армяне сознательно примыкают к русской государственности и навсегда останутся верными ей, если она не будет покушаться на нашу национально-культурную и религиозную самобытность!

Я привел здесь мнение армян, которое, мне кажется, должно быть выслушано русским обществом. С одной стороны, я не могу скрыть того чисто личного впечатления, которое я вынес, объезжая Русскую Армению.

Как и турецкая — «Русская Армения» стала лишь географическим термином; почти всюду армяне живут бок-о-бок с мусульманским населением и, конечно, не могут не видеть той огромной эволюции, которая происходит сейчас в мусульманском мире. Отчасти своеобразная турецкая конституция и пантюрокская политика младотурок, отчасти наша неудачная политика в Персии,

отчасти, а может быть, и главным образом балканская война — вывели мусульманский мир из его состояния былой спячки и безразличия. Мусульмане не только проснулись, но и сплотились, — конечно, не на национальной, но на религиозной почве. Прежний антогонизм между шиитами и суннитами — исчез, больше того, многие шииты (например, «таты», «кизиль-баши») совершенно незаметно стали вдруг суннитами. Теряется, исчезает различие национальностей, и курд очень часто называет себя уже не «курдом», а «мусульманином», перс — не персом, а тоже мусульманином. По всему Закавказью поднимается, таким образом, темная, фанатичная волна панисламизма.

Если русская власть, заигрывающая с курдами* и с татарскими беками, потому что они «консервативны» и не склонны к «революционным выступлениям», — этого не видит, то армяне, пережившие ужасы армяно-татарской резни, это ясно чувствуют и видят. И это сознание заставляет их, помимо других причин, искать убежища в русской державности.

Вредная и глупая сказка об армянском сепаратизме должна, наконец, быть отброшена!

13 февраля 1913 г.

(От нашего специального корреспондента)

XI

Баязет

Как ни печальны сейчас, в это время года, занесенные глубоким снегом, расстилающиеся у подножья Арарата пустынные поля Эриванской губ[ернии], как ни тяжела жизнь в пограничных

* Например, недавнее чествование в Тифлисе курдского бека Симко хана, ничем не отличающегося от обыкновенных курдских беков-разбойников.

поселках, вроде м[естечка] Игдыря, где и почта приходит всего три раза в неделю, где и волки бегают зимой по улицам в ночные часы, где и без того немногочисленное русское население – чиновники различных ведомств между собою все перессорились, разделились на враждующие между собою партии и кружки и т[ак] д[але]е, – все же, едва европеец-путешественник спустится с 6.881 фут[ов] Чингильского перевала он сразу убеждается, что попал в другой, чуждый какой бы то ни было культуре, застывший в средневековой спячке и в то же время неприязненный и даже враждебный мир.

Сразу за перевалом, на котором находится последняя русская пограничная застава – казарма с солдатами-пограничниками (кстати, – их чисто-русское радушие, выраженное в виде кипящего самовара, позволило мне несколько обогреться и придти в себя после четырехчасового подъема при 20-градусном морозе), – исчезают все дороги, спускаться приходится по еле заметным крутым, сейчас совершенно обледеневшим тропинкам. Налево и направо – глубокие расщелины; черные пасти их в настоящее время предательски закрыты пушистым, белым снегом, но тем страшней он, – один неверный, неловкий шаг, и от здорового, сильного человека, в лучшем случае, останется жалкий калека.

Уже садилось солнце, и нежная розовая вуаль, подернувшая на несколько мгновений белые зубчатые вершины, уже сменилась сначала густыми фиолетовыми, потом совершенно черными тенями, когда наш маленький караван спустился, наконец, к турецкому пограничному посту и таможне.

Небольшие, сложенные из серого сырца, жалкие лачуги дымились тем тяжелым, отравляющим воздух дымом, который дает кизяк; плохо одетые, обутые не то в опорки, не то в рваные туфли солдаты высыпали из своих убогих казарм, смотрят сумрачно и недружелюбно, и я улавливаю несущееся нам вслед ругательство: «кепек» – собака! Ехать дальше – поздно; до Баязета еще шесть часов тяжелого пути, надо ночевать, но где? Кругом – ни

малейшего жилья, кроме этой неприветливой казармы. Выручает пограничный офицер, еще совсем молодой, окончивший недавно военное училище в Константинополе; он просит к себе, предупредив, что кровати дать не может, у него только одна. Низко согнувшись, входим в небольшую жарко натопленную землянку: кровать, крытая стеганым пуховым одеялом, сундук, обитый белой жестью, на стенах карты, несколько открыток с лубочными изображениями каких-то красавиц, на гвозде висят сабля и револьвер... Просим, – нельзя-ли чаю? Говорят – нельзя, нет воды.

– Хотите, вместо воды, кусочек снега?

Они всегда едят его здесь, когда им хочется пить. Отказываемся от снега, завертываемся в бурки и ложимся спать. Сначала усталость берет свое, и все мы засыпаем быстро, но мало-помалу жара, духота и вон от печки делаются невыносимыми, кроме того, из всех щелей выползла целая озлобленная рать насекомых, и после бесплодных попыток уснуть, я оставляю своих мечущихся, словно в кошмаре, спутников и выхожу на чистый воздух.

Какая красота! Налево – освещенный косым лучем бледного лунного серпа величественно дремлет Арарат. Прямо – целое снежное море, бесконечное, мощное и загадочное, как настоящее море. И тихо, так тихо, что, кажется, слышно, как ударяются о белую пелену, падая с крыши казармы, отдельные нежные снежинки...

Рано утром тронулись мы в путь. Но прежде, чем снова пуститься в скитанье по снежному океану, нам пришлось пройти мытарства таможни. Это была настоящая пытка, хуже – издевательство. Пересматривали, разворачивали каждую отдельную вещь, вынимали из конвертов и просматривали письма, перелистывали все книги, допытывались, не зашито-ли что-нибудь в подошвах сапог; хотели вскрыть запечатанную коробку с фотографическими пленками, утверждая, что, если даже напечатано, что – это пленки, это еще не значит, чтобы они были действительно там.

После таможенного досмотра настала очередь полицейского допроса: зачем я еду в Армению, что я там буду делать, у кого и где я думаю остановиться, и т[ак] д[алеe], и, в конце концов, объявили, что они не имеют юридического права меня задержать: «Ваши бумаги все в порядке, но мы прекрасно понимаем, что вы – не журналист, ибо русскому журналисту в Турецкой Армении, да еще в такое время, делать нечего!»

Глубоко возмущенный, я резко протестовал против такого странного отношения и ко мне, и к моим вещам, и получил совершенно неожиданный и гордый ответ:

— Эфенди забывает, что он в конституционной Турции, где каждый чиновник исполняет только свой долг!

Всему, однако, бывает конец, даже и должностным обязанностям турецких конституционалистов, – и мы снова одни, затерянные в бесконечной, сверкающей мириадами острых блестящих игл снежной пустыни. Идти безумно трудно, – дороги никакой, и мы идем «по направлению», придерживаясь узкой, вьющейся зигзагами протоптанной прошедшим верблюжьим караваном тропой. Лошади скользят, спотыкаются, и то и дело падают, проваливаясь в глубокий, почти полуторааршинный снег. Мороз щиплет щеки, нос, пробирается, несмотря на меховой тулуп и бурку, до самых костей, ноги в стремях стынут и отекают: от ослепительно-яркого света глаза начинают болеть, к голове приливает кровь. А впереди – нет конца этим застывшим снеговым валам, этой сливающейся с горизонтом белой равнине. Тяжело идти, страшно тяжело, но все же какая могучая, стихийная красота! В нежно-нежно синем небе вырисовывается, казалось бы, – так близко сияющая вершина «Божьей Горь». На западе выступает резкими черными, поразительно угрюмыми и суровыми очертаниями массив «Кара-Булат».

Ныряя сзади белых волн, мелькает иногда черная точка, плывет все ближе и ближе – и вот мимо нас проходит, погоняя тя-

жело нагруженного коротконового и мохнатого вола, курд, в разноцветном рубише, с повязанной по-бабьему платком головой. Проходим и курдскую деревню. Издали ее можно принять за гигантский муравейник: низенькие, широкие кучки земли. При более близком рассмотрении эти земляные кучки оказываются землянками, обложенными навозом. Я пытался войти в одну из них, – для этого мне пришлось вползти в нее на «четвериньках», и я едва не задохнулся от того невыносимого смрада, который стоял в ней. А между тем в них живут люди, вот эти живописные даже в своих лохмотьях статные кочевники с темно-бронзовыми, как у цыган, лицами. Между прочим, – любопытная ремарка, подозревает-ли кто-нибудь в Петербурге, что эти курды особенно почему-то любят носить... русское офицерское пальто! Венцом желания каждого курда является покупка такой старой серой шинели в особенности генеральской. Уже здесь в Баязете, я видел двух курдских шейхов, которые особенно гордились своими отворотами: один – малиновым, другой – желтым...

17 февраля 1913 г.

(От нашего специального корреспондента)

XII

За рубежом

Баязет
Засыпанный снегом, раскинутый на обрывистый горе узким амфитеатром, старый Баязет издали совершенно не виден, только, когда подойдешь почти вплотную к его высоким остро-зубчатым гребням, открывается глазу его живописный замок; он стоит на выступе высокой отдельной скалы, разделяющей два ущелья, причем одна сторона его сливается с совершенно отвес-

ным обрывом. Когда-то замок славился своей красотой, позолотой, арабесками и орнаментами своих комнат и зал, восточным стилем своих внутренних дворов. Посетивший его в 1849-[18]52 годах русский комиссар-посредник по турецко-персидскому разграничению Е.И. Чириков застал еще остатки бывшего богатства. Отчасти землетрясение, большею же частью люди, — турки, курды, да и русские (г[осподин] Чириков рассказывает о каком-то русском полковнике, который в 1827 году разломал вес потолок и куски последнего увез с собой) — разрушили его художественную красоту, и теперь это — обыкновенный грязный турецкий «конак», где помещаются кое-какие правительственные учреждения и казармы.

Когда-то в Баязете и его «казе» (округе) армяне составляли почти половину населения. Турецкий географ Хуршид эфенди, бывший турецким комиссаром в вышеупомянутом разграничении, говорит, что в то время на 2.678 мусульманских дворов округа было 1.171 армянских, в самом городе армян было около 400 домов. Теперь же армян в самой казе почти совсем нет, а в городе едва-ли наберется 200 человек. Этот факт несколько противоречит словам турецкого географа, который уверяет, что ему пришлось «от старого и малого (армян, конечно) слышать, что их соотечественники, не переселившиеся из Баязета в Россию, осведомляясь о совершенном спокойствии и попечениях, которыми пользуются турецкие подданные в благополучное царствование Абдул-Меджида, глубоко раскаивались, что лишили себя этого высокого благоденствия и этих милостей»!..

Современные армяне, жители Баязета, раскаиваются, однако, в противоположном и общий вопрос — здесь у всех на устах: когда же, наконец, Россия возьмет нас?

Интереснее всего, что это нескрываемое тяготение к России замечается и у местных мусульман, особенно среди бедного земледельческого класса и среди купцов. Замечательно симпатичный и обязательный вице-консул наш в Баязете К.К. Акимович

рассказывал мне, что ему очень часто приходилось выслушивать просьбы и заявления о желании перейти в русское подданство и не только от отдельных лиц, но и от целых групп.

Такая же тенденция замечается за самое последнее время и среди курдов, баязетских аширебов, родственных курдам русским. Как и чем объяснить это явление? Я спросил об этом баязетского курдского старшину.

— Эфенди, — ответил он, — курд, хотя он и необразован, хотя он и дикарь, но все же он человек, с глазами и мозгом. Он видит, что за этими вот горами — есть дороги, есть правосудие, есть законы, есть школы, есть безопасность. А здесь он видит только поборы и взятки. Эфенди, неужели же мы, хотя и дикари, не понимаем, где лучше?

Несколько иначе объяснили мне это тяготение к России местные армяне. По их словам, оно замечается только за самое последнее время, когда через Баязет начала развиваться русская торговля. Вместе с экономическим влиянием пришло и политическое, которое с каждым днем все прочнее и сильнее охватывает все большие и большие слои населения, и, если только верить армянам, появление русских будет встречено с удовольствием почти всем местным мусульманским населением, исключая богатых беков и пришлых турок-чиновников. Для армян же оно явится избавлением. «Нас не режут здесь, — это правда, — говорили они мне, — потому что боятся появления русских солдат, но нас разоряют, нас экономически и политически уничтожают». И, сохраняя все беспристрастие, полную объективность, я должен сказать, что трехдневное мое пребывание в Баязете убедило меня, что местные армяне настолько терроризированы турецкой властью, что не смеют даже принимать у себя в доме европейцев, в особенности русских. В этом отношении в современной Турции мало что изменилось со времен Абдул-Гамида!

20 февраля 1913 г.

(От нашего специального корреспондента)

XIII

Турецкие дашнакцаканы о России и Турции

Баязет

Когда я отправлял с русской консульской почтой предыдущее письмо, Баязет ликовал. Все мусульманское население столпилось в живописной группе перед низеньким грязным зданием местного «беладиз» (муниципалитет), на стенах которого расклеены огромные афиши, возвещающие населению о победах турецких войск над болгарами. Два дня подряд приходили эти, — впоследствии оказавшиеся ложными, — известия о турецких успехах.

«Видали-ли вы эту иступленную, беснующуюся толпу, слышали-ли вы ее крики и угрозы?» — обратился ко мне один из местных интеллигентных армян, один из самых видных и влиятельных членов турецкого «дашнакцутюна». — «Ведь если эти известия о победах подтвердились, то ведь это мы — армяне — испытали бы на себе всю необузданную силу воспрянувшего мусульманского торжества... Почему же вы, — Россия, ваше правительство, столь распинавшееся в своих славянских чувствах, в своей любви к болгарам, — ничего не сделали реального, чтобы облегчить балканским славянам их дальнейшую борьбу с Турцией. Ведь если бы вы, вместо вашего неудачного и неумелого дипломатического воздействия и разговоров в Лондоне, придвинули хотя один из ваших кавказских корпусов на турецкую границу, турки не смели бы убирать отсюда все свои войска, чтобы послать их на Чаталджу. А вы знаете, что это значит? Это значит, что Россия фактически позволила Турции послать против болгар минимум 80 тысяч отборного войска!

Если я говорю об этом с таким раздражением, то только потому, что мы дашнакцаканы, видим в образе действий России лишнее доказательство дряблости и нерешительности ее политики, которая, в конце концов, приносит только непоправимый вред тому, кто вам доверился. Мы боимся, что армяне, доверив сейчас России решение своей судьбы, сделали ошибку; кроме «медвежьей услуги», Россия нам ничего не окажет!.. В самом деле: пожелает-ли Россия, ради армян, пойти хоть на маленький риск? Мы видим, что если сильное европейское правительство захочет чего-нибудь достигнуть, — оно этого добивается. Австрия захотела создать никогда не существовавшую Албанию, — и создала ее. Этой твердой воли мы не видим у России; она потребовала от нас (переговоры велись вашим послом в Константинополе), чтобы наше национальное собрание и католикос официально обратились к русскому правительству с просьбой о поддержке и вмешательстве, и, когда мы сделали, наконец, этот опасный шаг, сожгли окончательно перед турками свои корабли, — что ответила нам Россия? — «Терпите, подождите, сейчас не такой момент, чтобы мы могли активно выступить»! Мы прекрасно понимаем, что сейчас международное положение тревожное, что Австрия и Германия бряцают оружием; мы вовсе не хотим втягивать Россию в войну, но мы хотим знать определенно: доколе нам нужно будет терпеть, где гарантии того, что Россия, рано или поздно, придет нам на помощь? Понимают-ли, вообще, русские, что делается сейчас в провинциях, населенных армянами, какая эволюция происходит с нашим народом? Не только мы, интеллигенты, но и народ, наши мужики, окончательно изверились в Турции, пришли к твердому убеждению, что от Турции мы ничего ждать не можем.

Доктор, который не может поставить правильный диагноз, не может дать больному лекарство, — можно-ли мечтать о каких-нибудь реформах, когда турки не хотят понять, что государственная опасность заключается не в армянах, а в курдах. Армяне ис-

кренно хотели быть “оттоманами”. Мы говорили младотуркам: подайте нам руку чистосердечно, и тогда наша будущность будет не в России, а в Турции. Русская культура выше нашей, русская интеллигенция родила нашу, русская литература воспитала нас, русский капитал, наконец, русская экономическая мощь – подавляет наш капитал и нашу мощь; при таких условиях мы рано или поздно могли бы раствориться в огромной России, потерять нашу самобытность. Не то было бы в Турции – здесь наша интеллектуальность, наша культура, наш капитал были выше турецких; здесь мы могли сохраниться, работая рука об руку с турками, вести страну к прогрессу и славе. Турки не поняли этого: для них дикий курд был ближе, понятнее и дороже, и только потому, что он – мусульманин. Мы отказались от революционной деятельности в Турции, перешли исключительно к культурной работе (я говорю о нашей партии); скажу откровенно – мы надели маску, простили им Адану, простили прошлое, – и все только для того, чтобы дать нашему измученному резней народу возможность вздохнуть, чтобы убедить турок, что армяне могут быть их искренними друзьями. Все наши усилия, все наши жертвы и компромиссы были напрасны: слова о равноправии, все хорошие обещания были ложью; провокационная политика направленного на нас курдов продолжалась; разрешение земельного вопроса было отложено, полки “хамидие” были восстановлены, и неграмотные курдские беки снова надели офицерскую форму, снова начались безнаказанные разбои, грабежи, насилия, изнасилования и убийства...

И теперь уже не мы, интеллигентные руководители народа, а он сам сказал: я не хочу больше ждать, пусть лучше смерть с ружьем в руках, чем такая жизнь: “око за око”, “жизнь за жизнь”, – раз турки не хотят дать нам возможность мирно существовать и развиваться. Избитый, измученный и ограбленный селяк неожиданно возмущился и решил сам, грубой силой, защищать свои не права, а жизнь, честь и имущество. Такое настроение армян вспых-

нуло бурно и резко почти одновременно в разных местах. Недавно еще в сел[е] Возм (между Ваном и Битлисом) выведенные из терпения крестьяне напали на курдов и вступили с ними в трехдневный ожесточенный бой и убили из них несколько человек; турецкие власти потребовали выдачи убийц, – и в результате несколько десятков человек ушли в горы. Я останавливаюсь на этом для того, чтобы указать, что возрождающееся сейчас четничество вызвано не дашнакчаканами, а выросло помимо их, непосредственно из народных, озлобленных, потерявших терпение масс. К чему это приведет? Конечно, – только к новой беспощадной и бесполезной резне; ее-то и могла бы предупредить Россия, и только одна Россия, если бы она искренне отнеслась к армянскому вопросу.

Для нас самих непонятно, каким образом и как родилась у нашего народа эта беспредельная, глубокая вера в Россию? Даже в самих глухих горных углах мне часто задавали вопросы: “А что, “москов керы” (русский дядя) скоро придет нас освободить”? Многие из наших крайне левых интеллигентов пытались разрушить эту народную веру в Россию: они рассказывали о полицейском режиме, преследующем всякие проявления национального самосознания, о переполненных тюрьмах, сибирских каторгах... Народ все это выслушивал и упрямо твердил: “Нас это не касается, нам никаких свобод не надо, пусть даже по одному человеку из села пойдет на каторгу, но чтобы у остальных были обеспечены их жизнь, их честь, их имущество”!..

Эта инстинктивная “мечта о России” стала сейчас в народе всеобщей; она отразилась и в интеллигентных кружках, которые также пришли к убеждению, что для армянского народа нет спасения вне России; не разделяют этого мнения только весьма немногие крайне-левые наши товарищи.

И вот мы стоим сейчас в мучительном раздумье: – как дальше жить, что делать дальше? Трагизм нашего положения

усугубляется сознанием, что только в России можем мы найти свое спасение; но нет у нас веры в Россию, нет веры, что она не предаст нас, не бросит на произвол судьбы, не будет томить нас в лучшем случае бесконечными “подождите” и “потерпите”!..

Где выход, мы сами не знаем; мы знаем только одно, что если Россия пожелала бы – вес армянский народ встанет как один человек и своей грудью поддержит каждый ее шаг»!..

Я записал эту беседу с представителем левой части армянской интеллигенции, т[о] е[сть] с человеком, единомышленники которого еще недавно были осуждены русским судом на каторгу, буквально дословно.

В ней есть много, может быть, не совсем точного, сбивчивости и неясности, но она заслуживает внимания русского читателя уже потому, что совершенно определенно говорит о чувствах и сомнениях армянского действительно многострадального, действительно всеми забытого народа.

22 февраля 1913 г.

В БЫВШЕЙ АРМЕНИИ

(От нашего специального корреспондента)

Среди курдов

Диадин

Дорогу между Баязетом и Ваном, которую мы могли и должны были преодолеть в трое суток, мы едва прошли в пять.

Застывшие огромные базальтовые волны, среди которых мы с трудом пробирались, казались под своим снежным покровом то далекими чудовищными великанами, то близкими небольшими изящными холмиками: при ярком, резавшем зрачки, солнечном освещении и ослепительной белизне снежной пелены – непривычный глаз перепутывал все законы перспективы и расстояний.

Поздно вечером прибыли в первый день нашего путешествия в небольшую курдскую деревушку, носящую несколько странное, но поэтичное имя – Кызль Дизэ – «Красный Кувшин».

Обширное, очень старинное, армянское кладбище, находящееся на ее околице, говорит о том, что когда-то это селение было армянским, теперь же, если не считать 11 домов иезидов (известных европейцам, как «поклонники дьявола»), оно сплошь курдское. Единственный армянин, которого мы здесь встретили, был чиновник местной таможенной заставы. Забитый, растерянный, все время вздрагивавший, словно в лихорадке, он произвел на нас крайне тяжелое и жалкое впечатление. Бедняга сам сознавал это, и поздно вечером, когда я вышел на чистый воздух из низкой, сложенной из глины, грязной курной лачуги, лучшее, что я мог найти, чтобы провести ночь, он подошел ко мне, робко оглядываясь по сторонам.

– Извините меня, что я не мог пригласить вас остановиться у меня, хотя я и живу в такой же скверной хижине, не все же у меня

несколько чище. Если бы я это сделал, – поверьте мне, меня бы убили. Вот отчего я боюсь даже с вами разговаривать. Вы представить себе не можете, – неожиданно горячо вырвалось у него, – под каким тяжелым гнетом приходится нам, армянам, здесь жить! С самого начала балканской войны среди курдов царит страшное возбуждение, если совершенно открыто говорят христианам, что ждут только малейшего сигнала, чтобы покончить с христианами. «Пусть потом приходят сюда русские казаки, они застанут здесь только одних мусульман!» Я должен вам заметить, что среди курдов Баязетского округа господствует почему-то слепая уверенность, что рано или поздно, но этот край будет занят русскими войсками. Если это так, – то скорей бы! – вздохнул он.

Посмотрите, во что превратилась жизнь местных армян. Нас, во-первых, здесь, в Баязетском округе небольшая горсточка, – тысяч 20-25, растворившаяся в огромном Курдском озере (125 тыс[яч]); думать о каком-либо сопротивлении – при этих условиях, конечно, невозможно, и вот курды, не довольствуясь обычными ежедневными поборами и грабежами, за последнее время начали усиленно умыкать наших девушек и женщин. Что-мы можем делать? Жаловаться? Кому? Администрация не только ничего не предпринимает, чтобы обуздать курдов, но, наоборот, делает все, чтобы возбудить их нетерпимость. Например, недавно, по приказу младотурецкого кабинета, в каждом большом курдском селе открыты «медрессы», т[о] е[сть] духовные школы, в которых ведется совершенно открыто ярая антихристианская, вернее, противоармянская пропаганда. Местная турецкая администрация не только не борется со все растущим раздражением курдов, но, наоборот, поощряет его, присутствуя на различных тайных совещаниях курдских беков и главарей, на которых обсуждается вопрос об устройстве армянской резни*... Вот вы приехали сюда, –

* В том, что такие совещания в Баязетском округе происходят, – нельзя сомневаться. Это мне подтвердил и наш консул в Баязете, К.К. Аки-

съездите к шейху местного оширета, – который, кстати сказать, в Сев[ерном] Курдистане самый могущественный, – Али беку. Он живет отсюда близко, и я думаю, что он не решится вас не принять. И тогда вы сами убедитесь и поймете, что психология курдов в отношении нас, армян, эквивалентна психологии даже не средневекового дикаря, а просто – «волчья»!..

Рано утром на следующий день я был уже в небольшой, убогой с виду деревушки, отстоявшей от «Красного Кувшина» всего в 20 мин[ут] езды. «Замок» курдского феодала, деспотически правящего огромным (почти 120.000) оширетом «Адеманлы» (по транскрипции русских исследователей Курдистана – «Хардаманль»), – предствлял собою обыкновенную курдскую хижину, но несколько лучше сбитую, в два «этажа», и с настоящими оконными рамами. Кругом замка – не обозримые кучи навоза, всевозможные отбросы и грязь.

Ничем не отличалась от прочих курдов и наружность бека: высокого роста, с темным, цыганским лицом, освещенным слепительными зубами, с длинными черными (несмотря на 45-50 лет) кудрями, выбивавшимися из под чалмы. Весьма ординарна была и его одежда: грязная ярко-цветная рубашка, поверх которой была одета обшитая золотым позументом безрукавка, и сверх ее засаленное, дырявое, потерявшее цвет пальто. Таков был – наружный облик грубого, совершенно безграмотного шейха, которому слепо

мович, который рассказал мне, между прочим, такой любопытный случай. На одном из последних подобных совещаний, когда все собрание высказалось за то, что армян «надо проучить», один из местных нотаблей поставил такой вопрос: пусть сначала правительство скажет нам, куда мы должны будем потом бежать от мести русских войск, которые появятся через 2-3 часа после получения известия о резне? В Персию – не можем, там тоже – русские войска, в глубь Курдистана, – нас настигнут. После этого собрание разошлось молча и в смущении.

подчиняются не только 120 тысяч баязетских курдов, но и часть курдов русских.

Принял меня Али бек, видимо, крайне удивленный моим приездом, натянуто любезно, но узнав от сопровождавшего меня жандарма-конвоира, что я состою под особым покровительством местного мутесарифа, согласился ответить мне на мои вопросы.

Беседу с ним я привожу дословно, она, действительно, ярко рисует его психологию:

«Вся наша голова, наше сердце и наше существо преисполнены шариатом. Другого закона мы не признаем и во всех случаях нашей жизни мы строго руководствуемся его предписаниями. А шариат требует, чтобы мы ни при каких обстоятельствах не смели иметь общения с европейцами, т[о] е[сть] с христианами. Очень возможно, в Стамбуле вам кто-нибудь и говорил (не искренно), что шариат надо понимать “по-новому”, что будто бы он предписывает относиться ко всем религиям равно.

Но мы в Курдистане – истинные правоверные, и никакого “старого” или “нового” шариата мы не знаем. Шариат – один, как един Бог и Магомет, Его пророк! И закон, переданный нам Богом, мы не можем толковать по-разному. Вот почему мы не имеем права относиться к европейцам иначе, как с недружелюбием и презрением. И если мы позволяем им посещать безнаказанно нашу страну, то только потому, что мы верные слуги нашего великого падишаха и готовы следовать всем его повелениям и желаниям, хотя бы они были нам и не по душе.

Что же касается нашего отношения к христианским нашим соотечественникам, живущим среди нас, то волей-неволей мы должны поддерживать с ними отношения, хотя они и чужды нам, и мы их презираем.

Мы живем в Курдистане, мы – курды, и потому никаких дорог, телеграфов, жандармов и пр[очих] европейских новшеств

нам не нужно, как не нужно и торговцев; все, что нам потребуется, мы достанем сами нашими ружьями!..

Если такова психология «вождя» шариата, то разве не прав мой собеседник, армянин из «Кызыль-Дизэ», что психология его людей – уже прямо волчья?

23 февраля 1913 г.

(От нашего специального корреспондента)

Дорожные впечатления

Уже шестые сутки еду я верхом, беспрестанно скользя, спотыкаясь, временами падая, вдоль гигантских снежных сугробов, представлявших собою когда-то оживленный торговый путь из Персии к Черному морю, а теперь – унылую, совершенно дикую, пограничную полосу, редко населенную курдами и татарами – выходцами из России. Армянские села на всем пути от Баязета до Кара-Килиссе почти совсем не встречаются, а между тем этот край некогда был несомненно армянским. Об этом свидетельствуют многочисленные армянские кладбища, разбросанные в ущельях и по склонам холмов, вблизи теперешних мусульманских сел; об этом говорят и сохранившиеся до настоящего времени имена местностей: «Юч-Килиссе» («Три Церкви»), «Кара-Килиссе» («Черная Церковь»), «Диадин» («Две Религии»), т[о] е[сть], надо думать, шииты и христиане. Курды, впрочем, переводят последнее название иначе: по их объяснению, «Диадин» означает «два безумца», но и такой перевод не противоречит первому, ибо в глазах фанатика-сунита курда и христианство, и шиитство в лучшем случае – только безумие...

Величественным, вызывающим и сейчас удивление памятником древнейшей армянской церковной архитектуры является

храм Св[ятого] Иоганнеса (Иоанна), в деревне «Юч-Килиссе»; основанный в IV веке, он пережил все исторические невзгоды и страдания несчастного народа. Темная ненависть и озлобление курдов не могли разрушить его высокие массивные своды и стены, и они ограничились лишь разрушением (в 1854 г.) окружающих храм построек и порчей стенных фресок.

Как-то странно даже видеть этот огромный, поразительной красоты и величия (с внешней стороны, внутренне – он гол и пуст) собор среди окружающих его десятка-другого курных и навозных земляков. Худой, изможденный, с умным и строгим лицом священник живет при храме в убогой и грубо сложенной из камней лачуге. Он единственный – и священник, и сторож его. Я долго сидел в его пустой, чисто-монашеской келье. Глиняная лежанка, покрытая продырявленным матрацем, железная вечно дымящаяся и угарная печурка, разбитый стол, небольшой сундук со скарбом, старый молитвенник, облупленный чайник, несколько тарелок – вот и все имущество. И сам он, в вылинявшей (вероятно – единственной) ряске сверх обычной крестьянской одежды, живущий всегда впроголодь. – Чем же вы питаетесь? – спросил я его. – Да вот чаем, когда есть – и хлебом, – грустно ответил он, с огрубевшим серым лицом, казалось, совершенно слившийся с окружающей его обстановкой бедности и угнетения...

– Ну, как же вы здесь живете?
– Плохо, очень плохо. И с каждым днем все хуже. С весны уже замечается среди курдов какое-то странное, тревожное брожение, по всем селениям идут сходки, упорно носят слухи о готовящейся резне. Насильственное умыкание женщин увеличивается с каждым днем, и в одном Алашкертском округе с весны (1-го мая) по декабрь 1912 года похищено и совращено в исламизм 12 девушек и женщин. Правительство все видит, все знает, но не хочет принимать никаких мер. Вот и живем в непрерывном ожидании резни, насилии, грабежей. Измучились. Нет сил...

И когда мы прощаемся с ним – робкий, боязливый, словно кто может услышать, вопрос:

– Вы ничего не знаете – поможет-ли нам Россия?

Уже несколько суток еду я и все время, в каждой деревне, на каждой остановке приходится мне слышать все тот же и с той же интонацией вопрос: поможет-ли?

За «Юч-Килиссе» проезжаем очень хорошо сохранившийся древний «горбатый» каменный мост. Армяне приписывают его постройку также царю Тиридату, строителю храма в честь Св[ятого] Иоанна. Может быть, хотя, если судить по архитектуре, вернее, что он построен римлянами. Но и без этого моста, на пути от Диадина до Кара-Килиссе можно встретить довольно большее число различных памятников, говорящих о том, что здесь когда-то жили армяне, и жили той высокой культурной жизнью от которой теперь не осталось и следа. Чаще всего встречаются церкви, где полуразрушенные, с обвалившимся куполом, но сохранившие тоже в глазах соседних курдов ореол святости, – например, в деревне Гиялдуш, где наоборот (и это гораздо чаще) – оскверненные и превращенные в амбары и скотские хлева (с[ёла] «Хадар», «Зирух»). Встречаются и целые огромные селения, которые еще недавно, лет 10-12, были всецело армянские и где сейчас последних осталось всего один-два дома (преимущественно – пришлые из Баязета армяне-лавочники). На сравнительно коротком расстоянии «Диадин» – «Кара-Килиссе» (50-60 верст) я насчитываю шесть таких селений, – в некоторых из них армянское население было вырезано во время войны 1878 г.

И снова мне приходится отметить былую трагическую связь этого народа с Россией. Здесь, в пограничной полосе, она выражалась в том, что, начиная с 1828 г. и в годы всех последующих русско-турецких войн, часть армянского населения периодически вырезалась и истреблялась курдами, другая часть предпочла бросить свои родовые земли и бежать – опять-таки в Россию. На

местах остались только такие голые бедняки, у которых даже курд не мог ничего отобрать и похитить. Впрочем, в настоящее время они нашли что: — женщин!

На земли бежавших и вырезанных армян турецкое правительство посадило «мохаджиров» — татар-шиитов с Кавказа. В дер[евне] «Ташли-Чай», моем последнем этапе перед «Кара-Килиссе», мне пришлось случайно разговаривать с ними. Узнав о приезде «русского», ко мне явились несколько стариков. Их интересовал, главным образом, недавний закон о «временно-обязанных» на Кавказе, слухи о котором дошли и до них. Если верить моим собеседникам, этот закон среди них вызвал огромное возбуждение; здесь живет им не хорошо: «Грабит каждый, кто только может»; и курды, и турки относятся к ним, как к шиитам, презрительно и вызывающе, «порядка и суда никакого, а взятки давай каждому»; они горячо теперь жалеют (опять-таки, по их словам), что эмигрировали из России; «поверили турецким эмиссарам, а теперь — каемся!»

И опять тот же вопрос, — но здесь я должен сделать перед читателем, оговорку: я не принадлежал и не принадлежу к «урапатриотам», воображающим, что все в России прекрасно, что все только и мечтают о счастье быть русско-подданными. Но я, прежде всего, беспристрастный журналист, которому редакция поручила «ознакомиться с настроением» того края, который я сейчас проезжаю, — и я не могу скрыть во имя чего бы то ни было того огромного тяготения к России, которое я здесь наблюдал.

Пусть же этот факт говорит сам за себя: как, должно быть, невыносимо и беспросветно тяжело живет этим людям, если они мечтают о России, как об обетованной стране справедливости и свободы?

24 февраля 1913 г.

(От нашего специального корреспондента)

Под дамокловым мечом
Кара-Килиссе

«Под Дамокловым мечом!» Пусть это заглавие не покажется читателю претенциозным, выхваченным со страниц бульварных романов. Ниже я, не прибавляя ничего от себя, избегая красивых фраз и слов, фотографически точно передам то, что делается сейчас в крае, лежащем вдоль нашей кавказской границы. Факты, которые я приведу, в наше время, казалось бы, могли также рассказываться только на страницах бульварных романов, но-увы! — к стыду человечества они являются действительными фактами в современной Турции.

Около 12-го декабря минувшего года в гор[оде] Кара-Килиссе (уездный торговый город Эрзерумского вилайета, лежащий в 4-х часах езды от русской границы; 2.000 домов) среди мусульманского, главным образом, курдского, населения начало замечаться сильное возбуждение; всюду устраивались сходки, открыто говорилось о необходимости «вырезать армян». Некий шейх Хамзи вел на базарах и улицах открытую и страстную проповедь, доказывая, что такой поступок будет угоден Богу. В этой агитации деятельное участие принял и местный «кади» (духовный судья), который и явился организатором всего дела. По его указанию мусульмане начали сносить и прятать в «кафанах и на базарах оружие». День предполагавшейся резни держался в строгом секрете, но приготовления к ней не могли не быть замечены армянами, которые немедленно бросились к местному «каймакаму» (уездный начальник). Последний должен был принять меры: послать жандармов с обыском.

И, действительно, во многих местах оружие было найдено. Во время обысков жандармы арестовали восемь человек, немедленно же, впрочем, освобожденных каймаком. Когда началось совершенно фиктивное следствие, то упомянутый «кади» заявил, что оружие было заготовлено мусульманами ввиду того, что армяне все за последнее время вооружены Россией и готовятся к восстанию. Это заявление изменило моментально всю картину, и из обвинителей армяне стали обвиняемыми. Начались новые обыски, на этот раз в армянских домах, сопровождавшиеся арестами, невероятными издевательствами, побоями, поборами и даже кражами. Измученное в конце население поручило тогда своему священнику выступить перед местной администрацией с самым энергичным протестом против творимых бесчинств.

Священник, заместитель епархиального начальника, т[о] е[сть] применительно к русской терминологии — благочинный, явился для переговоров к каймаку, но едва он начал излагать ему свой протест, как тот его, смеясь, перебил буквально такими словами: «Полно, поп, говорить о глупостях. Скажи-ка мне лучше, я что-то позабыл, в котором году родился ваш Иисус Христос!»

Несколько других фактов: с весны прошлого года по сие время армянское население города чуть-ли не ежедневно терпит открытые грабежи и разбои, совершаемые шайкой курдов под начальством некоего Шавели. Не так давно пойманный жандармами на месте преступления Шавели был арестован, но вскоре выпущен за взятку, как он сам хвастался, в 25 лир. Из бесчисленного списка самых наглых и возмутительных грабежей и насилий я приведу только два, так как они были совершены над русскими подданными.

В июле 1912 г. к русскому подданному Ахмету ага, из Кагызмана, на базаре подошел курдский шейх Касем, сорвал с него шапку и, бросив в грязь, стал топтать ногами, понося при этом при бурном одобрении толпы самыми площадными словами имя

России и ее Государя. Наше константинопольское посольство почему-то увидало в этом личное оскорбление названного Ахмета ага и потребовало для него удовлетворения. Для сведения посольства сообщаю, что последний его, однако, не получил.

Август 1912 г. Известный курдский разбойник Налбан-Шико среди бела дня избил, а потом ограбил на базаре русско-поданного Хамета-Зидумана. Преступление осталось безнаказанным.

Сентябрь 1912 г. Курд Меджид-Казим пытался, опять-таки днем, взломать лавку русского армянина Карапета. Когда последний пытался оказать сопротивление, толпа его избилла и под угрозой предать смерти, в присутствии жандармов, заставила плевать на крест и поносить Иисуса Христа и Русского Царя...

Меня могут спросить, — но почему же русские консульства не вступаются в эти безобразия и не протестуют? Да потому, что до ближайших консульств в Эрзеруме и Баязете, во-первых, далеко, во-вторых — мало кто даже решится идти жаловаться.

Теперь я приведу несколько дат и данных о похищениях женщин, чтобы убедить тех малOVER, кто сомневается, что в наши дни, да притом еще в «конституционном»^{*} государстве, возможны такие факты. Я ограничиваюсь случаями похищений, имевшими место в самом городе.

17-го июня 1912 г. курдами обманым образом уведена Зелерух-Кокоян. Мужа ее местная администрация, едва факт похищения стал известен, арестовала и хотела, хотя он не подлежал воинской повинности, сдать в солдаты, но несчастному удалось бежать.

^{*} Я привел это слово в кавычках, потому что турки в пограничных с нами округах ведут сильную пропаганду против России, стараясь всячески ее унижить. Одним из таких средств являются их утверждения, что Россия — страна варварская, не знающая современных политических благ и свобод, тогда как Турция — империя конституционная!

7-го июля того же года похищена силою и обращена в ислам молодая девушка Анкин Амидисян.

В обоих этих случаях протесты местного священника перед администрацией остались бесплодны, турецкие власти не сделали ничего ни для освобождения женщин, ни для наказания виновных, хотя последние всем были известны.

9-го августа 1912 г. жена армянина Шихиньяна, неправильно взятого в солдаты, была насильно уведена курдами в их деревню. Здесь ее держали 12 дней, причем несчастная была изнасилована всем мужским населением деревни. Ввиду жалоб священника, власти вернули ее обратно, но курды снова сделали попытку ее похитить.

16-го сентября в дер[евне] Монгасер, составляющей пригород Кара-Килиссе, армянин Са[r]кис Хачатурян, уходя со своей женой на работу, запер в своем доме свою 12-летнюю дочь. Курд, ага этой же деревни, пользуясь отсутствием отца, взломал крышу дома и спустил туда своего сына, который изнасиловал девочку, после чего оба увели ее к себе в дом, заявив, что теперь она стала мусульманкой.

Итого за четыре месяца четыре случая в одном только пункте; причем, заметьте, что эти случаи произошли не где-нибудь в глухих углах, где нет ни администрации, ни суда, но в сравнительно большом городе, на глазах всех гражданских и военных властей.

Чем же объяснить эти многочисленные случаи похищений? Отчасти, конечно, красотой местных армянских девушек и женщин (они очень выгодно отличаются не только от курдских, очень некрасивых, но и от своих сестер Закавказья), отчасти и мусульманским фанатизмом, предписывающим «обращать в ислам возможно более неверных».

Таковы факты. Они не были бы полны, если бы я не дополнил их событиями самых последних дней,— событиями, которые я

не только проверил, но которые разыгрывались на моих глазах. Я говорю о новой погромной агитации, которая идет среди курдов с начала текущего февраля, едва здесь стали известны последние события на Балканах. Около пятого или шестого февраля состоялось какое-то тайное совещание наиболее выдающихся курдских шейхов под председательством и, как говорят, по инициативе известного Гуссейн паши. Совещание это собралось в доме Али бека, другого могущественного предводителя аширета Адемонли. Что говорилось на этом собрании и какие оно приняло резолюции, точно неизвестно, но об этом можно предполагать, прислушиваясь к толкам и пересудам курдской толпы. А она сильно возбуждена; на базарах, в кафанах, мечетях говорят упорно и страстно: «Все равно, наш край рано или поздно будет русским. Пусть же, если русские придут сюда,— они застанут его чисто мусульманским»...

Сейчас, когда я оканчивал это письмо, ко мне вошел один священник, бежавший из Вана, где курды угрожали ему смертью.

Он сказал, что только что получил известие, что в Ванском и Битлисском вилайетах с минуты на минуту ждут резни.

Я не могу попасть в Ван так скоро, как этого мне хотелось бы. При турецком бездорожье, да еще зимою, единственное «средство передвижения», которое могло бы его победить,— был бы аэроплан; у меня его нет, и потому события могут меня опередить. Но если это даже и не случится, все же принесенное мне сейчас известие говорит, что возбуждение, о котором я все время говорю, и толки о резни — не ограничиваются только одним Сев[ерным] Курдистаном, но распространились и на юге.

Откуда же и как придет помощь народу, которому грозит резня, от которой содрогнется мир.

26 февраля 1913 г.

Без надежды и просвета

(От нашего специального корреспондента)

Переполох среди турок от появления русского журналиста. — Пристанище. — Армяне-переселенцы из России. — Вместо разбоев — «Ашар». — Насилия курдов. — Снова в Россию. — Трогательная сцена.

И вот мне довелось посетить Алашкерт, 9-го февраля. Сохраняя всю скромность русского журналиста, все же я должен сказать, что мой приезд в Кара-Килиссе вызвал в этом небольшом курдо-армянском городке, лежащем на перепутье четырех важных дорог (в Россию, Ван, Трапезунд, Персию), целую сенсацию. В самом деле неожиданное появление здесь, в разгар зимних непогод, европейца, да еще русского, вызвало среди подозрительных турецких властей, напоминавших мне русскую поговорку — «знает кошка, чье мясо съела», — целый переполох, а среди поразительно невежественного, забитого и наивного армянского населения — самые разнообразные, противоречивые, полувосторженные, полубоязливые предположения. Совершенно случайно я попал в Кара-Килиссе как раз в тот день, когда на улицах города были расклеены телеграммы официального османского телеграфного агентства, возвещавшие о решении турецкого правительства приступить к немедленным реформам в областях, населенных армянами. Вот это-то, как я уже сказал, случайное совпадение заставило не только армян, но и турецкие власти думать, что свалившийся к ним на голову вместе с февральскими мятелями русский послан сюда с «особой миссией». Как я ни старался разуверить в этом каймакама, он только ядовито улыбался

и повторял: «Конечно, я понимаю, что иначе вы не можете говорить!»

Однако, мое положение было далеко не из приятных; ни один армянин не соглашался пустить меня в свой дом, а между тем ни гостиниц, ни мало-мальски чистых «ханов» или «караван-сарая», где бы я мог остановиться, в городе не было: идти в обыкновенный курдский «хан» было рискованно, ибо возбужденная уже быстро пронесшимся слухом о «реформах» и неожиданным появлением среди них европейца, курдо-татарская толпа оглядывала меня с нескрываемой неприязнью. На мою выручку пришел местный армянский священник, который «рискнул» дать мне приют под своей холодной и бедной кровлей. С его стороны это был, действительно, риск, потому что не далее, как в 1911 г., когда в Кара-Килиссе приезжал по делам следствия драгоман русского генерального консульства в Эрзеруме, и один из местных же армян поселил его у себя, то после отъезда русского драгомана этот армянин был избит полицией и заключен в тюрьму, где он и просидел несколько недель. Я уехал из города далеко неуверенный, что и моего хозяина не постигнет такая же печальная участь.

Из Кара-Килиссе мой дальнейший путь лежал через округ Алашкерт, один из тех глухих, далеких от европейского консульского надзора округов, где положение армян в особенности тяжело и печально.

Если сейчас здесь нет, правда, того физического (убийства, вооруженные грабежи) террора, который был здесь ежедневным явлением два года тому назад, зато экономическое и правовое положение христианского населения за самое последнее время стало здесь буквально невыносимым. Особенно гнетуще положение тех сел и селений, в которых живут армяне, вернувшиеся после провозглашения конституции из России.

Поднявшаяся в дороге снежная пурга заставила меня пробыть в одном из таких сел — «Челкани» — почти двое суток.

Долго я не забуду этого низенького, но довольно просторного погреба, освещаемого сверху крохотным оконцем. Возле выложенных камнем и обмазанных глиной стен (я ночевал в самом богатом доме села; бедные дома имеют земляные стены) устроены палаты: несколько досок, лежащих прямо на земле, крытых соломенным матом; небольшая железная печка, с такой же коленчатой трубой, выходящей на крышу, стоит между ними. Четыре толстых бревна (хозяин с гордостью указал мне на них), привезенные за 60 слишком верст, поддерживают потолок. Низкая дверь ведет в другое помещение, отдаленное тонкой глиняной стенкой; там помещаются четвероногие обитатели дома: лошади, коровы, овцы и спят младшие члены семьи... Вокруг раскаленной до-красна печки, распространяющей палящий жар, сидит, поджав по-турецки ноги, почти все мужское население деревни. Всем им далеко за сорок; молодежь и даже 35-летние мужики забраны в солдаты. У большинства – осмысленное выражение глаз, красивые черты лица; многие – блондины, тип, совершенно не схожий с армянами Закавказья. Одежда их – сплошное рубище, по внешнему виду – дикари, невежественные, запуганные, подобострастные, любопытные, наивные и... глубоко несчастные и симпатичные дикари!

Мы говорили по-русски, потому что в деревне десять семейств, переселившихся из России; многие прожили там по 12-15 лет. Я не могу передать нашу беседу во всей ее непосредственности и бессвязной наивности, оставивших во мне страшно тяжелое и грустное впечатление. Это был ряд отрывочных восклицаний, глубоких вздохов, горьких, печальных жалоб, смесь бессмысленных, чисто ребячьих надежд и сшитого белыми нитками лукавства дикаря. Во всем, что они говорили, проглядывали тихое отчаяние безнадежности, сознание неминуемой гибели и снова – говорю я – темной жутью веяли их рассказы; и стыдно, и больно было мне, европейцу, интеллигентному человеку, сознавать все свое личное бессилие помочь им на краю их гибели!

– Нет, вот уже два года, как вооруженных разбоев у нас нет, но до тех пор за 12 лет вся деревня была три раза ограблена до-чиста, унесли даже соломенные маты. Нас грабят теперь иначе; нет разбоев, – есть хуже: «ашарь»! Видишь, казна не берет от нас податей сама, а дает их на откуп – «ашарь». Откупщик, курд или татарин, – армянину не дают и берет с нас не «десятину», а «одну седьмую» со всего, что мы имеем: с хлеба, капусты, картошки, лука, сена, даже хвороста.

Ну раньше тяжело было, все же могли давать, а теперь, вот уже два года, как «ашарь» требуют от нас деньгами. Разве мы в состоянии платить столько? Суди сам: с огорода в 2 кв[адратных] саж[еней] с нас требуют... 60 руб[лей]! А если даже все продать с огорода, – так и 20 не выручишь. То же и с землей. С поля в 15.000 ступней длины и 10.000 ширины требуют 25 лир. Да где же их взять! Кому мы можем продать здесь? Дорог нет, городов тоже нет; народ всюду – бедный... А не заплатить – суд, а суд всегда присудит курду, сколько бы он ни тащил с нас. Начальство и слышать от нас ничего не хочет, – и продают все, что у нас есть: землю, скотину, вещи, даже одежду. Иди с голой семьей и сам голый, куда хочешь. Вот сейчас нам и грозит это разорение: требуют со всей деревни столько денег, сколько мы и в 10 лет не заработаем. Оттянем мы, может быть, не надолго, жаловаться будем в окружной суд в Эрзеруме, но, как ни бейся – все же продадут, как пить дать – продадут. В соседней деревне – там то же самое было: не могли заплатить «ашарь», – и продали; за землю, которая 3.000 руб[лей] стоит, дали всего 200 руб[лей]. И пошли по миру, кто в Россию уехал, кто в Америку... Плохо нам, очень плохо. Ни защиты, ни справедливости. Начальство бьет, ругает: ты, говорит, не человек, а армянин, – хуже собаки, значит!

Курдины-те же: «Дайте время – зарежем, говорят, проклятых гяуров; не поможет вам Россия, не успеет»! Уже два раза – с прошлой весны собирались резать, да турецкое начальство не

позволило, говорит, не время сейчас... Ну потом с женщинами совсем плохо: как увидит курдин девушку или женщину одну, сейчас испортит, иногда и так утащит к себе, держит ее несколько дней, потом вернет, кто же потом, после курдина, возьмет ее замуж? И грабят тоже не так, как раньше: придет с ружьем и возьмет; теперь этого нет, а только увидит армянина и говорит: принеси мне в подарок столько-то этого и столько того-то, а не принесешь, убью! И убьет.

С жандармами и солдатами тоже очень плохо: приходят, едят, пьют, обижают женщин, и не только не платят за то, что взяли, а сами еще «бакшиш» требуют. А пойдешь жаловаться, — хорошо, если только изобьют, а то в тюрьме намаешься. Говорим тебе — нет в Турции правды. Мне вот 45 лет, а в бумагах написано 25. Приходят и говорят: «Иди в солдаты». Куда я пойду, когда я седой. «Врешь, — говорят, — начальство лучше тебя знает, сколько тебе лет, а если ты седой, то потому, что собаки всегда рано седеют». Всех забрали у нас, кого можно: одного почти слепого даже взяли. Сколько жен и малых детей теперь голодных осталось, у которых (у жен) даже родителей нет, чтобы их кормить.

Вот мы твердо всей деревней решили, если весной сюда русские не придут, мы непременно все убежим в Россию: все равно здесь или с голоду содохнем, или курды зарежут.

— Аствас дзиес орпнэ! (Благослави вас Господь). — Мы только и видели свет в России. Как хорошо мы там жили, зарабатывали в один день столько, сколько здесь и в месяц не заработаем. Да вот глупы были; начали нам говорить: поезжайте обратно, в Турции теперь свобода, земли ваши вернут, а здесь (это в России) вас в солдаты берут, подати берут, а землю, говорят, подождите 20 лет. Поверили, — и всей семьей поехали, — и вот беда! Поверьте нам, мы теперь думаем, что армянину лучше быть самым последним рабочим в России, чем самым богатым мужиком в Турции!

Мы уже пытались было осенью прошлого года обратно переселиться в Россию, но русская таможня в Караургане потребовала по 70 руб[лей] пошлины с повозки, да по 3 руб[ля] 50 коп[еек] с вола, да еще — ступай в карантин на 20 дней. Где же нам взять сейчас 70 руб[лей] с повозки? Бросить ее — жаль, новая ведь, а купить ее здесь, — кто купит? Да и страшно без повозки и волов идти в Россию, чем кормиться, если бы еще землю дали!.. И все-таки, как снега сойдут, так мы уйдем; пусть будет, что будет, если умирать, так лучше в России, чем здесь, потому что беспреречно нас весной будут резать!..

Я перечитываю сейчас записанную мною беседу. И какой бледной и тусклой кажется она мне, когда я не вижу перед собою грустных, скорбных глаз, не слышу их голосов, дышавших безнадежным отчаянием и тоской.

Бедные, темные, обманутые люди! Они, как реликвию, сохраняют еще русские паспорта, выданные им в 1908-[1909] гг. Они верят в них, как в талисман, упорно не понимая, не желая даже понять, что этот клочок белой бумаги с государственным гербом и безграмотным текстом, написанным рукою писаря, не имеет уже более цены, после того как они тайком ушли из России, поселились здесь и стали, если не «de jure», то «de facto» турецкими гражданами.

И, если они в своей невежественности преступили русский закон, то будет-ли достойно России опираться на мертвую букву, когда эти люди придут к ней с мольбой: возьмите нас обратно к себе?

И снова я повторяю: я долго не забуду дней, проведенных мною в погребе-горнице дер[евни] Челкани; не забуду и того момента, который вам в Петербурге покажется и сентиментальным, и смешным, но который здесь на меня, человека далеко не религиозного, произвел потрясающее впечатление, когда, прощаясь со мной, старый седой священник обратился к стоявшим за ним

мужикам: «Братья помолимся, чтобы Россия нас не забыла!» И вся толпа, грузно опустившись на колени, со вздохами и верой повторяла громко его дышавшие скорбью слова...

5 марта 1913 г.

Без надежды и просвета

(От нашего специального корреспондента)

По снежному морю. — Вместо восьмидесяти домов-двадцать. — «Христианские собаки». — Показание бея. — Панический страх перед Россией. — Пора помочь!

Патнац, 16-го февраля

Мы не едем, а «плывем» по снежному морю. Плывем, как плывут в настоящем море, где нет ни проторенных следов, ни дорог, ни мостов, ни верстовых или телеграфных столбов, а есть только направление, указываемое компасом. Мой корабль — низенькая узкая розвальня, запряженные парой сильных и выносливых лошадей в своем многодневном пути (десять суток со дня выезда из Баязета!), — руководится даже не компасом, а каким-то совершенно мне непонятным инстинктом моего возницы. Пристально всматриваясь в гладкую и ровную снежную пелену, он словно индеец из романов Майн Рида или курдистанский Шерлок Холмс, улавливает в ней невидимые для моего глаза «следы» прошедшего несколько дней тому назад каравана верблюдов, и по этим следам мы и плывем, день за днем ныряя в огромных сугробах, то проваливаясь неожиданно и часто сквозь оттаявший на солнце тонкий ледяной покров многочисленных горных речушек, то круто взбираясь по замерзшему плотному и твердому, как гранит, снегу на головокружительную высоту. На наше счастье,

навстречу нам только изредка попадаются одиночные курды, гонящие перед собою тяжело нагруженных низкорослых мохнатых и топких волов, «на счастье», — потому что разминуться благополучно на узкой отвердевшей тропинке, протоптанной тяжелыми верблюжьими ступнями, двум путникам — невозможно: кому-нибудь да нужно провалиться в полуаршинный рыхлый снег! Сопровождающий меня не то в качестве конвоя, не то как соглядатай, жандарм, завидев впереди еле заметную черную точку, уже издали начинает грозно кричать, приказывая свернуть с дороги. Но это легко сказать; несмотря на толчки и беспощадные побои крючковой палкой, обыкновенно всегда послушные волы боязливо и крепко упираются ногами в землю и упрямо не сворачивают в сторону; приходится тащить их за длинные уши, за рога, пока несчастное животное с глухим мычаньем-стоном не проваливается глубоко в снежную яму...

С огромным трудом перевалив через перевал Килиш Гедик (на подъем и на спуск ушло восемь часов), мы спускаемся на плоскогорье, по которому течет восточный рукав Евфрата — бурный и быстрый Мурад. Некогда здесь была житница Армении, теперь это медленно, но непрерывно исчезающая Армения. От многих цветущих армянских сел остались одни кладбища, в других — армяне, — по несколько десятков домов, — влачат забитое, жалкое и полуголодное существование.

В дер[евне] Кешке, в которой известный английский путешественник и географ Линч в 1894 году насчитал еще 80 домов, я нашел сейчас всего только двадцать! Воспользовавшись тем, что мой возница остановился кормить здесь лошадей, я разговорился с некоторыми из этих глубоко-несчастливых людей. Их жизнь — это сплошной и страшный кошмар; два года тому назад местные

курды (односельчане) силою отняли у них почти две трети их земель; все жалобы, все обращения к турецкой администрации привели лишь к тому, что курды заявили, что все армяне будут перерезаны, если они не успокоятся. С 1909 г. хлопчут они о том, чтобы им разрешили выстроить небольшую церковку или часовню, которая могла бы обслуживать также армян всех окрестных сел, но турецкие власти грубо отказывают им в этом единственном, оставшемся у них утешении. В январе месяце на пути из дер[евни] Кешке в дер[евню] Хорбасар курды убили одного армянина; из Эрзерума приехал для производства медицинского следствия турецкий врач, который констатировал сквозную рану, шедшую от горла до затылка, и дал заключение, что «умерший, по-видимому, сам напоролся на какой-то острый предмет»!

За последнее время большинство местного мужского армянского населения (курдов – не трогали) было забрано в солдаты; одна старуха-мать, горько плача, рассказывала мне, что вот уже несколько месяцев она не имеет сведения о судьбе своих двух сыновей, находившихся на войне с самого ее начала; недавно она, не совладав со своим горем и тревогой, поплелась в гор[од] Тутах, к местному каймакаму с просьбой навести справки о судьбе ее детей, и тот в ответ на ее слезы и мольбы выгнал ее, сказав: «Старуха, разве мало у вас в деревне бегают собак, что ты приходишь меня беспокоить рассказами о каком-то с... с...»!

Господа европейские гуманисты, и вы, господа дипломаты, – знаете-ли вы, что так говорят в XX веке турецкие чиновники, говорят с народом, который виноват перед ними только в том, что его сыны такие же христиане, какими считаетесь и вы!..

И в Кешке, и в гор[оде] Тутах – административном центре этой области – мне снова пришлось услышать указания, что среди

курдов растет глухое брожение; слухи о готовившейся и готовящейся резне держатся и здесь. В очень осторожной и несколько уклончивой форме подтвердил мне этот факт и очень влиятельный среди мусульман-мохаджиров (переселенцев из России), считающийся по должности командира недавно сформированного из них полка-хамидие как бы их официальным главою – Караманли бей. Несмотря на всю свою сдержанность, он не мог скрыть своей горечи, когда говорил о положении края, в который переселились его сородичи.

«Они думали встретить здесь мать, а встретили мачеху!» – «Народ умирает от различных болезней; на 62 селения, находящиеся в Каймакамлыки-Тутах, нет ни одного врача, ни одной больницы; вместо школ – одни полуразвалившиеся здания для них; путей сообщения – никаких, справедливости и правосудия – тоже никакого. Простой, бедный народ – курды и переселенцы – также страдает от безнаказанного произвола, грабежей и насилия соседних курдов, как и армяне!» Заметьте, это говорил не христианин, а мусульманин, бей, сам влиятельный офицер турецкой службы...

Так же, как и армяне, Караманли бей высказывает мнение, что только боязнь русского вмешательства, слепой, панический страх перед Россией удерживают курдов в их бесчинствах в известных границах; не будь этого страха, те жалкие остатки армянского населения, которые еще находятся в этом крае, давно бы уже были стерты с лица земли, – признание, которое мне пришлось слышать на всем своем пути и от самих курдов, глубоко почему-то уверенных, что в ближайшем будущем весь этот край перейдет к русским. На этой почве с лихущим эти строки произошел в гор[оде] Тутах следующий, несколько анекдотический, случай: проходя по «чарши» (базару), я заметил случайно замечательно живописную фигуру курда-хамидие и сфотографировал его. Через

несколько времени в комнате караван-сарая, где я остановился, вошел неожиданно снятый мною курд и горячо стал просить, «чтобы я простил его!» Я долго не мог добиться, в чем дело, а когда узнал, то мог только расхохотаться: оказывается, бедный, наивный курд вообразил, что я узнал, что «он очень дурной и злой человек, и снял с него фотографию для того, чтобы, когда сюда придут русские, выселить его!»

Рассказанное мною – не выдумка, а факт. В этом убеждении, что «сюда» должны прийти русские, повинны, может быть, сами турки, вернее – младотурки, которые хотят этим слухом оправдать новый созыв полков хамидие. По всей русско-турецкой границе, так же как и во внутренних областях Эрзерумского, Ванского и Битлисского вилайетов, как мне пришлось со всех сторон слышать, турки усиленно формируют полки хамидие, получившие не только совершенно новую форму одежды и вооружение, но и новую организацию.

«Пуганая ворона куста, – как говорят, – боится!» – и армяне склонны думать, что созыв хамидие вызван не страхом перед вторжением русских («все равно, они не могут с русскими драться, – эта орда разбежится, как стая шакалов, от первой пушки» – наивно говорят они), а с тем, чтобы «раз навсегда покончить с армянским вопросом»; такое толкование мероприятий турецкого правительства мне кажется, конечно, невозможным, но с другой стороны, – каждый день, который мне приходится прожить в «исчезающей Армении», убеждает меня в том, что вмешательство России или кого бы то ни было, – но вмешательство немедленное, решительное, подкрепленное реальной силой – необходимо; каждая верста, которую я делаю вперед в этой несчастной стране, каждое новое селение, новая встреча убеждают меня, заставляют меня громко обращаться ко всему цивилизованному обществу: – господа, поймите же, наконец, что этот народ находится накануне катастрофы!

17 марта 1913 г.

(От нашего специального корреспондента)

В волчьем логове

Под сенью Синана. – Любимец Абдул-Гамида. – Дворец с кладбища. – Старое и новое. – Армянские права.

Патнац, 12-го февраля

... Я еду по пути, по которому 19 лет тому назад проезжали известный исследователь Армении и еще более известный русофоб англичанин Линч (в своих предыдущих письмах я несколько раз упоминал о нем). Но Линч путешествовал летом, когда узкая, волнистая равнина, лежащая у южного подножья высокого и скалистого хребта Ала-Даг, была покрыта хотя и скудной, но все же какой-нибудь растительностью; я еду глубокой зимой, когда все складки этой голой и унылой местности покрыты глубоким и ровным снегом. Его так много, что местами мы пробираемся, словно по узкому коридору, снежные стены которого возвышаются над нашими головами иногда на целый аршин. Кругом-глубокая, царственная тишина, ни зверя, ни птицы, ни людей, ни даже дерева, на котором мог бы остановиться глаз; одни снега и снега, бесконечные, казалось, в ширь искрящиеся в своей холодной и ровной белизне мгновенно вспыхивающими и потухающими огоньками распыленных алмазов.

Вдали, на горизонте, загораживая нам путь на юг, резко обрисовывается на бледно-голубом фоне неба одинокая вершина Синана. Уже два дня следит он за нашим путешествием, оставаясь сам все таким же далеким и недосыгаемым! Вот и теперь, когда он сбросил с себя свою облачную туманную одежду и открылся вес, с вершины до основания, в своей величественной и строгой кра-

соте, — мы вдруг круто сворачиваем на восток, ныряем между холмистыми и пологими отрогами Ала-Дага и медленно спускаемся в неширокую лошину. Впереди, среди снежных сугробов — какие-то беспорядочно-разбросанные, приземистые, черные кучи. Это — Патнац, довольно значительное курдское село, резиденция знаменитого в свое время бека, разбойника и главного предводителя трех курдских аширетов: хайдеранли, сметканли и адеманли, — Гуссейн паши.

История этого человека, любопытного «продукта» турецкой политики в этом крае, крайне интересна. Грубый, дикий и необразованный пастух, в молодости (он и теперь совершенно безграмотен, так же как и все его сыновья) он благодаря открытому разбойничеству разбогател, получил от Абдул-Гамида титул паши, был осыпан из Константинополя подарками, и теперь почти неограниченный владетель земель, захваченных им грубой силой, простирающихся между Ванским озером, персидской и отчасти русской границами. После провозглашения турецкой конституции Гуссейн паша, опасаясь возмездия за свои многолетние бесчинства, грабежи и своеволия, бежал в Маку, где в течение года пользовался гостеприимством и покровительством не только со стороны сардара Макмиского, но, как это ни странно, и со стороны русского правительства (так, по крайней мере, утверждают сами турки). Потом, убедившись, что «конституция» ничего в сущности не изменила, он вернулся в свое волчье логово и с удвоенной энергией принялся за свои прежние безобразия и преступления, не только над армянами, но и над мирными курдами. Я не буду здесь касаться его старых грехов, — для этого пришлось бы писать целую книгу, — а ограничусь только передачей тех фактов, которые имели место за самое последнее время.

По внешнему своему виду столица курдского феодала, действительно, напоминает волчье логово: дома — низенькие; обложенные навозом земляные нары; кругом — невероятная грязь и

смерд; ни кустика, ни деревца. На окраине села — несколько грубых, но все же единственно имеющих вид человеческих жилищ, домов. Это «дворец» Гуссейн паши; он выстроил его из камней, взятых от разрушенных им исключительно для этой цели, нескольких армянских церквей (монастыри Дук-Манук, Св[ятого] Степана и церкви деревень Кармакам и Казылкая); ограда дома сложена из надгробных памятников и крестов армянского кладбища (кстати сказать, само кладбище обращено Гуссейн пашей в свалку нечистот)! Таких домов Гуссейн паша имеет, впрочем несколько, почти в каждом принадлежащем ему селении. В них он творит до сих пор дикую, свирепую расправу и проявляет свою никем и ничем не обуздываемую волю над людьми, имеющими несчастье быть христианами и жить в его соседстве.

«Мы не понимаем, как Господь Бог может выносить его преступления?» — наивно говорили мне армяне. — «Недавно, он позвал к себе одного молодого человека-армянина и приказал ему немедленно похитить, увезти и обесчестить одну девушку из уважаемого армянского дома. Но зачем же я буду это делать, я не люблю ее и она мне даже не нравится, — возразил тот. Это мое дело — зачем, я не сделаешь — убью! Под страхом этой угрозы несчастный молодой человек должен был исполнить дикое приказание бека».

— Простите, но я не понимаю, для чего Гуссейн паше понадобилось это делать; ведь вы не говорите, что он потом отобрал эту девушку к себе?

— Для чего? — грустно возразили мне. — Да для того, чтобы перессорить армян, вооружить одних против других, а потом, конечно, — с целью издевательства... Вы посмотрите только, что он делает? Минувшим летом он приказал своим курдам сжечь у армян все запасы сена, — и сожгли! В декабре 1911 г. он объявил, что все армянские стада овец отныне являются его собственностью; осенью прошлого года он послал своих всадников занять несколько мельниц, принадлежавших армянам, выгнав оттуда их

хозяев. В марте 1912 г. сын его во главе шайки похитил армянскую 13-летнюю девочку и обратил ее в мусульманство; через несколько дней бедняжке удалось бежать и укрыться в доме армянского старшины; курды ворвались в дом, избили до полусмерти священника и старшину, и увели обратно свою жертву. После этого было еще три таких же случая; вообще с 1909 г. курды похитили и обратили в мусульманство в одном только этом селе 14 девушек и женщин. Выстроили мы здание для школы, – Гуссейн паша немедленно отобрал его. Всего – не перескажешь! Для нас совершенно ясно, что так больше нельзя жить.

Власти, администрация, – всецело на стороне Гуссейн паши; местные чиновники перед ним униженно раболепствуют; высшие в Эрзеруме – боятся его. О жалобах и думать нельзя: убьет!.. Живем в вечной тревоге, в непрерывном страхе, что придет курдам фантазия нас перерезать – никто их не остановит, а тут еще за последнее время что-то странное творится и среди курдов, и среди турок. Возобновлен неожиданно уже много лет назад позабытый обычай – три раза в день предлагать христианам принять ислам... С другой стороны, месяц тому назад (в январе) турецкие власти издали циркуляр, предписывающий отобрать у армян всякое, какое ни на есть оружие: охотничьи ружья, кинжалы и пр[очие]. Слухи о резне держатся упорно, и сами курды, те, конечно, которые к нам относятся дружелюбно, предупреждают нас, что между курдскими беками идут какие-то подозрительные совещания...

Вот в каких условиях приходится жить армянам как в самом сел[е] Патнац, так и в его окрестностях. Чтобы дополнить эту печальную картину, следует указать, что находящиеся под деспотической ферулой Гуссейн паши христиане не смеют, например, сажать вокруг своих домов деревья и разводить фруктовые сады, не имеют права держать у себя свиней; дома их по приказанию Гуссейн паши подвергаются время от времени самому грубому обыску курдами-хамидие, при чем, если будет найдена какая-

нибудь новая вещь, она немедленно отбирается. Выступая на вооруженные грабежи, Гуссейн паша силою берет с собою армян наиболее почтенных семейств и посылает их впереди себя, с той целью, конечно, чтобы на их плечи пала вся опасность предприятия. «Каков поп, таков и приход» – эта русская пословица применима и к положению местных армян. Из 120 курдских домов, находящихся в Патнаце, только восемь занимаются земледельем, остальные же частью скотоводством, большей же частью грабежами и наборами среди армян.

Справедливость требует сказать, что эту участь разделяют с ними и немногие «мирные» курды-хлебопашцы; например, курдская деревня Зомак неоднократно подвергалась нападениям Гуссейн паши и его всадников.

– Мы жалеем о временах Абдул-Гамида, – сказал мне глубоко симпатичный, умный и интеллигентный по природе, старик армянский старшина дер[евни] Патнац¹. – Вы, может быть, не поверите, но уверяю Вас, что в то время Гуссейн паша не смел делать таких безобразий, какие он творит теперь; он в грош не ставит настоящих турецких властей и не считается ни с чем, кроме как со своей дикой волей!..

Последнее обстоятельство подтвердил мне и местный жандармский «юз-баши» (сержант). «Не может быть иначе!.. Паша очень богат, и взятками купил себе расположение всего высшего начальства, которое не позволяет даже, чтобы ему докладывали о преступлениях и беззакониях Гуссейн паши»!..

Тяжелое впечатление, под которым я уезжал из волчьего логова старого разбойника и насильника, усилилось еще новой

¹ Если армяне сел[а] Патнац не впали окончательно в нагнутное состояние, то они обязаны ему. После долгой борьбы ему удалось добиться разрешения открыть школу; правда, после того, как Гуссейн паша отобрал выстроенное для нее здание, эта школа помещалась долго в... скотском хлеве, но все же дети получали начальное образование; теперь он хлопочет над устройством школы для девочек.

встречей с армянами-эмигрантами из России. Особенно жаль было одного; он три года служил русским солдатом (в Самурском полку), выйдя в запас, ушел в Турцию; теперь местные власти требуют, чтобы он (ему 36 лет) шел отбывать воинскую повинность. Он отказывается, утверждая, что он – «русский солдат», «русский подданный»; но более чем вероятно, что ему, как и многим другим, все же придется бежать обратно, и вот он с тоской и страхом спрашивает: простят-ли ему в России, что он, весь охваченный мыслью сесть, наконец, на свою землю, преступил русские законы и ушел?

Я не знал, что ответить ему, потому что сам не знал, простят-ли ему; захотят-ли наши чиновничьи кокарды и фуражки понять психологию этого невежественного, наивного хлебороба, в глазах которого «земля» выше мертвой буквы закона!

Путевые впечатления

Оскверненный мусульманский дом.— Ребенок и мусор.— Добровольные пожертвования.— Жаждающие прихода русских.

Ардиш, 13-го февраля

От м[естечка] Патнац до северо-восточной оконечности Ванского озера, где когда-то, в седые времена глубокой древности, находилась одна из семи армянских крепостей, опоясывавших внутреннее армянское море – Ардиш, а теперь расположен полу-курдский, полу-армянский городок Аканц.— армянские селения почти сейчас не встречаются; их заменяют многочисленные заброшенные христианские кладбища. Почти каждое курдское село окружено этими печальными, молчаливыми, но живыми памятниками, свидетельствующими, что здесь вековой процесс истребления армянского элемента уже закончен. В одном из таких селений «Аррэ» (по-армянски значит «соленое»; другой живой сви-

детель прошлого!) мне пришлось остановиться на ночлег. Едва я, согнувшись по пояс, вошел в темную, до-нельзя смрадную конуру, как мой хозяин-курд, быстро разостлав перед собой коврик и сняв зачем-то нижнюю часть своего оборванного и грязного костюма, стал на молитву. В течение последовавшего часа он повторял ее трижды, проделывая предварительно со своим костюмом ту же операцию. Когда я спросил его о причинах такой исключительной набожности, он наивно объяснил: «Я прошу Бога простить меня за то, что осквернил свой дом присутствием христианина». Но почему для этого ему пришлось снимать часть своей одежды, так и осталось для меня невыясненным. Разговаривая со мной, он, между прочим, пожаловался, что «ему уже 50 лет, а у него всего один ребенок», в дальнейшей же беседе выяснилось, что у него 3 дочери и один сын.

— Как же у тебя один ребенок, когда их всех четыре? — спросил я.

— Ну, как же ты этого не понимаешь, ребенок — один, а остальное — мусор, который не считается!..

В г[ороде] Ардише, куда я прибыл на двенадцатые сутки после своего выезда из Байзета, я застал все городское население в каком-то волнении и возбуждении. Оказалось, что турецкие власти объявили о вторичном сборе «добровольных» денежных пожертвований на войну. Первый сбор происходил в конце прошлого октября; тогда собрали со всего города около 200 тур[ецких] лир, но, как мне утверждали, в кассу казначейства поступило всего 18 лир; куда делись остальные — неизвестно. Теперь был объявлен новый сбор, причем из Константинополя было указано, что население Ардиша должно «пожертвовать» определенную сумму — 300 лир. Ввиду этого, местные власти составили список, сколько каждое отдельное лицо должно внести. Тяжесть сбора, как и всегда, легла на армян. Хотя в городе на 600 турецко-курдских домов приходилось едва-ли 300 армянских, при чем большинство из этого

числа – бедные, однако, по раскладке турецких властей, на дома армян пришлась ровно половина с указанной суммы. Впрочем, наряду с армянами страдающим элементом явилось также и турецкое чиновничество; по приказанию комитета « Union et Progrès », они должны были пожертвовать все свое месячное жалованье!

В селах этот добровольный, якобы, сбор сопровождался страшными насилиями; он взыскивался силою жандармских репрессий.

Отряды синих «заптивев» (сине-голубой цвет, как видите, является, должно быть, общим для жандармов всех наций) являлись в деревни, исключительно армянские, располагались там, как у себя дома, в течение нескольких дней ели, пили и затем приступали к «сбору»; у кого не было денег, у того уводили корову, лошадей, овец, продавали все, что было можно продать.

Я сам видел на базаре в г[ороде] Ардише армянских крестьян в лохмотьях, которые со слезами продавали свои матрацы и одеяла, чтобы иметь возможность внести «добровольное пожертвование». О том, какие огромные суммы собирались таким путем, можно судить по тому, что на долю десяти только селений пришлось 240 турецких лир!

Одновременно со сбором пожертвований, как мне утверждали безусловно авторитетные лица, по приказанию из Константинополя с середины минувшего января местные турецкие военные власти проявляют несколько необычную деятельность. Начать с того, что, по предписанию военного начальства, в г[ороде] Ардише были созданы все «мухтары» (сельские старосты) округа и от них были отобраны подписки в том, что они обязуются по первому требованию властей заготовить и поставить известное количество подвод, лошадей и фуража. Одновременно все «миролои» (командиры) вновь сформированных полков курдской конницы (как мне объяснили, название «хамидие» теперь упразднено, и эти

полки носят название «айлоли», т[о] е[сть] иррегулярные полки) получили предписание проверить строжайшим образом наличие своих частей и их готовность к мобилизации.

На этой почве разыгрался интересный инцидент с Гуссейн пашой, о котором я упоминал в предыдущем письме; ему был послан запрос: готовы-ли его 1500 человек всадников к выступлению? Курдский феодал, признающий за собою только «права» и отвергающий с негодованием «обязанности», ответил, что у него не может быть такого числа людей, так как «часть взята вами же в Аскеры, другая часть разбежалась, а потому от меня никаких всадников не ожидайте!» Озлобленные этим ответом турки не решились, однако, привести в повиновение непокорного пашу и ограничились тем, что пустили среди курдов слух, будто Гуссейн паша подкуплен русскими; впрочем, они все же послали ему, ввиду его требования около 900 шт[ук] ружей Мартини.

Обращает также внимания и усиленная заготовка военными властями провианта в Эрзеруме. Из Вана и Ардиша туда отправлено огромное количество всякого рода зерна и муки.

Все эти факты заставляют местное население предполагать, что турки к чему-то готовятся. Но – к чему? Этот вопрос сейчас, когда я пишу это письмо, здесь у всех на устах. Из уст в уста, шепотом на ухо передают, что «едва стаят снега, – сюда придут русские!» И хотя открыто и громко об этом никто не говорит, но уверенность в близком приходе русских царит у всех.

Армяне говорят об этом с надеждой, но больше со страхом (благодаря географическому своему положению, – Ардишский и соседний с ним Адлжавский округи являются наиболее опасными в смысле возможности резни, я выясню это в следующей статье), турки – с озлоблением, курды, – но здесь мои слова покажутся, быть может, для многих неправдоподобием, – курды большей частью сочувственно. Удивляться этому не следует; надо принять во внимание, что положение бедного курдина, не бека, не ага, а

простого «марипа» (вроде временно обязанного) мало чем лучше положения христианина-армянина. В своем многодневном путешествии от русской границы до Ванского озера мне приходилось часто слышать от курдинской голи, а таких в сущности, большинство: «Мы ждем – не дождемся, когда придут сюда русские; пусть нас даже заставят принять православие, но, по крайней мере, мы будем жить тихо, мирно, не зная тирании и самодурства какого-нибудь Гуссейна или Эмин паша!». И я должен сознаться, – выслушивая все эти упования, все эти робкие, трепетные, но в то же время такие пламенные мечтания, мне делалось как-то не по себе, как-то неловко и стыдно, и я часто спрашивал самого себя: «Не грешу ли я; какая сила влечет их так стихийно к России; откуда эта вера в нее, эта уверенность в лучшее, более светлое, в более счастливое ее будущее? И почему я, русский, говоря с ними, с турецкими армянами, мохаджирами, даже с курдами, часто чувствую, что у меня нет этой веры, что моя вера в “великую Россию” подтечена червем критицизма и сомнения?»?

19 марта 1913 г.

Тревожные дни

Тревога армян. – Слухи о нашествии России. – «Русские револьверы». – Аптека для приготовления бомб. – Выживший из ума паша. – Умыкание женщин. – Выгравление последних армян.

15-го февраля, г[ород] Ардиш

Я застал еще в Ардише отголоски той жуткой и крайне острой тревоги, которую переживало все армянское население города в течение нескольких дней в конце минувшего января. «Резня» казалась неизбежной; о ней предупреждали армян сами курды, по крайней мере те из них, которые находились с хрис-

тианами в более или менее хороших отношениях. На улицах, на базарах, в кофейнях открыто говорилось, что пора, наконец, покончить с армянским вопросом; разбросанные в различных кварталах города растворившиеся в сплоченной мусульманской массе, немногочисленные армяне переживали тяжелые дни; двери и окна домов их были забаррикадированы, днем и ночью у дверей стояла, чутко прислушиваясь к уличному шуму, вооруженная стража-самооборона; мало кто осмеливался показываться на улицах...

Откуда и как родились это настроение, эта уверенность в неизбежности резни?

Толчком явился пустой и глупый случай, совершенно неожиданное совпадение, с одной стороны, а с другой, – этого требует признать справедливость, – провокационная деятельность как местных властей, так и официального «Оттоманского агентства». Уже с конца прошлого года это агентство начало распространять посредством своих «официальных» телеграмм слухи о готовящемся вторжении в Анатолию России. В середине минувшего января оно заговорило о вмешательстве – вторжении России – в совершенно определенных выражениях. И эти-то сведения и были той искрой, которая, облетев весь Северный Курдистан, зажгла фанатизм курдо-мусульманских масс. Возбуждаемые беками и духовенством, курды заволновались; слово «кркн» (резня) появилось у всех на устах; турецкие гражданские, военные и полицейские власти все это знали и видели, но сознательно закрывали глаза и молчали, еще более подогревая этим возбуждение волнуемой темной массы.

С другой стороны, как я уже сказал, явились глупый случай и совпадение. Каким-то образом один из курдских «нотаблей» г[орода] Ардиша, некто Шариф эфенди узнал, что один из местных армян приобрел откуда-то револьвер «Ногана». Этого было

достаточно, чтобы моментально по всему городу разнеслась весть, что «русские раздают оружие армянам». Этот неправдоподобный, но нашедший себе веру слух, совпал с другим. Несколько человек русских эмигрантов-армян, прибывших в Ардиш 3-4 месяца тому назад, решили, чтобы иметь средства для своего существования, открыть в этом городе аптеку. Тогда один из местных турецких военных фельдшеров, торговавший ранее лекарствами из госпитальной аптеки, желая уничтожить своих неожиданных конкурентов, пустил в обращение сплетню, что «русские эмигранты под вывеской аптеки будут изготавливать бомбы для вооружения армян на случай прихода русских войск». Как ни глупа была эта сказка, она нашла, однако, отражение в официальных турецких сферах, но здесь уже начинается настоящий, чисто в турецком духе, фарс, не превратившийся в трагедию только случайно. Начальник местного гарнизона, некто хаджи Заид паша, 65-летний, совершенно необразованный, фанатичный и к тому же выживший из ума араб, поверил этой басне и в официальной телеграмме на имя командира корпуса в Эрзангяне донес (цитирую телеграмму дословно): «Божие Провидение открыло мне, что армяне заготавливают бомбы, чтобы действовать совместно с русскими войсками»!

Перепуганный муширь (командир корпуса) немедленно срочно телеграфировал ванскому вали, прося его произвести самое строгое расследование. К счастью, последний оказался разумнее своих военных коллег и, не прибегая к официальному следствию, ограничился тем, что обратился к ванскому архиепископу с просьбой домашним образом узнать, в чем дело?

История, «с бомбами» оказалась, таким образом, бурей в стакане воды, но благодаря своему совпадению с телеграммами оттоманского агентства и с агитацией, поднятой уже упомянутым Шариф эфенди, она заставила армянское население пережить несколько мучительно тяжелых напряженных дней.

Все, конечно, хорошо, что хорошо кончается, но, с другой стороны, эта анекдотическая история показывает, от каких случайностей зависят в этом краю жизнь и безопасность армян. Этот же анекдот выпукло и ярко обрисовал личность турецкого генерала, которому по должности начальника гарнизона вверена судьба армянского населения. Можно ли в настоящее тревожное время оставлять на крайне ответственном посту человека, который верит не только доносу, но обыкновенной базарной сплетке и приписывает происхождение последней «Божьему Провидению»? Впрочем, упомянутый хаджи Заид паша отличается еще и тем, что заставил весь вверенный ему гарнизон три раза приносить торжественную присягу, причем особенное внимание он уделял тому, чтобы присягавший аскер крепко держался за знамя.

— Крепче, крепче держись, — кричал паша, — увильнуть от присяги, небось, хочешь!..

Выше я уже сказал о том, что армянские дома разбросаны в различных кварталах города и теряются среди преобладающих по численности мусульманских жилищ. В таком же положении находится и все армянское население Ардишского и соседнего Адльжавского округов. На общее число в 150 селений в первом армянских насчитывается всего 42, причем только 20 из них можно считать исключительно армянскими. В таком же печальном положении находится и другой округ. Вот почему здесь не может быть и речи об организации той самообороны, которая существует в некоторых горных округах Ванского вилайета, вот почему положение армянского крестьянства здесь всецело зависит от курдов, которые в любой момент могут не только в 24 часа, но и в гораздо меньший срок снести с лица земли все армянские селения.

Вполне поэтому понятно, что местный корреспондент эре-
румской дашнакцаканской газеты «Харачь» («Вперед») с отчая-
нием писал и продолжает писать: «Ради Бога, не возбуждайте
никакого вопроса об автономии; мы ничего не хотим другого,
кроме того, чтобы сохранить наши жизни; поймите, что прежде
чем какая-нибудь автономия будет введена,— все, решительно все
армянское население наших округов будет поголовно истреблено!»

Чтобы не возвращаться более к положению армян в Ардише,
я должен упомянуть еще о следующих фактах.

Земельный вопрос здесь стоит так же остро, как в других
местностях. Ни одна жалоба, ни одно ходатайство не были еще
разрешены, и правительство, по-видимому, совершенно не склон-
но их рассматривать. Более того, не только курдские беки вроде
Гуссейн паши и др[угие], но и само правительство нагло и без-
законно захватило в свои владения армянские земли, так, на-
пример, вновь выстроенные в Ардише казармы возведены на за-
хваченных армянских участках.

Умыкание женщин и обращение их в мусульманство продол-
жает, несмотря на все вопли и протесты армян, идти своим че-
редом. Всего 25-го января с[его] г[ода], курды увели 13-летнюю
дочь армянина Петросяна из дер[евни] Кокень. Все хлопоты и
жалобы армян не увенчались успехом; хотя дело и перешло в
ванский окружной суд, но девочка оставлена в руках мусульман.

Из разговоров с местными армянскими интеллигентами я
вынес впечатление, что все зло происходит не от курдов, а от
самых турок. Курды будто бы сами сознаются, что на все прес-
тупления, грабежи, разбой и убийства, их подталкивают турки. С
другой стороны, несомненно, что с 1909 г., в глазах турок,— ис-
чезло всякое различие между христианскими религиями; сейчас —

православный-ли, католик, протестант, григорианец,— для них со-
вершенно безразличны, все они объединяются словом «хрис-
тианин», и, как таковые,— они рассматриваются турками, как враги,
шпионы и предатели, отношение к которым не может быть иное,
как глубоко враждебное.

В той части «исчезающей Армении», которую я сейчас
объезжаю, христианский элемент составляет уже громадное мень-
шинство, но это не значит, что борьба с ним закончена. Наоборот,
если вековой кровавый процесс массового истребления местами,
как будто, и закончен, то там идет более, может быть, медленный,
но систематический и важный процесс «вытравления» последних
остатков.

«У поклонников сатаны»

Кошачий мавзолей. — Легенда о змее. — Молитва иезидов. —
Путаница европейских ученых. — Религия иезидов. — Золотой
павлин. — Злой дух. — И тут ждут русских освободителей.

Пиши-Кумбет, 16-го февраля

«Пиши-Кумбет» — «Кошачий мавзолей»! Неправда-ли какое
странное и вычурное название для жалкой иезидской деревушки,
затерянной сейчас в стогах на северо-восточном берегу Ванского
озера! Седой старый иезид, живописно драпировавшийся в свои
до-нельзя грязные лохмотья, степенно и медленно рассказывал
мне:

— Ты спрашиваешь, откуда взялось такое странное название
нашей деревни? Видишь, мы живем здесь только 14 лет, пришли
сюда, спустившись с гор; а раньше — здесь было большое армян-
ское село. Так вот, говорят, давно, очень давно, на дне Ванского
озера жил большой крылатый змей. Каждую ночь вылезал он из

голубых и холодных его вод, оползал деревню и съедая самого жирного и толстого барана, которого жители села, желая умиловить чудовище, всегда предупредительно оставляли на берегу. Случилось, что однажды крестьяне, пировавшие на свадьбе, забыли приготовить эту жертву. Тогда разъяренный змей заполз в тот дом, где происходило пиршество, и выпустил свою ядовитую слону в приготовленное для гостей угощение. Уползая, змей оставил дверь комнаты, в которой находилась отравленная им пища, открытой; этим воспользовалась кошка, прокрававшаяся туда и съевшая все кушанье; утром, когда в комнату вошли люди, они увидели кошку мертвой. Благодарные за свое спасение, они и поставили ей памятник, от которого до наших дней сохранился только один холм...

Такова легенда. Среди этих глубоко-невежественных, всеми презираемых людей до сих пор сохранился богатый народный, а в особенности религиозный эпос, возвышающийся иногда до настоящей поэзии, окутанный, как и сам создавший его народ, очарованием загадочности и таинственности.

Уступая моим просьбам, рассказавший мне легенду старик согласился, наконец, прочитать мне главную молитву иезидов, являющуюся, как бы исповеданием их веры. Я записал ее так: «Аминь, аминь, аминь! Ты, Господи, Творец Всевышний неба; Единь Ты милосерд, единь велик и благ. Единь Ты, Господи, нам Бог живой в века веков. Ты вечный царь всех царств, владыка всех миров. Ты царь земных существ, Ты царь небесной рати. Источник бытия, ключ радости и счастья, Единь Ты достоин славословия. Ты, Господи, источник благодати, любви живой и беспредельной; Ты покровитель путников, Ты властелин луны и мрака; создатель солнечного света, Всевышний судья, сидящий в небесах на троне,

Ты, Господи, владыка, правящий царями и рабами. Создатель грешника Адама, Ты создал, Господи, Иисуса и Марию... Твоего лика, о Господи, еще никто не видел, никто земной постичь Тебя не может и внешний образ Твой нам смертным неизвестен; Ты всюду сущий дух, бесплотный, безначальный... Ты, Господи, велик, и червь я перед Тобою; я хил, я слаб, я созданный из праха; я грешник, Господи, но не забыт Тобою; Ты вывел нас, людей, из бездны мрака к свету, прости же, Господи, грехи мои без меры, прости мою вину, спаси нас Боже, Боже, Боже Милосердный!.. Аминь»!..

Эта молитва, родившаяся, как говорят, в сердце национального иезидского пророка Шейх Адэ, не уступает, мне кажется, по силе своей веры во Единого Бога-Вседержителя и по своей пламенной религиозной лирике лучшим песнопением великого поэта христианства Иоанна Дамаскина. О злом духе, духе мрака и отрицания, поклонниками которого упорно считают иезидов не только невежественные соседи-магометане и христиане, но и многие европейские исследователи, в молитве не упоминается даже вскольз. Кто же они в самом деле, откуда создано такое представление, которое на протяжении целых веков обрекало небольшую горсточку людей на ряд жесточайших преследований, вызывало непримиримую к ним вражду, отвращение и ненависть мусульман и насмешки, издевательства и брань со стороны христиан?

Иезиды давно уже обратили на себя внимание европейских этнологов и этнографов, но, несмотря на это, ни их происхождение, ни их религия до сих пор не освещены ярким лучом беспристрастного научного знания. Сведения о них разбросаны в сочинениях путешественников, в периодических изданиях, в докладах ученых обществ и консульских донесениях, но все эти материалы крайне отрывочны, сбивчивы и не полны. Объясняется это явление крайней скрытностью и двуличием самих иезидов во всем, что

только касается их религии. Обвинять их в этом особенно нельзя, потому что, как я уже сказал, мнимая принадлежность их, иезидов, к «поклонникам сатаны» на каждом шагу их жизни причиняет им не мало горя и обиды.

Зная это недоверие иезидов к иноверцам, меня все же очень интересовал вопрос, как смотрят на себя и на свою веру мои хозяева, крестьяне небольшого села, в доме которых (если только можно назвать «домом») лабиринт темных и низких подземных каморок) мне пришлось остановиться. Присутствие вначале в сыром подzemелье, слабо освещенном небольшим отверстием сверху, служившим и окном, и местом выхода дыма, моих спутников по путешествию – курда-проводника и жандарма-турка – замкнуло уста моим собеседникам. Несмотря на всю настойчивость расспросов, мне удалось, вырвать от них только, что они «носят мусульманские имена, совершают обрезание, признают (?) мусульманских мулл, признают многоженство»... Но едва только мы остались одни, и хозяин дома, старик-иезид, узнал, что я русский, лицо его осветилось радушной улыбкой: «Мы знаем русских; многие из нашей молодежи ходят в Россию на заработки, и они рассказывают, что русский народ – хороший, справедливый народ, который не смеется над нами, иезидами»... Несколько предложенных ему стаканов чая и подарок – полголовы сахара – окончательно завоевали его доверие, и он уже без особых упрасиваний стал мне рассказывать то, что он знал сам о своей вере. Я должен с удивлением здесь отметить, что не мог предполагать даже, что неграмотный, никогда ничего не выдавший, кроме своей деревни и окрестных гор, старик мог так обстоятельно, толково, «интеллигентно», – сказал бы даже я, – говорить по этому вопросу.

С энергией и негодованием, произведшими на меня впечатление искренности, опровергал он поклонение, как богу, – «злому духу». «Мелек-Тоуз» (сатана) в глазах иезидов не божество, а несчастный, достойный сожаления, впавший в немилость Бога, глава архангелов. Со временем Бог простит его, и дух сомнения и отрицания снова займет место рядом с Божьим Престолом, поэтому поносить и бранить его – является тяжким грехом. Почитая Единого Бога, иезиды признают 124 тысячи пророков, первым из них был Адам, затем – Христос, он же Дух Божий, признают они и Божию Матерь (Майрам) и многих христианских святых, главным образом, принадлежащих к лику армянской церкви. (Последнее – вполне понятно). Первым, однако, по святости был шейх Адэ, носитель божественного откровения. Старший из потомков его, живущих в «бары» (пустыня), где находятся ароды (г[ород] Моссула, названия города старик не знал), считается духовным главой иезидов, воля которого для них закон. Постановления пророка строго запрещают иезидам: богохульство, поругание священных стихий (такowymi являются солнце и огонь), ложь, клевету, присягу, божбу, убийство и всякое кровопролитие, ношение оружия, месть, кражу, прелюбодеяние, браки с иноверцами, ростовщичество и т[ак] д[алее]; и, наоборот, предписывает жизнь полную мирного труда, идею братства и взаимной помощи, почитание родителей и любовь к ближнему. Слушая повествование старого иезида, у меня невольно иногда рисовалась аналогия и с толстовским учением о непротиивлении злу, и с идеями буддизма, и еще более с альтруистическими заветами первоначального христианства.

Более чем вероятно, что в основу религии иезидов легло учение Зороастра, но с течением времени, подвергшись влиянию христианства (армяне) и магометанства, оно потеряло свою первоначальную чистоту. Если не «поклонение», то, во всяком случае, «уважение иезидов к “злому духу”» – «Мелек-Тоуз», изображение

которого в виде «золотого павлина» составляет главную святыню, находящуюся в их единственном храме Лалиш (около Моссула, б[ывший] несторианский монастырь Св[ятого] Иоанна),— можно объяснить тем, что с древних времен народы Персии на ряду с началом добра, богом Ормуздом, боготворили также начало зла, бога Аримана.

Таким образом, надо думать, что религия иезидов, передаваясь из столетия в столетие в форме устных преданий (существование единственной священной их книга «Замбур» является сомнительным), представляет собою крайне пестрое наложение различных вероучений, в котором «дьявол» вовсе не занимает центрального места. И если многие просвещенные европейцы не могут до сих пор отказаться от этого предубеждения, что же удивляться тому, что соседнее мусульманское население открыто выражает иезидам не только свое презрение, но и гадливость.

Многое рассказывали мне об этом иезиды, которых я встречал потом на своем пути, и горькие рассказы их о темной, безнравственной и полу-голодной жизни, о курдах, требующих от них совместного участия в преследованиях армян, грабящих их и так уже нищенские деревни; о турках, в глазах которых они являются нечистыми и презренными существами, париями, для которых закрыть доступ даже в начальную школу. Все эти горькие, тоскливые рассказы сопровождалось минорным, жалобным аккомпаниментом; дальше так нельзя жить, неужели этот край никогда не станет русским!

Не желая, чтобы недоверчивый читатель мог обвинить меня в том, что я на своем пути всюду и везде вижу русофильские стремления и чувства населения, я ссылаюсь в отношении иезидов на донесение нашего бывшего консула в Ване, г[осподина] Маев-

ского, который неоднократно сообщал, что «иезиды с нетерпением ждут прихода сюда русских». В том же духе писали и пишут и другие русские консулы.

23 марта 1913 г.

(От нашего специального корреспондента)

Дорожные впечатления
Джаник, 17-го февраля

Вот уже несколько дней, как холодная морозная погода сменилась вдруг настоящей весной. В полдень, на солнце, так тепло, словно сейчас не февраль, а конец мая. Выпавшие в декабре и январе могучие снега (старожилы-армяне уверяют, что таких снегов они еще не помнят) превращаются днем в глубокую рыхлую кашу, в которой отказываются двигаться даже местные выносливые кони. Ночью — еще хуже: подтаявшая снежная масса, замерзая, образует хаотическую паутину скользких рытвин, борозд, ухабов и провалов. Почти от самого Ардиша нам приходится часами двигаться пешком. Особенно тяжело на переправах: быстрые горные речушки местами уже вздулись и вскрылись, местами покрыты топкой ледяной коркой; мостовых нет, и переправляться нужно в брод, и долго я не забуду, как на одной из таких переправ после напрасных усилий заставить лошадей идти вперед, всем нам пришлось по-пояс раздеться и самим лезть в воду, в которой едва ли было более 4-5 градусов, таща за собою на поводу боязливо упирающихся лошадей...

В Джаник, большом селе, где живет «мюдир» (уездный начальник), мы останавливаемся в армянском доме; слава Богу! — можно будет, наконец, хоть несколько отдохнуть от смрада, грязи

и насекомых, которые нас одолевали на предшествующих ночлегах в курдских и иезидских деревнях.

Пока разводят огонь и кипятят воду для чая, я с наслаждением растягиваюсь на бурке, брошенной на ворох принесенного сена. Никогда еще я так мучительно не уставал, ноги словно налиты свинцом, болит голова, в глазах непрерывные красные круги. Рядом со мною, вытянув ноги, тяжело согнувшись, словно не человек, а грузноброшенный на землю мешок, сидит турецкий солдат. Я подобрал его в Ардише; раненый под Чатаалджой, он заболел в госпитале холерой. Когда он оправился от последней, даже турецкие врачи признали, что он настолько слаб, что не может больше оставаться в строю и подлежит отправлению на родину. До Трапезунда его довели на пароходе, а оттуда его отправили одного через Эрзерум и Ардиш в Ван пешком, причем «кормовых» дали ему всего на всего 30 пиастров, т[о] е[сть], 2 р[убля] 40 коп[еек]. Несчастный шел не останавливаясь из Трапезунда до Ардиша — двадцать шесть дней, питаюсь исключительно одним «ловошем» (местный, тонкий, как лист картона, хлеб)! На всем его пути, ни в одной казарме (жандармских постах), ему не только не давали горячей пищи или стакана чая, но не позволяли даже передохнуть лишней день, заставляя идти немедленно дальше. Нужно-ли говорить, что этот солдат был армянин!

Когда в Ардише, он обратился ко мне с просьбой позволить ему идти вместе со мною, я, глядя на него, усомнился, что он может дойти до Вана. Словно угадав мои мысли, он тихо сказал: «Я знаю, что я не выживу долго и умру, но я хочу перед смертью обнять в последний раз свою мать, которой я не видел уже два года!»..

В «Джанике», как и на всем предшествовавшем пути, мне пришлось услышать, что в начале февраля армянское население переживало жуткие и тяжелые дни боязни резни. И здесь, несмотря на присутствие «мюдира», который, по словам армян, является

«лучшим из худших», та же беспросветная, бесправная жизнь, та же картина насилия, поборов и ограбления. В тяжелой, печальной жизни джаникских армян есть к тому еще другие, чисто местные явления, которые раньше мне не встречались. Это село находится на самой дороге из Вана в Ардиш и, как я сказал, служит местопребыванием уездного начальника. Благодаря этому обстоятельству, через Джаник всегда идет большое движение солдат, жандармов и приезжающих к мюдиру курдов. Все они обыкновенно размещаются по армянским домам, которые обязаны давать им и их коням не только кров, но и пищу. Нечего, конечно, говорить, что за все свои постой турки ничего не платят; мало того, жандармы и солдаты уносят с собою посуду, теплые вещи, одеяла, требуют денег и беспрерывно покушаются на честь жен и дочерей своих хозяев.

Насколько тягостно для армян эта совершенно незаконная повинность, мне пришлось убедиться лично: за 14 часов моего пребывания в Джанике в село прибыло и нужно было разместить 18 человек жандармов и курдов.

В Джанике же я лично видел старосту-армянина, который был избит осенью турецкими солдатами до того, что, спустя четыре месяца (когда я его посетил), он еле мог передвигать ноги.

Во время прохождения через село запасных, солдаты-мусульмане неоднократно устраивали частичные погромы, особенно в тех случаях, когда они узнавали, что в том или другом доме армяне-запасные солдаты встречали радушный приют. В мою записную книжку занесено несколько десятков таких случаев.

«Турки хотят выпить всю без остатка нашу кровь,— говорил мне один из местных стариков-армян.— Днем и ночью молимся мы, чтобы Европа избавила нас, наконец, из этого ужасного рабства»...

Перед своим отъездом из Джаники я посетил «мюдира», который еще накануне явился ко мне с официальным визитом. На мой вопрос, как может он, человек, который вчера горячо уверял

меня, что он — «большой либерал, почти даже революционер», допустить у себя же на глазах насилия и истязания армян, «мюдир» заявил, что все рассказы о насилиях и поборах — ложь, что за каждую мелочь, которую берут солдаты и жандармы, они платят крестьянам наличными деньгами. На мое возражение, что сопровождавший меня жандарм сам сознался мне, что ни он, ни его товарищи никогда ничего армянам не платят, либеральный мюдир, не смущаясь, ответил буквально: «Вероятно, ваш жандарм останавливался у армян, которые в чем-нибудь провинились и не заслуживали к себе другого отношения!»

Как ни был я удивлен сначала подобным объяснением, но потом принужден был с ним согласиться: эти люди действительно виноваты в том, что они... — армяне! Между прочим, «либерал и почти революционер» — мюдир, отрекомендовавшийся к тому же пламенным сторонником комитета «Union et Progrès», в дальнейшей беседе со мною заявил, что если бы кто-нибудь стал требовать в Турции свободы женщин (уничтожение гаремов, снятия чадры), то он собственноручно застрелил бы этого человека; по его глупо-убежденному мнению, женщина, которая «ходит с открытым лицом и находится в обществе мужчин, не мужа, и не отца, хуже проститутки и что с такой женщиной (другими словами — с христианкой) каждый имеет право обращаться и предъявлять к ней требования, как к проститутке!» Если я привожу на страницах русской газеты глупые и дикие рассуждения какого-то несчастного турецкого мюдира, то только потому, что, по словам самих армян, он — «лучший из худших», каковы же должны быть последние? А ведь им вверена судьба многочисленного христианского населения, пусть об этом подумает европейское общественное мнение!

24 марта 1913 г.

Турецкие армяне и Россия

Царские портреты в армянских домах. — Исконные симпатии к России. — Дашнакцаканы-проводники русской культуры. — Их игра с Турцией и поворот к России. — Трогательные мелочи.

Ван, 19-го февраля

Проезжая по печальным и обездоленным селам древнего, когда-то цветущего Багреванта (восточная часть Эрзерумского и северного округа Ванского вилайетов), я часто встречал, к своему удивлению, на стенах армянских домов (преимущественно — в самых бедных, иногда у священников) дешевые небольшие лубочные картины с изображением нашего Государя Императора и Его Семьи.

В с[еле] Атнаганц, последнем этапе перед Ваном, мое внимание снова привлек такой портрет; на этот раз он не скрывался в темном углу комнаты среди различных других корзин и изображений, а висел на видном месте, на середине стены в самодельной, грубо сколоченной рамке. Невольно удивленный таким смелым проявлением русофильских чувств, я не удержался, чтобы не спросить хозяина дома, как смотрят на эти его симпатии курды и турецкие власти, и неужели он не боится неприятностей? Владелец портрета, статный, красивый и мужественный даже в своей заштопанной и выцветшей рясе священник, улыбаясь, ответил, что это уже «третий портрет», — первые два были сорваны и уничтожены турецкими жандармами; тогда он обратился к каймакаму с заявлением, что если и третий портрет подвергнется той же участи, то он сообщит русскому консулу о том, какими грубыми и оскорбительными для достоинства России выходками сопровождался оба случая уничтожения. С тех пор турки оставили его в покое; что же касается курдов, то заметив, что турецкие власти закрывают глаза

на существование в его доме портрета русского Царя, они объяснили этот факт тем, что «Сам Царь прислал его армянскому попу», и относятся поэтому к нему с большим почтением. «Я, конечно, их в этом не разубеждаю», – смеясь, заявил мне священник.

В своих письмах, посланных с дороги, я много раз настойчиво и определенно указывал на то сильное, чисто стихийное тяготение к России, которое бросилось мне в глаза не только среди армян, но и среди иезидов и даже некоторой части мусульманского населения (курды и главным образом – мохаджеры). Существование этого тяготения мне подтвердили в Ване как русский вице-консул, крайне популярный и любимый населением С.П. Олферьев, так и его collega – французский консул М. Zarzesky и немецкие и американские миссионеры. Отзывов самих армян, как лиц заинтересованных, я не буду приводить.

Симпатии турецких армян к России явились естественным следствием нашей традиционной освободительной политики на Ближнем Востоке и особенно горячо вспыхнули после берлинского конгресса. Объезжавший в девяностых годах округа Восточной Турции американский миссионер Фр.Д. Грин, в 1894 г. писал: «Я заметил повсеместно явное и быстрое охлаждение армян к Англии в пользу России, которая теперь представляется *единственным* (курсив Грина) источником помощи. В Англии они видят только собаку, забравшуюся в ясли»...

В том же духе писали об этом и известный английский журналист Е.Д. Диллон, посетивший Армению приблизительно в те же годы как и Грин, а также и М.Г. Роллен-Жекмен, известный бельгийский ученый, член института международного права. Указывают на этот факт и английские синие и французские желтые книги по армянским делам, по крайней мере те части последних, которые не были опубликованы. Из русских исследователей

Армении о симпатиях армян к России писали бывшие наши вице-консулы в Ване Маевский*, Термен и др.

В начале девятисотых годов, под влиянием интенсивно развивавшейся среди армян деятельности дашнакцаканов, в чувства народной симпатии и надежды на Россию вкралась сильная струя скептицизма, перешедшая вскоре в интеллигентных, вернее – городских, слоях населения в открытую неприязнь. Крушение русской революции и последовавшая затем реакция влили в это течение новые, свежие силы, в лице русских армян-эмигрантов, вынужденных бежать в Персию и отчасти в Турцию. Провозглашение в Константинополе конституции и нескрываемое «ухаживание» младотурок за армянами заставили партию дашнакцаканов, – партию, несмотря на ее социал-революционность, глубоко националистическую, – бросаться в широко-раскрытые объятия комитета «Ittihat ve Terakki» («Единение и Прогресс»).

Не столько в действительности поверившая, сколько желавшая и делавшая вид, что поверили, – левые группы армянского народа вступили с младотурками в тесный политический блок, острие которого было обращено против России. «Малейшее желание дашнакцаканов исполняется комитетом “Union”, и только потому, что они кричат о своей ненависти к России», – писал в то время один из русских консулов в Турции. В народной толще эти скорее искусственные (я укажу после почему), чем настоящие чувства русофобства дашнакцаканов не находили, однако, отражения; сельская масса, как и прежде, продолжала верить и инстинктивно любить Россию. Да и у самих руководителей нового течения неприязнь к России была чисто мозговая, внешняя, вызывавшаяся исключительно политическими расчетами; почти все они были

* Правда, г[осподин] Маевский объяснял их, главным образом, надеждой на освобождение, после чего, по мнению г[осподина] Маевского, эти симпатии безвозвратно исчезнут. (Стр[аница] 249. Изд[ание] штаба кавк[азского] воен[ного] округа).

выходцы из России, воспитанные в русских школах, на русской литературе, не порвавшие с Россией не только родственных, но и культурных связей. К тому же очень скоро праздник оттоманской свободы сменился буднями, а затем и трауром. После кратковременного фейерверка блестящих и пылких надежд и упований настал горький чад разбитых и обманутых иллюзий.

Беспощадное крушение политики дашнакцаканов, желавших связать судьбу армянского народа с Турцией, еще более укрепило армянские народные массы в их убеждении, что «вне России нет для армян спасения», и это сознание к концу 1910 года вылилось в такие прочные и твердые формы, что левые интеллигентные группы, из боязни потерять последние остатки своего влияния на народ, вынуждены были вернуться в то историческое русло русофильства, из которого они вышли с таким шумом всего несколько лет тому назад. Только этим обстоятельством и можно объяснить тот странный факт, что бежавшие в Турцию, после прихода русских войск в Персию, дашнакцаканы явились здесь не озлобленными противниками (как можно было ожидать), а, наоборот, энергичными и деятельными проводниками русской культуры и русского влияния. Дашнакцаканам-эмигрантам обязана русская торговля теми быстрыми успехами, которые она сделала в пограничных с нами областях Турции за последние 2-3 года; дашнакцаканам-эмигрантам обязаны мы тем, что среди турецких армян распространяются за последнее время русский язык, русская культура; дашнакцаканы-эмигранты, стоящие во главе крайне-левых печатных органов в Ване и Эрзеруме, честно и громко признали свою ошибку и ведут открытую, смелую и страстную проповедь о необходимости армянскому народу отдать все свое доверие России, и только одной России.

Вице-консул в Ване С.П. Олферьев считает необходимым отметить тот факт, что издающаяся в Ване дашнакцаканская газета «Ашхаданк» за три последние года ни одним словом не обмол-

вилась неприязненно в отношении России, хотя очень резко выступает против европейских держав, а в особенности – Турции.

Мне могут возразить, что в действиях дашнакцаканов нет искренности, что все они объясняются корыстными расчетами. Нет, как раньше, так и теперь дашнакцаканы – искренни. Не ошибается только тот, кто ничего не делает. Как партия, глубоко преданная делу национального спасения и возрождения, она, конечно, не может быть ни турецкой, ни русской, а остается партией армянской и, как таковая, связывает свою судьбу с тем, от кого она чаует спасения и избавления своего измученного, исстрадавшегося народа. Жизнь показала, убедила их, что инстинктивная историческая вера армянского простоплемена в миссию России – не ошибочна, и дашнаки, сознавшись в своем недавнем ослеплении, стали во главе руссофильского течения. Отсюда – крайняя нелюбовь к ним со стороны английских и других европейских дипломатов и подозрительность турок, видящих в них чуть-ли не поголовно русских агентов. Что же касается русских дипломатических представителей, то наши консулы в Ване С.П. Олферьев и в Баязете – К.К. Акимович (других я не видел) верят в искренность дашнакцаканов и указывают, что, во имя одной справедливости, необходимо, чтобы эти люди, столько сделавшие за последнее время для русского дела, не были обойдены амнистией...

Наивные и трогательные примеры привязанности армянских сельчан к России рассказал мне С.П. Олферьев.

Объезжая минувшим летом селения вилайета, он приехал в д[еревню] Кыгзы. Здесь ему показали одного старого, дряхлого душевно-больного армянина, вся болезнь которого заключается в том, что он в течение 40 лет ежедневно по утрам выходит на околицу деревни и смотрит на север; возвращаясь затем домой, он со вздохом говорит: «Нет, не идут еще москов-керы!» Ни в чем другом болезнь его не выражается, и в обыденной жизни старик производит впечатление нормального. Другой пример. Во время пре-

бывания консула в дер[евни] Хайканет к нему подошел один крайне бедный армянин-крестьянин и, протягивая ему старинный русский рубль, сказал: «У меня нет ничего лучшего, я даю тебе, что у меня есть, возьми этот рубль и за это похлопочи перед русским Царем, чтобы русские пришли скорее сюда».

... Я выехал из [села] Ашнаганца вечером, когда садилось солнце. Перевалив небольшой перевал, мы спустились в довольно широкую равнину. Справа от нас синело темным и чистым «индиго» прекрасное, воспетое армянскими поэтами, море Армении. За ним – высоко поднимались, сливаясь с вечерним небом, непроходимые и суровые горы Тавра. Впереди – группой черных пятен уже виднелись сады Вана.

«Смотрите, – восторженно воскликнул вдруг ехавший со мною интеллигентный армянин, воспитанник эдинбургского университета, – смотрите – русский флаг!» И он рукою указал мне на озеро.

Я обернулся в указанном направлении: заходившее солнце окрасило далекие горы в ярко красный цвет; впереди этой, почти багровой полосы, лежала синяя полоса тихих вод, резко отделявшаяся от снежно-белой пелены равнины. Перед нами, в самом деле, лежали широко и плоско раскинутыми русские национальные цвета!..

27 марта 1913 г.

(От нашего специального корреспондента)

У ванского архиепископа Сараджяна

Ван, 23-го февраля

«Дуспас» полумнеического царства Урарту (800 л[ет] до Р[ождения] Х[риста]), Буан времен Птолемея, Ибан на заре хрис-

тианства, Ван в дни расцвета и падения средневекового армянского царства, – Ван современный по праву носить, с глубокой также древности, еще и другое название: город абрикосовых и грушевых садов. Сейчас город садов почти погребен под снегом; высокими, настоящими холмами лежит он на узких улицах, загромождая всякий проезд, и только с трудом можно двигаться пешком, лавируя среди тающих на солнце сугробов и глубоких грязных луж... Архиерейский дом, где ждет меня епископ Сараджян, находится в торговой части города, лежащей в 3-4 километрах от «садов». Кривыми грязными закоулками пробираюсь я к кварталу, расположенному у подошвы высокой и крутой скалы, которая издревле служила естественной и неприступной цитаделью Вана. Отвесные бока ее представляют настоящую библиотеку надписей, высеченных на поверхности, искусно сложенной рукой человека. Каким народом были начертаны эти правильные строки изящных письмен; кто были эти сказочные цари и вожди, сидевшие на этом величественном каменном троне, одиноко воздвигнутом капризом природы среди ровной и низменной равнины*?

Наружный вид епископского дома мало чем отличался от бесстильных и плоских фасадов обычных армянских домов.

Из широкого, вымощенного камнем вестибюля, служившего, по-видимому, сараем (там и пахло остро навозом), узкая и расшатанная лестница вела во внутренние покои: канцелярию и приемную. Войдя в последнюю, я был поражен, увидев ее обстановку: два узких и жестких, крытых грязным и порванным ситцем дивана, несколько таких же кресел, поломанный шкаф в углу, железная печка, пыльный и дырявый половик, на всем лежала печать не только оскудения и бедности, но и неряшливости.

* Только в конце прошлого столетия, благодаря, главным образом, трудам английских ученых, удалось расшифровать незначительную часть ванских надписей.

На пороге этой давно нетопленной, а потому холодной и неприветливой комнаты меня встретил сам архиепископ, худощавый, с симпатичным и добрым лицом старичок, в скромной темной рясе.

Ванский владыка свыше 20 лет прожил до этого в Америке и этим обстоятельством и можно объяснить некоторую отчужденность его от своей паствы; от дашнакцаканов его отталкивают их резкая, боевая активность и маловерие, от «камкаваров»¹⁴ (армянские «ка-деть», конст[итуционно]-демокр[атическая] партия) их сравнительно малая интеллигентность. В свою очередь, и армяне не особенно довольны примирительной политикой своего епископа, который старается всеми силами не возбуждать недовольствия турок и не одушевлен пылкой национальной идеей. Лично на меня владыка произвел впечатление культурного, но довольно-таки ординарного, крайне осторожного и даже боязливого человека, и я должен признаться, что ушел после беседы с ним неудовлетворенным, — я ожидал от него большего.

Вот что он говорил мне:

«Армянский народ неоднократно выражал и выражает свое недовольство, обращенное не против мусульманского элемента, а против отдельных курдских феодалов, которые гнетут подвластных им курдов, так же как и армян, и против системы управления турецкого правительства. Эти курдские беки веками уже приучены жить на счет рабочего населения, которое они стараются фактически превратить в рабов. До провозглашения конституции народ не смел даже выражать против них свой протест; с девятьсот же восьмого года, поверив в искренность провозглашенных в Турции лозунгов: равноправие и свобода, интеллигентная часть армянского народа стала работать над пробуждением в последнем чувстве самосознания и гордости. Под влиянием этой работы проснувшийся и прозревший народ захотел сбросить с себя цепи рабства, в

которые старались заковывать его турки и курды. Вот основная причина неприязни, вспыхнувшей у армян, против турок. Но так как среди магометанского духовенства и даже чиновничества здесь вовсе нет достаточно интеллигентных людей, чтобы разъяснить населению необходимость жить на основании провозглашенных конституционных принципов, то мусульманское население рассматривает недовольство армян и их жалобы на существующий строй, как акты революционного характера. Это — с одной стороны; с другой — я утверждаю, что вся система управления этим краем покоится на началах, недопустимых в современном государстве.

Начать с того, что во всех отраслях управления нет элементарной и простой справедливости: во всем и всегда проводится резкое различие между элементом мусульманским и христианским. Наиболее резко и печально сказывается оно в деле постановки правосудия: уже по тому одному, что умовозрение мусульманина-судьи не позволяет ему в огромном большинстве случаев вынести обвинительный приговор и преследовать за преступления, совершенные над христианами. Вот вам пример: виновники зверского убийства Рафаэла Зантьяна после кратковременного ареста были все выпущены на свободу, и следствие о них прекращено, а 16 человек армян, заподозренных в том, что они в отместку убили курда Якуб бея, находятся в тюрьме с 25-го декабря, хотя против них нет никаких улик; больше того, жители деревни, где произошло названное убийство, должны были ввиду террора властей и курдов поголовно покинуть свои селения. Не могу я без горечи не видеть также, что правительство в некоторых случаях не желает быть властью сильной и твердой; укажу на странный образ действия властей в деле поимки некоторых разбойников (Мир-Мхэ, Сеид Али и др[угие]), против которых они посылают экспедиции, оканчивающиеся неизменно тем, что разбойники «прорываются» через войска. Что это: попустительство или неумение, нежелание

¹⁴ Рамкаваров — В.П.

или действительная безнадежная слабость?... До сих пор и центральное правительство, и местная администрация покровительствуют курдам, потому что боятся “раздражать” курдских беков-феодалов и создать этим путем “курдский вопрос”.

Возвращение после 1908 г. на свои старые пепелища части армян, эмигрировавших во времена абдул-гамидовских гонений в Европу и Америку, встревожило турок, потому что трудолюбивый и трезвый армянский поселянин мог быстро и легко достигнуть здесь экономического благосостояния (при условии, конечно, если его личное существование и труд были бы обеспечены), несравненно большего, чем ленивое и апатичное мусульманское население. Исходя из этих чувств неприязни, раздражения и страха, турки, отбросив всякие стыд и совесть, открыто начали создавать армянам искусственные препятствия: вопрос возвращения земель до сих пор находится в стадии бесконечных проволочек, и мы имеем много доказательств тому, что власти не только не хотят искренне разрешить его, но, наоборот, под рукою внушают курдам мысль не возвращать захваченных земель, более того, — утверждают новые захваты; явное потворство турецких властей сказывается и в больном для нас вопросе похищения женщин... Высказывал-ли я все мои вышеприведенные обвинения турецким властям? Конечно: но местный вали (ген[ерал]-губернатор) неизменно отвечал мне, что я ошибаюсь, что я просто не понимаю его политики, которая заключается в том, чтобы достичь умиротворения курдов не бесцельной жестокостью и преследованием, а путем ласки и снисхождения. Если вали в своем ответе мне был даже искренен, то его слова доказывают, что он в лучшем случае слепец, не понимающий обстановки, условий жизни и психологии населения, которым управляет, и такой слепой человек не может и не должен оставаться на своем посту. Но я не верю к тому же вовсе в его искренность; я поверил бы ей, если бы видел, что он старается открывать среди курдов школы, работает над тем, чтобы

вывести их из состояния полного и темного невежества; но этих благих намерений мы у него не видим...

Как же выйти из создавшегося тут невыносимого для армян положения? Со своей стороны я вижу только один выход: немедленное введение в стране реформ под строгим контролем Европы. Мы неоднократно имели возможность видеть, что даже в таком безобразном и хаотическом учреждении, как местный суд, в те дни, когда приезжал сюда из Константинополя европейский инспектор министерства юстиции (существующий постоянно), все чиновники суда начинали исполнять свои обязанности добросовестно и ревностно; едва только инспектор уезжал, суд немедленно превращался снова не в правительственное учреждение, функционирующее на основаниях, предписанных законом, а в анархическую постыдную клоаку.

Поэтому я верю, что реформы, введенные не Турцией (она на это неспособна) а европейскими державами, — не останутся, как было раньше, мертвой буквой.

Прежде всего, конечно, необходимо в корне реорганизовать местную жандармерию, поставить во главе ее европейских офицеров и настоять, чтобы не менее 50 проц[ентов] ее состава были христиане. Реорганизация жандармского корпуса вместе с разоружением курдского населения (или если это невозможно — разрешением носить оружие и армянам) и явится той почвой, на которой возможен быстрый и богатый всход реформаторской деятельности европейских держав. Как духовный пастырь моего измученного, угнетенного и обездоленного народа, я ежедневно молю Господа, чтобы справедливая, нравственно законная просьба потерявшего веру в Турцию армянского населения о вмешательстве Европы была, наконец, услышана!..

«Не угасайте духа!»!

Ван, 25-го февраля

«... Пусть люди со слабой верой говорят: Армения — полужива, если уже окончательно не погибла? Но я говорю вам: — жива еще Армения и останется жива!».. Я недавно вспомнил эти слова великого армянского националиста, покойного католикоса Мкртича Хримьяна, когда выходил из школы старого слепца Амбарцума Эрамьяна в г[ороде] Ване. Тридцать пять лет тому назад, т[о] е[сть] сейчас же после русско-турецкой войны, по мысли и инициативе этого бедного слепого учителя (у него от оспы вытекли оба глаза) в г[ороде] Ване образовался небольшой кружок интеллигентных армян, который решил открыть элементарную школу с приютом для детей-сирот. Благодаря самоотверженной энергии и работы лиц, ставших во главе дела, школа стала быстро развиваться, но уже через четыре года, благодаря подозрительности турецких властей, детский приют был закрыт, а само общество принуждено было прекратить свое существование. Эта неудача не заставила, однако, Амбарцума пасть духом; после долгих хлопот он добился все же разрешения на единоличное открытие маленькой элементарной школы. С тех пор прошло много уже лет, много утекло воды, многое изменилось, и когда я посетил это детище старого слепца, оставшегося, несмотря на годы тяжелых испытаний и материальных и нравственных невзгод, все таким же молодым и пламенным идеалистом, его маленькая, скромная школа развилась уже в огромное (для г[орода] Вана, конечно) учреждение, в котором находили себе серьезное, европейски поставленное начальное и среднее образование около 375 человек детей.

С живым интересом провел я в этой школе несколько часов, осматривая ее небогатое, но прилично обставленное, просторное, светлое и чистое помещение, присутствовал на различных

уроках... Большой рекреационный зал с маленькой, но постоянной сценой для спектаклей, богатая коллекция учебных пособий (даже с «кинематографом и беспроводным телеграфом»), приличная библиотека, иностранные журналы и газеты для учительского персонала. Вся эта внешняя обстановка европейской школы так же, как и ее внутренний интеллектуальный дух и рациональная постановка дела воспитания и образования созданы нравственной силой и неистощимыми трудом и знанием одного только человека, лишенного к тому же зрения, — Амбарцума Эрамьяна, именем которого школа и называется. Как я уже сказал, в ней получают сейчас образование 375 мальчиков и юношей. Курс школы — двенадцатилетний; шесть начальных и шесть средних классов. По программе они несколько превосходят курс русских прогимназий (исключая древних языков, которые здесь не преподаются). Бюджет ее — 1.100 турецких лир, из которых только не более 600 лир вносятся, как плата за учение.

Для нас, русских, школа Амбарцума заслуживает внимания тем, что она до сих пор являлась единственной школой в Турецкой Армении, где преподавался в качестве обязательного предмета русский язык (с 1-го марта с[его] г[ода] он вводится и в армянской учительской семинарии г[орода] Вана). С большим любопытством, превратившимся в удовольствие, присутствовал я на уроках русского языка в младшем и старшем классах (русский язык преподается в течение четырех лет). Особенно меня поразили 12-13-летние мальчики младшего класса, впервые начавшие изучать русский язык в сентябре месяце с[его] г[ода].

Несмотря на столь короткое время обучения, все они совершенно бегло читали по-русски, могли переводить прочитанный текст на армянский язык, а многие даже совершенно правильно и без ошибок написать прочитанное на доске. К моему дальнейшему изумлению, преподававший в этом классе русский язык г[осподин] Тер-Гаспарян («вардапет» эчмиадзинского монастыря, снявший с

себя недавно рясу) не ограничился, однако, этими успехами и сумел внушить мальчикам, всего полгода тому назад познакомившимся с совершенно им чуждой русской грамотой, некоторые, чисто-практические, знания грамматики и орфографии.

Вообще, нужно отдать справедливость, в осмотренной мною школе преподавания языков (русский, французский и местные – турецкий и армянский) поставлено прекрасно. Большое внимание уделяется также и физическому воспитанию детей, которые не менее 3-х часов в неделю занимаются гимнастикой и военными упражнениями (под руководством молодого офицера-армянина). К сожалению, недостаток средств не позволяет директору школы выстроить гимнастический городок, который необходим и о котором он давно мечтает.

Если сотни и сотни армянского юношества гор[ода] Вана и его окрестностей обязаны индивидуально этой школе своим образованием и своей подготовкой к борьбе за существование, то армянский народ и армянская церковь обязаны ей тем, что это была в течение десятилетий единственная национальная школа, которая с успехом боролась, да и борется и теперь, с растлевающей армянское население пропагандой густой сети различных миссионерских училищ, приотов и школ.

И опять повторяю, что деятельность слепого учителя, потерявшего в этой тяжелой и неустанной борьбе все свое личное состояние, помыкавшего во времена Абдул-Гамида по турецким тюрьмам, встречающего и теперь, благодаря проискам миссионеров, только одни препятствия и препоны, должна быть оценена армянским народом, который должен прийти к нему на помощь.

Я обращаю внимание русских армян, что в текущем году, ввиду острого экономического кризиса, который переживает, благодаря войне, местное население, плата за учение поступает в кассу школы очень туго и школе грозит дефицит в 4.000 р[ублей], из которого она не знает, как выйти. Русские армяне, которым до-

рога их национальная идея, должны прийти школе на помощь, это – их долг, их обязанность, и я верю, что мой голос будет в этом отношении услышан*. Русские армяне, которые не испытывают на себе тлетворного и губительного влияния ни миссионерских «благодеяний», ни турецкого режима, не должны забывать, что местное армянство в деле народного образования дало все, что только оно может, что больших жертв дать оно не в состоянии. В самом деле, на средства армянского населения в городе Вана содержится 30 школ с 5.104 чел[овек] учащимися (3.200 мальчиков и 1.904 девочки), с ежегодным бюджетом в 5.345 тур[ецких] лир. Помимо этого, в Ванском вилайете имеется 136 армянских школ, с 6.200 чел[овек] учащимися (5.500 мальчиков и 700 девочек), с бюджетом в 2.700 лир. Итого, на дело народного образования расходуется ежегодно 8.045 турецких лир, из которых 300 лир жертвуется американской миссией и 374 турецких лир ассигнуется правительством (290 лир на городские и 84 на сельские школы), вся остальная огромная сумма уплачивается самим населением.

Ниже я привожу для сравнения довольно любопытные цифровые данные о положении народного образования среди мусульман. Из сопоставления последних с вышеприведенными данными об армянской школе можно судить, насколько армяне в смысле культурном стоят выше турок и курдов, с одной стороны; и насколько мало, турецкое правительство этим озабочено.

Во всем Ванском вилайете имеется всего 40 настоящих школ (не считая нескольких десятков «медресс»), с 2.360 учащимися (из них всего 135 девочек), с годичным бюджетом в 3.630 тур[ецких] л[ир]. В это число вошли также учительская семинария и военная школа в г[ороде] Вана; из 3-тысячного бюджета на содержание их всего только 25 тур[ецких] лир поступает, как плата за учение (сравните с армянами: 1.535 тур[ецких] лир).

* Все пожертвования могут быть направлены на имя русского в[ице-]консульта в г[ороде] Вана для школы «Hamberzoom Seramian».

Позволю в заключение привести еще несколько цифровых данных. В то время, когда преподавательский корпус в армянских школах состоит в г[ороде] Ване из 210 учителей и учительниц и из 185 человек в сельских училищах, число учителей в турецких учебных заведениях выражается всего в 73 чел[овека].

Своей церкви и за последнее время, главным образом, школе обязаны турецкие армяне тем, что, несмотря на гнет приверженцев ислама, не угасили они в своей душе христианского и национального духа; пусть оценят это русские армяне, пусть придут они на помощь тем, кто не только в ней нуждается, но кто и достоин этой помощи!

29 марта 1913 г.

(От нашего специального корреспондента)

Торговцы именем Христовым

Религиозные распри. — Как ведется пропаганда. — «Французский» язык. — Служба Риму, а не Франции. — Интриги. — Конкуренция.

Ван, 26-го февраля

Если взять этнографическую карту Азиатской Турции и сопредельной с ней части Персии, то невольно бросится в глаза, что эти области Малой Азии, Месопотамии и Сирии, считающиеся центром мусульманского фанатизма и невежества, являются в то же время исторической ареной нескончаемых религиозных распри христиан, имевших и имеющих своим основанием не столько догматические, сколько политические причины. В самом деле, едва-ли есть в мире другая страна, которая сыграла бы в истории религии, вообще, и в истории церкви первых веков христианства —

в частности, такую важную роль, как этот малопосещаемый до сих пор европейцами обширный, но прозябающий в темноте и нищете край, составлявший некогда центр могущественного и культурного Ассирийского царства. Всемирная история посетила его и затем отошла дальше, на запад, оставив за собой в виде жалкого этнографически-религиозного отстоя пестрый конгломерат народностей и вероисповеданий. Ассирийцы, вавилоняне, персы, армяне, курды, греки, римляне, монголы, татары, сельджуки, наконец, османы влили в жилы местного населения свою кровь, в то время как умами и сердцами их старались завладеть, — я буду говорить только о нашей эре, — греки-православные, мелькиты, сирокатолики, якобиты, марониты, халдее-католики, армяно-католики, протестанты, грегорианцы и мусульмане. Облегчившее исламу его победоносное движение из глубины Малой Азии к границам Европы дробление христианской церкви на мелкие толки и секты явилось следствием происков римских пап, стремящихся со времени крестовых походов подчинить восточных христиан Риму.

Уступая влиянию католических миссионеров-монахов, часть христиан сирийского происхождения уже в XIV веке признала главенство папы, но среди армян проповедь католиков долго оставалась бесплодной; только в 1587 г., под влиянием политических обстоятельств, киликийский армянский католикос согласился подписать католическое вероисповедание, на основаниях, изложенных в статутах флорентийского собора.

Столетие спустя, в конце XVII и в начале XVIII вв., сиваский монах Мхитар, эмигрировавший в Европу, основал в Венеции, на острове Св[ятого] Лазаря, монашеский орден, который признал над собою как главенство папы, так и некоторые догматы католической церкви. Приблизительно в это время среди армян появились и иезуиты, которым удалось, наконец, склонить некоторое число армян в унию. Однако, как армянский народ, так и армянская церковь ополчились на эти слабые успехи католицизма

и начали жестоко преследовать униатов, и лишь благодаря энергичному покровительству Франции последние могли обособиться в отдельную общину и получить от турецкого правительства «берать» на такие же права и привилегии, какие были даны и армянам-грегориянам.

Этим и ограничились успехи католического прозелитизма. Армянская церковь, тесно связанная с историческими судьбами своего народа, была, действительно, вполне национальной, более, может быть, национальной, чем всякая другая церковь; вот почему переход в другое вероисповедание для каждого армянина означал разрыв с духовной жизнью своего народа, — разрыв с жизнью, с которой он сросся всем своим существом и всеми чувствами своего сердца. Сильный толчок к новому походу на армян-миссионеров, на этот раз не только католиков, но и протестантов, дала косвенным образом, Россия, выговорив при заключении Адрианопольского мира для всех христиан Турции право свободного вероисповедания. Пользуясь плодами русских побед, Европа, а за ней и Америка поспешили заполнить Турцию своими духовными миссиями. Почти во все округа и области Оттоманской империи широкой волной хлынули патеры, пасторы, проповедники.

Их энергичная и умелая пропаганда встретила, однако, у армян такое же сильное противодействие, как и столетия тому назад, а с другой стороны — разбудила в армянском народе чувство национального самосознания, заставив его обратить внимание на необходимость духовного и культурного своего развития. Иначе обстояло дело в других христианских общинах Малой Азии, обреченных, в силу печально сложившихся для них исторических обстоятельств, на постепенное вымирание. Эти общины-народцы давно уже утратили искреннюю набожность и продолжали только в силу инерции придерживаться веры своих отцов. Среди них, едва дышавших под игом ислама, деньги сделались главной приманкой в их печальном существовании. И с этими деньгами, и с обеща-

ниями всяких благодеяний и покровительства пришли к ним миссионеры. Переходя теперь к рассказу о деятельности современных проповедников слова Божия в Ванском и Битлисском вилайетах, я предоставляю слово одному авторитетному и осведомленному лицу, которое в течение нескольких лет близко наблюдало деятельность миссионеров как католиков, так и протестантов.

«Миссионеры появились здесь лет 45 тому назад, и их появление объясняется, с одной стороны, их успехами в Сирии и Месопотамии, способствовавшими расширению их деятельности, а с другой стороны — народившимися политическими интересами. Начну с католиков. Их прекрасно обставленные и богатые миссионерские станции идут, начиная от самой Басры (на Персидском заливе), распространяясь широким веером вглубь страны, доходя до Средиземного моря на западе и Черного — на севере. Центром их деятельности является Моссул.

В Ване они впервые пришли со школой, основанной монахами-доминиканцами. В настоящее время их миссия здесь состоит из трех монахов и шести сестер. Миссия получает ежегодную субсидию в 8.000 фр[анков] и ряд более или менее крупных пожертвований. На эти средства «отцы» содержат приют для сирот, две начальные школы для детей обоего пола и элементарное училище для мальчиков. Число учеников во всех школах достигает 700 человек (исключительно армян, привлеченных, главным образом, «французским» языком). Учительский персонал школ, однако, крайне слаб, преподавание поставлено плохо, и кончающие школу дети не могут связать по-французски даже двух слов. Кроме того, как не раз отмечала с негодованием местная армянская газета «Ашхаданк», отцы и сестры обращаются с детьми крайне грубо, бьют их, поносят и оскорбляют их национальное чувство, сравнивая армян «со свиньями», «с навозом» и т[ак] д[але]. Кончающие школу девушки зачастую становятся предметом двусмы-

ленного внимания своих наставников и исповедников, и в городе ходит об этом много темных и нехороших рассказов...

После печальных событий 1895-[189]6 гг., когда благосклонное попустительство турецкого правительства натолкнуло курдов на неистовые зверства над армянским народом, из Франции потекли в Турецкую Армению щедрые пожертвования в пользу пострадавшего населения. Во главе католической миссии в Ване в то время стоял Père Defrance, человек крайне порочный, хитрый и честолюбивый. Он добился своего назначения консульским агентом в Ване, ему же была и поручена раздача пожертвованных денег. Эта раздача производилась Père Defrance исключительно с целями религиозной пропаганды. Бывший русский консул в Ване г[осподин] Маевский в 1899 г. обращал на это внимание своего министерства, указывая, что денежные посулы католиков заставили жителей 18 армянских селений объявить себя католиками и что еще около 20 селений склоняется к такому переходу.

Сообщая об этом, г[осподин] Маевский сомневался, однако, в серьезности этих успехов католической пропаганды. Эти сомнения русского консула блистательно оправдались, так как не прошло и 2-3 месяцев, как новообращенные католики снова приняли свое старое вероисповедание. С объявлением в Турции конституции, деятельность католических миссионеров с каждым годом является все более и более безрезультатной: число католиков не только не растет, но, наоборот, постепенно падает. Этот неуспех озлобляет монахов и заставляет их вносить в свою пропаганду приемы, которые нельзя назвать иначе, как отвратительными. Они открыто выражают свои симпатии старому режиму и стараются привить детям убеждение, что светское образование не только бесполезно, но и вредно; издеваясь над национальным прошлым армянского народа, они в то же время не стесняются забрасывать грязью и свою собственную родину и ее республиканское правительство. В этом отношении они скорее вредны делу Франции, чем

полезны. Их духовная родина – Рим. Риму они и служат. Крайняя нетерпимость, схоластическая узость взглядов, лицемерие, “ложь во спасение” и... развращенность – вот что видят армянские дети в стенах школ, руководимых “отцами” и “сестрами”. Я уже указывал, что среди католических миссионеров живут нездоровые инстинкты, и я еще раз подтверждаю, что их любовные похождения порою вызывают в населении крайнее возбуждение и озлобление. Особенно в этом отношении отличался упомянутый Père Defrance, об его похождениях можно было бы написать целую книгу.

Свои неудачи католики приписывают интригам протестантских миссионеров, и относятся потому к ним с нескрываемой злобой и ненавистью, на которые протестанты отвечают лукавым и лицемерным смирением. В ненависти к своим “конкурентам” миссионеры не знают границ и предела, и открыто приписывают друг другу такие черные и безобразные поступки и деяния, от которых с отвращением отвернется не только мусульманин, но и язычник. Нужно ли говорить, с каким злорадным чувством удовольствия наблюдают за этим соперничеством курды и турки, и каким густым и темным налетом грязи покрывается здесь часто имя христианства.

Не пользуясь симпатиями местного армянского населения, католики за последнее время обратили свое особенное внимание на несториан, и в этой своей деятельности миссионеры встречают здесь энергичную и умелую поддержку ванского халдее-католического епископа Мор-Жака. Эта пропаганда католицизма среди местных, а главным образом горных несториан, должна обратить на себя особенное внимание России, так как эта пропаганда имеет не религиозные, а исключительно политические задачи, и направлена остро против

России^{*}. Справедливость требует указать, что вообще католики-миссионеры систематически и ревностно стараются внушить армянскому населению чувства ненависти и презрения к России. Бодливой корове – Бог рог не дает, и вся их работа, в которую они вкладывают много времени и усердия, – пропадает даром: за исключением 100-150 человек католиков, армяне не поддались этой русофобской пропаганде, но зато католики-прозелиты миссионеров – наши пламенные и убежденные враги! В следующей статье я буду говорить о конкурентах католиков, – протестантских миссионерах, людях совершенно другого склада ума и характера, деятельность которых заслуживает серьезного внимания и изучения со стороны русских. Настоящую же статью я закончу словами одного интеллигентного армянина: «Католическая пропаганда, какими бы материальными и духовными средствами она ни обладала, никогда не вызовет среди армян ничего другого, кроме антипатии, ибо она мнит правду во лжи, и видит ложь в истине».

2 апреля 1913 г.

(От нашего специального корреспондента)

Турки об армянах

Г[ород] Ван, 28-го февраля

Хитрый, но умный и чрезвычайно симпатичный Джабир Эссад паша, командир расположенного в Ване XI армейского турецкого корпуса, обратился ко мне с упреком: «Вот вы все беседуете и видите только с армянами; почему вы не хотите выслушать и другую сторону – мусульман? Может быть, они

* Я буду говорить об этом в статье, посвященной вопросу о несторанах.

внесли бы в вашу “анкету” об армянском вопросе несколько дру-
гое освещение»!..

– С удовольствием, паша, но с кем? С вами и с ванским ва-
ли Изет беем я буду, конечно, говорить, но, ведь, вы – предста-
вители власти, и я заранее знаю, что вы скажете.

– Хорошо, в таком случае я к вам пришлю нескольких
наших мусульманских «нотаблей»!..

И в самом деле, в назначенный мною день ко мне явилась
делегация из шести наиболее видных и влиятельных предста-
вителей от различных слоев мусульманского населения г[орода]
Вана: купечества, духовенства и помещиков-беков.

Обменявшись предварительно, согласно восточному ко-
дексу благовоспитанности и вежливости, бесконечными молча-
ливыми приветствиями рукой (широкий и красивый жест снизу
вверх от пола к губам и лбу), мы уселись, наконец, на диванах, и
после нового обмена уже словесными любезностями и предло-
женной чашки турецкого кофе началась беседа, которую я при-
вожу дословно, во всей ее несколько юмористической непосред-
ственности. Так как беседа шла в виде вопросов и ответов, то я ее
так и излагаю.

В. Эфендим, существует ли сейчас во внутренней политике
правительства какое-либо различие между мусульманами и
армянами?

О. Нет; оно существовало до конституции, во время
деспотизма Абдул-Гамида. Теперь у нас – либеральный режим, и
армяне наслаждаются им так же, как и мусульмане... Может быть,
они и не получили сейчас все, что получили мы, но это только
потому, что наше правительство не успело еще им все дать!..

В. Но почему же до сих пор армянам не возвращены отоб-
ранные у них курдами земли; неужели тоже по недостатку вре-
мени?

О. Правительство хочет разрешить этот вопрос справедливо, а потому всесторонне рассматривает его в особой комиссии, в Константинополе, которая вскоре выедет на место споров. Все вопли армянских газет о злой воле правительства и его нежелании разрешить этот вопрос — ложь; у нас, к сожалению, нет здесь своих газет, чтобы бороться с этой клеветой.

В. А жалобы армян на непрерывные убийства, разбой и грабежи — как вы объясняете?

О. Отрицать существование разбоев и убийств нельзя; они существуют, как существуют везде: в Париже, Лондоне, Петербурге. Но политический характер их мы отрицаем. Пресловутая статистика их, появляющаяся время от времени в европейских газетах, — мыльный пузырь, вздуваемый армянами.

Реплика одного из членов делегации, курдского муллы, очень хитрого и злобного, видимо, человека, несмотря на его «престецкий» вид — «большинство этих преступлений совершается самими армянами, которые потом приписывают их курдам»...

Турки. Мы сердечно хотим, чтобы все три народности жили в братской дружбе; армяне тоже этого хотят, и только несколько человек отдельных «комитетчиков» мутят армянский народ и возбуждают его против правительства и мусульман.

В. Как объясняете вы столь частые за последнее время случаи похищения женщин и насильственное обращение в мусульманство?

Среди моих гостей замечается движение и некоторое замешательство. Вполголоса переговариваются друг с другом.

О. Вы сами видели таких девушек и женщин? Нет! В таком случае зачем же вы верите этим глупым сказкам? Мы таких случаев не знаем... Мы, как братья, живем с армянами... Сколько в горах имеется христианских монастырей и церквей, которые не только стоят уже 2.000 лет, но из которых многие чтутся и мусульманами.

Я, однако, настаиваю на своем вопросе, указывая на целый ряд известных мне фактов насильственного совращения в ислам 12-13-летних девочек. Мои гости начинают сдаваться: «Может быть, такие случаи и были где-нибудь, но мы ничего не знаем. Наш шариат не признает насильственного обращения (вмешивается до сих пор молчавший турецкий молла, живописный, седой старик), он признает только добровольно принявших мусульманство и то не ранее 16-летнего возраста».

Я снова настаиваю на своих фактах.

— Я знаю, о каком случае вы говорите, — перебивает меня один чрезвычайно интеллигентного вида турок-помещик, — только это — неправда, что этой девочке было 12 лет, как утверждают армяне; ей было, по сведениям полиции, не менее 16-ти, и она сознательно и добровольно приняла ислам!..

Курдский мулла, все время неодобрительно и угрюмо молчавший, вдруг оживился и с ехидной улыбкой ставит мне вопрос: «Почему господин корреспондент так интересуется случаями принятия христианками мусульманства и ничего не спрашивает об обратном? Я знаю случаи, когда 3 мусульманки-курдинки из аширета Шереф бека, в округе Бошколэ, были насильственно обращены в христианство (из расспросов выясняется, что этот случай будто бы имел место 8-9 лет назад)... Знаю и другой случай в прошлом году, в округе Шатах»...

В. Каковы отношения курдов к армянам, чем объяснить жалобы армян на эти отношения?

О. — Курдо-армянские отношения сложились не со вчерашнего дня. Раньше, до конституции, в силу исторических традиций, многие армянские крестьяне обязаны были обрабатывать, безвозмездно земли курдских помещиков. После конституции армяне отказались это делать; конечно, безграмотные курдские беки-феодалы были этим недовольны и старались насильственно вернуть свою прежнюю власть не только над армянами, но и над

мусульманской «райей». В этих целях они действовали сообща с 2-3-мя известными курдскими разбойниками, от грабежей которых страдали, повторяем, не только христиане, но и мы, мусульмане.

Правительство посылало против этих разбойников войска, но, благодаря близости персидской границы, тем всегда удавалось ускользнуть от возмездия... А вот, в Эрзерумском вилайете, где разбойники не могут, благодаря переходу на чужую территорию, пользоваться безопасностью, — никаких грабежей не существует. Видеть в уголовных преступлениях какого-нибудь Сеида-Али, Мамэ или Мир-Мхэ политические и националистические выступления, как это делают армяне, — нельзя. Армяне сами очень часто совершают убийства мусульман, но мы не кричим об этом, мы не жалуемся даже правительству, чтобы не подвергать их репрессиям. Зачем же они кричат и стараются возбудить против нас Европу?

Курдский мулла снова вмешивается в разговор: «Пока армяне не начали вооружаться, их отношения с курдами были хорошие. Но вот они стали приобретать оружие. Для чего, против кого? Поведение их в отношении курдов стало в особенности за последнее время крайне вызывающим. Что же удивляться тому, что курды заволновались и прибегают к самозащите! Если армяне не успокоятся, то мы не уверены, что и курды останутся спокойны!»

В. Другими словами, вы допускаете возможность новой резни армян или в лучшем случае резни между армянами и курдами?

О. (После колебаний, взаимных переговоров и просьбы повторить вопрос: они, дескать, не поняли!) Нет, в настоящее время резни не может быть, ее не допустит ни правительство, ни народ... Да и раньше (вводить поправку турецкий мулла) резни никогда не было, были только небольшие недоразумения!

В. Каковы отношения армян к вам?

О. (Турки). Мы — как братья... вот только «комитетчики» — те разбойники и убийцы... Сколько было случаев, что мусульман в самом городе убивали... (Я требую примеров). Семь-восемь месяцев назад убили одного турка, месяца 2 назад — убили другого: сборщика податей... За что? За то, что они были мусульмане... О курдах и говорить нечего... Но мы не кричим, не жалуемся, не пишем в газетах...

— Курдов здесь 3½ милл[иона], — вставляет курдский молла, — а армян — горсточка... Вот вы — христианин, европеец, 18 дней ехали по диким горам, без конвоя и приехали живым и невредимым. Ну, а если бы было наоборот: 8½ миллионов армян и горсточка курдов, то, вероятно, вы бы сюда не доехали, а от курдов остался бы один пепел...

Беседа кончается. Снова обмен взаимными любезностями, вычурными комплиментами и выражениями благодарности.

— Мы говорили вам всю правду. Мы с армянами — один народ, живем, как братья. «Худое» было до конституции, а теперь — свобода и либеральный режим... Пожалуйста, напишите так, как мы вам говорили!..

Я написал.

5 апреля 1913 г.

Курды и Россия

Ван, 2-го марта

(От специального корреспондента «Биржевых ведомостей»)

Неисследованный вопрос

«... Мы, русские, почти ничего не знаем о внутренней жизни курдов Бохтана, Бегдинана и Равендуза, бывших некогда са-

мостоятельными курдскими княжествами и игравших не малую роль в истории Курдистана; нам неизвестны ни религиозные, ни политические вожди этих племен, ни взаимные их отношения друг к другу и к народу!.. – Так писал автор одного из лучших исследований о курдо-русских отношениях, П. Аверьянов, в своей книге, изданной в 1900 г.¹⁵ 13 лет спустя один из русских консулов в Малой Азии признался мне, что наши «сведения о соседнем с нами Курдистане представляются страшно поверхностными. Имеются такие области, которые до сего времени не были нами обследованы. Этот факт объясняется отсутствием денежных средств и ассигнований на расходы по поездкам по Курдистану. Англичане в этом отношении не скупятся, а потому их осведомленность о Малой Азии и личное знакомство с курдами гораздо полнее и выше, чем наши!» Я нарочно привел здесь эти отзывы двух авторитетных лиц, чтобы подкрепить ими мое личное утверждение, что мы до сих пор совершенно игнорировали курдский вопрос и признавали за курдами, и то лишь за пограничными, право на незначительную роль в будущих наших войнах с Турцией. Политическое значение для России Курдистана представлялось для нашего министерства иностранных дел настолько ничтожным, что когда в 1881 г. посол в Константинополе А.И. Нелидов возбудил по инициативе русского военного агента в Турции вопрос о необходимости нам оказать покровительство и негласную поддержку шейху Обейдулла (мечтавшему об автономии Курдистана), то стоявший в то время во главе азиатского департамента министерства И.А. Зиновьев безразлично ответил, что «русская дипломатия в сношения с разбойниками не входит!»

¹⁵ См.: Аверьянов П.И. Курды в войнах России с Персией и Турцией в течение XIX столетия. Современное политическое положение турецких, персидских и русских курдов. Исторический очерк, Тифлис, 1900. – В.П.

Tempora mutantur¹⁶ – и мы теперь оказываем явное покровительство с одной стороны его внуку, а с другой – сыну макинского Сардара Теймур ага, разгромившего полчища «святого Шейха», и несомненному уже разбойнику котурскому, хану Симко.

Сношения с курдами

Первые крайне неудобные и случайные попытки России завязать сношения с курдами относятся к 1827 г., когда гр[аф] Паскевич, считая спокойствие Курдистана одним из важных условий успешности войны, испросил разрешение на расходы в 4 тысячи рублей, для подарков курдским бекам.

Более оживленные сношения не только с пограничными курдами, но и с живущими в Ванском вилайете, к югу от Ванского озера, начались в дни восточной войны 1853-[18]55 гг.; поднявший в это время восстание против турок, известный курдский шейх Иезданшир, неоднократно и безрезультатно обращался к русским военным начальникам с предложением своих услуг; равнодушие и политическая близорукость русских генералов ускорили падение восставшего шейха, который успел было поколебать во всем Курдистане турецкое владычество. Этот урок не прошел даром для курдов, и в войну 1877-[18]78 гг. они уже не делали никаких попыток войти в сношения с Россией. Бывший султан Абдул-Гамид, прекрасно понимавший значение для Турции Курдистана и предвидевший возможность пробуждения среди курдов симпатий к России, употребил много усилий, а еще более средств, чтобы привлечь и привязать к себе курдов.

Осыпая курдских беков деньгами, чинами и орденами, широко предоставляя им всякие льготы, преимущества и закрывая глаза на всяческие их беззакония и мелкие своеволия, он в то же время вел через посредство многочисленных своих агентов

¹⁶ Времена меняются. – В.П.

фанатическую религиозную пропаганду и распространял среди невежественного курдского населения грубые и дикие небывлицы и вымыслы о России. Венцом этой политики Абдул-Гамида были учреждение хамидийских полков и спровоцированная им острая курдо-армянская вражда.

Все эти меры сделали имя Абдул-Гамида весьма популярным во всем Курдистане, и султан мог быть совершенно спокоен за верность курдов Турции и трону падишаха-халифа. Но то, что так отчетливо понимал кровавый султан, не поняли в первые красочные и солнечные дни турецкой конституции младотурки; их неумная и неумелая политика вновь разбудила в диких горах Курдистана ту темную расовую, а во многих местах (среди курдов секты Шаффа) и религиозную ненависть, которая начала уже в последние годы сглаживаться и исчезать.

Поворот в умах курдов

О том, каким образом, произошел в умах курдов этот поворот, можно судить по словам одного в высшей степени интеллигентного и влиятельного шейха: «Мы не можем, — говорил он, — мириться с турецким владычеством; систематические восстания в Курдистане свидетельствуют об этом. Пользуясь теперешними затруднениями Турции, мы рассчитываем добиться своей независимости.

Турки могли бы легко жить в мире с курдами, но они не сумели учесть и понять всю серьезность для них курдского вопроса и наделали за последнее время таких ошибок, которых никогда не допустило бы правительство Абдул-Гамида. Если и раньше значение турецкого правительства в Курдистане было ничтожное, то в настоящее время оно сведено к нулю. Роль Турции, не сумевшей удержаться на Балканах, должна быть кончена и в Курдистане! Мы не верим больше ни старо-, ни младотуркам; послед-

ним даже больше всего, потому что они во всей своей политике — узкие турки, а мы хотим быть курдами; потому что они — плохие мусульмане, пьяницы, хотя и фанатики, а мы, — далекие от узкой нетерпимости, — сохранили свою веру, чистоту своей религии. Мы не верим им, потому что убедились, что эти люди ведут страну к гибели»!..

Так рассуждают интеллигентные и образованные курды; таких, конечно, пока еще единицы, но, несомненно, что и в темной и невежественной курдской массе за последнее время произошел заметный и глубокий сдвиг в сторону России от Турции. Как это не покажется, может быть, парадоксальным, но надо принять во внимание, что полу-дикий, безграмотный курд, бек или мужик-марипа безразлично, по своей природе очень интеллигентен, сметлив и обладает трезвым практическим умом. Он, если хотите — большой дипломат, и всегда умеет во время угадать, — откуда дует ветер. Этот природный инстинкт подсказывает ему, что в силу закона чисто-географического протяжения Россия должна будет в ближайшем будущем выступить здесь с активной политикой, и в это же время глаза его видят, а уши слышат, что Турция разваливается.

И вот курд, не как индивидуум, а как народ, начинает чувствовать к России тяготение; и только потому, что он уверен, что на ее стороне теперь сила, а отнюдь, не во имя какого-либо чувства симпатии, которого у него, конечно, нет.

Курдский национализм

С другой стороны, под влиянием агитации таких популярных во всем Курдистане личностей, как Абдул-Резак, Бадер хан Заде, шейх Сеид-Шаха, — в курдских массах, правда, еще очень слабо, но все же уже пробуждается националистическое чувство, постепенно вытесняющее прежнюю привязанность к своему роду (оширету). Вместе с тем, растет и сознание в необхо-

димости образования, и многие курды совершенно открыто высказывают свое раздражение против турок, развивающих в курдских народных массах фанатизм, но ничего не сделавших хотя бы для элементарной грамотности. Даже такие столпы мракобесия и армяно-ненавистничества, как знаменитый Патнацкий вояк Гуссейн паша, поддались этому сильному течению народной неприязни к Турции. Турецкие власти все это видят и сознают, но применяя свой собственный аршин, объясняют это явление «подкупом» со стороны России.

Увы, если бы это была правда! Вам покажется, вероятно, мое сожаление – чувством, по меньшей мере, противоречащим обыденной этике и порядочности? Но я сожалею, только потому, что объясняю отсутствие подкупа, – не брезгливостью к подобным средствам (хотя самый брезгливый и чистоплотный во всех отношениях народ в мире – англичане – в вопросах, иностранной политики к нему всегда прибегают), а исключительно в силу крайне индифферентного отношения нашей дипломатии к курдскому вопросу. А, между тем, последний его фазис ставит Россию в необходимость зорко следить за всем, что происходит сейчас в малознакомой нам, глубине Курдистана.

Наше министерство иностранных дел должно для этого найти необходимые средства, а с другой стороны, должно серьезно подумать, как о перенесении ни к чему сейчас не нужного вице-консульства в Баязете в другой пункт, более удобный для наблюдения и более центральный (например, в Кара-Килиссе), так и об учреждении нового, весьма сейчас важного, вице-консульства в Диарбекире.

Если наши сведения о том, что творится сейчас в Курдистане, останутся такими же «несоответствующими обстоятельствам места и времени», то события, без сомнения, застанут нас врасплох!

9 апреля 1913 г.

Земельный разбой

Г[ород] Ван, 3-го марта

(От специального корреспондента «Биржевых ведомостей»)

Если в других странах острога аграрного вопроса создается безземельем или малоземельем, то в [турецкой] Армении не острога даже, а трагизм этого вопроса создан самим правительством, поощрявшим курдов к незаконному или даже насильственному захвату земель, составлявших частную собственность армянского населения.

В настоящем письме я, воздерживаясь пока от описания своих личных впечатлений, хочу сгруппировать на основании имеющихся у меня документов совершенно объективные данные о положении земельного вопроса в каждом отдельном округе Ванского вилайета.

Окр[уг] Штабах был в течение многих последних лет ареной разбоев и насилий курда Шакир аги, который насильственно захватил земли дер[евни] Тач; им же, на основании заведомо подложных документов, захвачены поля и пастбища дер[евни] Армшат.

Окр[уг] Мокс. Назначенный сюда «мюдиром» курдский бек Муртулла, захватив ряд армянских земель, роздал их своим курдам; он же пытался захватить и монастырь Св[ятого] Кеворка, утверждая, что этот монастырь является «мусульманской святыней».

Обл[асть] Каркар, Спаркет и Хизан. Это в полном смысле феодальные владения знаменитого разбойника шейх Саид Али. Захваты земель здесь совершаются с определенной тенденцией: или отказ от полей и выгонов, или ислам! Так, например, насе-

ление деревни Кут прониклось вдруг светом мусульманской веры. Все армянские селения названных округов обременены к тому же тяжелыми поборами-налогами.

Окр[уг] Мамртанк. Гроза этого округа – некто Тагир ага, малолетний сын которого два года тому назад убил четырех армян. «Замком» бека служит древний армянский монастырь Сурб-Хач, церковь которого превращена курдом в хлев. Протесты армян против кощунства остаются не услышанными. Вместе с шейх Саид Али, Тагир ага с помощью подложных документов завладел 1.500 дес[ятин] земли, принадлежавшей сел[ам] Сег и Овс. Деревни Кочхс и Шакамет, которые не могли удовлетворить вымогательства Тагир аги, были в одну из ночей минувшей осени разорены.

Окр[уг] Адельджаваз. Местный феодал – Кёр-Гуссейн паша; после провозглашения конституции местные армяне подали на него 270 жалоб! В руках его до сих пор находятся земли д[еревень] Кочер, Гязух и Сипон, за которые курдский паша требует выкупа 450 лир; его требование санкционировано ванским вали.

Обл[асть] Арджеш. Здесь власть над армянами делит кучка феодалов-курдов; Эмин паша, Адо ага и др[угие]. Армянские земли, захваченные Эмин пашой, владельцам не возвращены.

Обл[асть] Нордуз – область «погромов и крови» *par excellence*¹⁷! В течение 30 лет здесь господствует Шакир ага. Большинство армянских земель деревень Шаманс, Кочан и др[угие] составляют теперь его владения. Здесь сильнее, чем где-либо, расцвели виды средневековых повинностей: «кабала» и «зубари». Напр[имер], каждый армянин, вступая в брак, обязан преподнести своему беку быка или пару овец. Кто этого не сделает, – рискует лишиться своей жены в первый же вечер. Более 300 человек армян этого уезда, не вынеся притеснений своего феодала, переселились в окр[уг] Абога, где курд Махмет бей принял их в качестве

батраков, – никто из этих несчастных не смеет вернуться на свои родные земли.

Правой рукой Шакир ага является его племянник, известный разбойник Мир Мхэ, который и держит в терроре как армян, так и турецкие власти.

Окр[уг] Хошан. Здесь несколькими курдами, мелкими феодалами, захвачены дер[евни] Зейнис и Салахан. Захват первой деревни был 2 года тому назад утвержден правительством. Сел[о] Салахоне составляет собственность монастыря Ворог; все жалобы монастыря остались без результата; недавно несколько человек армян, проживавших еще в названном селении, были насильственно оттуда выгнаны.

Окр[уг] Сарай. Здесь царит шейх Ашарета Тагур-Гуссейн бей, под жестокой десницей которого страдают не только армяне, но и курды. Им захвачено около 10 курдских деревень, жителей которых он частью выгнал, частью обложил тяжелыми поборами.

Область Карчкан. Здесь большая часть армянских селений отобрана курдами за недоимки. Сел[о] Аранц было объявлено правительством выморочным и отдано курдам.

Область Агбоч. Часть жителей его после 1895-1896 гг. эмигрировала в Россию, другая часть приняла мусульманство. Землями беженцев завладели курды шейх Гамид паша, Шериф бей и др[угие]. Вернувшиеся после 1908 г. армяне не получили обратно ни одного своего участка.

В дополнение этой совершенно беспристрастной и точной картины аграрного террора привожу несколько цифр ограблений за последние четыре месяца 1912 г.

2-го октября, окр[уг] Хошаб, с[ело] Кастак, уведено 400 овец, отнято деньгами 32 лиры.

3-го октября, окр[уг] Нордуз, с[ело] Канквар, ограблено 17 л[ир].

¹⁷ Главным образом. – В.П.

17-го октября, окр[уг] Сосрат, уведено 400 овец, ограблено 27 л[ир].

30-го октября, окр[уг] Нордуз, уведено 47 волов, ограблено 17 л[ир].

1-го ноября, окр[уг] Башкалэ, увед[ено] 800 ов[ец].

3-го ноября, там же ограблено 65 л[ир].

5-го ноября, окр[уг] Каркат, увед[ено] 80 ов[ец].

12-го ноября, окр[уг] Тимар, увед[ено] 120 ов[ец].

14-го ноября, окр[уг] Спаркерт, огр[аблено] 32 л[ир].

15-го ноября, окр[уг] Хозан, огр[аблено] 12 л[ир].

20-го ноября, окр[уг] Момртан, уведено 170 овец, ограблено 20 л[ир].

20-го августа, окр[уг] Ван, увед[ено] 20 вол[ов].

26-го августа, окр[уг] Сирой, уведено 200 овец, 8 лошадей.

27-го августа, окр[уг] Хошан, увед[ено] 400 ов[ец].

4-го сентября, округ Карчкан, ограблено 11 л[ир].

1-го сентября, там же, ограблено 25 л[ир].

9-го сентября, там же, ограблено 17 л[ир].

21-го сентября, окр[уг] Какохун, уведено 20 вол[ов], ограблено 25 л[ир].

23-го сентября, окр[уг] Коваш, ограбл[ено] 27 л[ир].

25-го сентября, там же, ограблено 45 л[ир].

27-го сентября, там же, ограблено 20 л[ир].

28-го сентября, окр[уг] Хошаб, ограбл[ено] 12 л[ир].

28-го сентября, там же, уведено 300 ов[ец].

30-го сентября, там же, уведено 1200 ов[ец].

На этом я прекращаю свое сухое и фактическое изложение земельного разбоя, который безнаказанно чинят только несколько человек феодалов, с которыми правительство может, но не хочет справиться.

Более подробные сведения я дам в своей следующей статье о «последних событиях». Но мне кажется, что и выше-

приведенных данных достаточно, чтобы прийти к твердому убеждению, что в таком положении, в таких условиях армяне жить дальше не могут.

11 апреля 1913 г.

(От нашего специального корреспондента)

Ассурайе

Ван, 10-го марта

Помните-ли вы резкую, но образную и меткую характеристику Флобера народов и народцев сирийского Востока: «Мерзавцы, покрытые насекомыми; но не трогайте насекомых, солнце рисует из них золотые арабески»!..

Я всегда вспоминаю эти слова великого французского художника, когда в своих странствованиях по Востоку мне приходится встречаться с чрезвычайно живописными, но неопрятными (физически и морально) и одичавшими потомками великих народов угаснувшего древнего Востока: с курдами (мидяне), с иезидами (последователи Зороастра и магов) и, наконец, с айсорями (ассирийцы).

Последним я и хочу посвятить настоящую статью, так как, во-первых, значительная часть их проживает в центре «исчезающей Армении», в области так называемых «аширетных несториан», а во-вторых — несторианский вопрос за последнее время приобретает в политическом смысле особо важное значение для России.

Прежде всего, — кто такие айсоры, «ассурайе», как они сами себя называют, несториане или халдеи, как зовут их европейские миссионеры!

Уже одни эти имена указывают на тесную связь их с народом, создавшим когда-то на берегах Тигра и Евфрата могущественное и воинственное государство. «Ассурай» – производное или испорченное слово «асур» – ассирийцы, «айсорь» – армянский перевод того же имени. Другими доказательствами этого утверждения являются прекрасно сохранившийся антропологический тип их, слишком характерный, чтобы можно было сомневаться в родстве их с древними ассирийцами, и язык, близкий к тому, на котором говорил еще Навуходоносор.

С одной стороны, тем же именем «ассур» уже в христианскую эпоху называлась обширная церковная область с главными епископскими кафедрами, сначала в Эдессе, а потом в Мосуле. Именно в этой области восторжествовало учение Нестория, разделившее христианский мир на два резко враждующие между собою лагеря. Интриги персидского правительства, объявившего только что народившееся «несторианство» вероисповеданием обязательным для всех христиан царства, привели к провозглашению на соборе 484 г. самостоятельности несторианской церкви. С этого момента и до конца XIV столетия длится поразительно блестящий расцвет ее; влияние несториан быстро распространяется от Байкала (в Сибири) до Индии и от Эдессы до Китая. Появление в З[ападной] Азии в VII веке арабов только упрочило положение несториан, а несколько столетий спустя, когда в XIII в. на азиатском материке образовалось громадное монгольское государство, несториане не только не были ослаблены, но, наоборот, внесли свою пропаганду в семью самого Чингис хана. Только в конце XIV века страшная рука Тамерлана нанесла несторианству роковой удар: все, что только носило имя христиан, подвергнулось беспощадному истреблению. Только незначительной части несториан, вместе со своим патриархом, удалось спастись бегством в дикие и неприступные горы Курдистана. Здесь скрывались они вплоть до появления в Малой Азии турок-оттоманов.

Во времена Сулеймана II незначительные партии их спустились с гор и заняли равнины близ Усурмийского озера, став, таким образом, под именем айсоров, персидскими подданными; большая же часть осталась в горах Курдистана.

Первые сношения несториан с Римом начались еще в 1445 г., во время Флорентинского собора, но только в 1552 г., благодаря подкупам и проискам иезуитов, от несторианской церкви откололись группы приверженцев унии с Римом, образовавшие затем свою отдельную общину. В самостоятельную церковь «халдеекатоликов» эта община конструировалась лишь во второй половине XVII столетия; это обстоятельство заставило несторианцев, оставшихся верными своей старой религии, порвать с новообращенными католиками все сношения и связи, и отделиться окончательно от них, переселившись в глубь горного хребта в округе Хаккиари, где ими был избран под именем Мар-Шимун наследственный патриарх, являющийся с тех пор не только духовным, но и почти неограниченным светским правителем.

Таково происхождение современных нам айсоров и несториан. Существует, однако, и другое мнение, желающее видеть в них прямых потомков «десяти израильянских колен», переселенных сюда за 750 лет до Р[ождения] Х[риста] ассирийскими царями. На этом особенно настаивал американский миссионер А. Грант, один из первых проникнувший в 1840 г. в таинственные горные области Б. Заба. В своей книге, посвященной этому вопросу, м[иссионер] Грант собрал много крайне любопытных и интересных фактов, подтверждающих его взгляд.

Заинтересованный этим вопросом, я обратился к находящемуся в Ване халдеекатолическому епископу Мор-Жаку, который очень много работает по вопросам этнографии и этнологии своего народа. «Я согласен с м[иссионером] Грант[ом] в том отношении, что по своему физическому типу, многим обычаям, языку и преданиям несториане ничем не отличаются от небольшого

числа рассеянных здесь евреев; недаром они говорят про себя, что они "beni Israel" (дети Израиля). Но утверждать, что живущие сейчас в Джуламетеке несториане – прямые потомки израильских колен, давно исчезнувших со страниц истории, – слишком смело. Несториане – айсоры-ассураи несомненно происходят от ассирийцев, смешавшихся с евреями и другими жившими здесь племенами. Приводимые Грантом доказательства не убедительны, потому что их можно применить и к курдам, главным образом к иезидам»...

О прямом родстве несториан с евреями ничего не говорит и лучший русский их исследователь епископ Софроний; отрицает это и начальник нашей духовной миссии в Урмии архимандрит Сергей, уже несколько лет работающий среди айсоров.

Если я начал свою статью о них цитатой из Флобера, то только потому, что, несмотря на яркую колоритность их сурового быта в диких горах, несмотря на картинность их жизни, полной столкновений с курдами, несмотря даже на внешнее их гостеприимство и радушие, они для большинства наблюдателей, в том числе и для пишущего эти строки, представляются народом более, чем несимпатичным.

Особенно резкую характеристику их дает упомянутый уже архимандрит Сергей урмийский: «Охотники до легкой наживы, черствы, задорны, кичливы, невероятно алчны, клеветники, лжецы... люди с выветрившимся религиозным чувством»... и т[ак] д[алее]. В таком же тоне пишет о них и бывший наш вице-консул в Ване Г[осподин] Маевский: «За деньги они готовы принять не только православие или католичество, но хотя бы буддизм!»...

В резкую противоположность этим, несомненно компетентным отзывам наш теперешний консул в Ване С.П. Олферьев, совершивший недавно 2-месячную поездку по стране аширетных несториан, характеризует их с самой теплой и хорошей стороны. Испорчены, – по его словам, – урмийские айсоры, и испорчены

самими же миссионерами, но горные ассираи – люди глубокой честности и храбрости (пример – их мужественная борьба с курдами), к тому же, несомненно, привязанные к своей религии, в которой они устояли, несмотря на все искушения со стороны миссионеров, особенно католиков.

«Последние для увеличения своей паствы не брезгают платить каждому несторианскому священнику, принявшему католичество, по 5 пиастров в день (40 к[опеек]), что при бедности населения – довольно большие деньги. Характерно, что эти деньги дает Австрия. Другой пример, чтобы ввести в семью Мар-Шимуна раздоры, они соблазнили двоюродного брата его принять католичество, сделав его, совершенно безграмотного человека, епископом и назначив ему большое жалованье.

Помимо католиков в с[еле] Кочанис (резиденция Мар-Шимуна Бениамина) проживают также 4 английских миссионера, которые имеют на Мар-Шимуна некоторое влияние, отчасти благодаря тому, что он был воспитан английским же миссионером Броуном (прожившим здесь безвыездно 30 лет!), отчасти же благодаря довольно значительным денежным субсидиям, которые они ему уплачивают».

Г[осподин] Олферьев подтвердил мои личные сведения, что под натиском католической пропаганды Мар-Шимун от имени всего своего 70-тысячного населения обратился снова к России с заявлением о желании воссоединиться с русской церковью. Я говорю снова потому, что с 1899 года такие просьбы повторялись несторианами неоднократно, и всегда оставались даже без ответа.

Получит ли он благоприятный ответ теперь? Зная наше министерство странных дел, можно сомневаться, а, между тем, это будет с нашей стороны большой политической ошибкой, так как теснимый со всех сторон католиками несторианский патриарх, если не будет поддержан православием, примет католичество. Для нас, России, конечно, не важно, что мы увеличим рубрику нашего

господствующего вероисповедания несколькими новыми десятками тысяч, а важно то, чтобы эти тысячи явились нашим форпостом, а не нашими врагами.

Почему врагами? Да потому, что самые злостные враги наши здесь – не турки, не немцы, а католики, независимо, к какой национальности они принадлежат.

Ярким примером в этом отношении может служить местный французский консул; представитель «дружественной» и союзной державы здесь, не стесняясь, открыто работает против нас, распуская о России вредящие нам слухи, возбуждая армян, агитируя среди курдов. В мою памятную книжку я занес по этому поводу много конкретных фактов, которыми я и поделюсь в свое время с читателями. Пока же я не могу не кончить своей статьи пожеланием, чтобы представители русских дипломатических ведомств в деле защиты русских народных и государственных интересов на Ближнем Востоке проявили столько же знания, энергия и ловкости, сколько проявляют здесь иностранные дипломаты, работая против нас!

17 апреля 1913 г.

(От нашего специального корреспондента)

Страничка из дневника

Г[ород] Ван, 11-го марта

Ярко и жаркое, несмотря на ранний утренний час, солнце горячо заливает мою комнату. За ее окном раскинулся небольшой фруктовый сад, сейчас весь какой-то серый, словно застывший, с запущенными слегка снегом крючковатыми пальцами-сучьями своих длинных и голых скелетов-деревьев. Невидимая мне опушка его как-то незаметно и странно близко сливается с высоким и скалистым массивом горы «Ворак», и из окна, несмотря на рас-

стояние в несколько верст, мне отчетливо видны ее глубокие впадины и расщелины, ее крутые и обрывистые склоны. Я раскрываю окошко, и в комнату врывается снап воздуха, – свежего, но уже затканного теплом солнечных лучей и нежным эфиром приближающейся, наконец, весны. Высунувшись из своего окна наружу, я долго смотрю на расстилающийся предо мной «город садов». Влево от меня одиноким островом высится угрюмая скала Топроко-Калэ. Здесь была столица полумиеического царя Русаса. Раскопки конца 90-х годов сорвали тысячелетний земляной покров, сронивший под собою остатки великолепных храмов и дворцов, гигантских водоемов и каналов, обломки мраморных статуй и медных изваяний... Лопата археолога открыла обуглившиеся остатки этой древней урартской цивилизации в известковых холмах над садами Вана, но эта же лопата безжалостно разрушила поэтическую легенду о царице Ассирии, прекрасной Семирамиде, создавшей царственное жилище в честь своего строптивного любовника царя Армении Ара.

За «Хойкаванком» – садами начинается, собственно, настоящий город, обнесенная уже полуразвалившейся стеною средневековья столица армянского царства Костуракан¹⁸; сейчас она выродилась в грязные базары и торговые кварталы; узкими, кривыми улочками прижались они к высокой скале, сохранившей на отполированных временем стенах свою целую библиотеку надписей. Одна из них, повторенная на трех языках, гласит: «Велик бог Армарз, величайший из богов, сотворивший эту землю, сотворивший это небо, сотворивший человеческий род, давший человеку счастье»... Грязная турецкая мечеть и еще более грязная казарма, словно грубые, неопрятные и невежественные стражники, сторожат с высоты этой скалы омываемое синим озером, отошедшее в вечность царство исторических призраков. И кто бы ни были былые владельцы этой страны, но когда приходится проезжать по

¹⁸ Васпуракан. – В.П.

ней и воочию видеть памятники былой высокой культуры, сооруженные тысячелетия тому назад сети гигантских оросительных каналов, дороги, проложенные через трудно проходимые горные хребты, то невольно проникаешься уважением к той заботливой и просвещенной воле, которая когда-то создала эти, дошедшие до нас в развалинах, сооружения. Невольно спрашиваешь затем, видя вокруг себя только запустение, нищету и первобытное неустройство: да что же сделали за пятивековое владение этим краем турки, что же они делают, наконец, теперь?..

Раздавшийся внезапно стук в дверь прервал эти размышления. В мою комнату вошло несколько человек армян, пришедших сообщить мне последние новости.

Что же делают здесь турки? – думал я только что перед этим. Рассказы моих гостей были мне ответом.

«В округе Каркар все армянские деревни находятся как бы в осажденном положении. Ни один крестьянин не имеет права выйти из пределов своего селения, не получив на это письменного разрешения от местного жандармского стражника, так же как никто не имеет права и войти в деревню без такого же документа...»

15-го февраля курды убили игумена монастыря Куджухе, находящегося в округе Хавацор. Убийство произошло таким образом: несколько человек курдов явились в обитель и передали игумену просьбу, якобы от имени одного знакомого ему шейха, прийти к последнему. Не подозревая ловушки, монах отправился с пришедшими к нему гонцами; но едва они отошли от монастыря на полчаса расстояния, как курды предательски напали на игумена и убили его. Характерный ответ дал местный каймакам, к которому обратились с жалобой армяне: убитый игумен сам виноват, – не води с курдами приятельства!..

Совершенно невероятные вещи творятся в округе Бошкале, где мутесафиром¹⁹ до сих пор находится сын известного Тахар

паши (устроитель ванской резни 1896 г.) сам лично получивший не меньшую известность в 1907 г., когда он приказывал подковывать армян (факт). Недавно курды-жандармы в самом городе ворвались в дом армянского священника Мартироса, избили его, затем, связав ему ноги, подвесили в таком положении к потолку...

Незадолго до вашего приезда в Ван каймакам курдского аширета хайдеранли Мамед-Садых бей приказал запречь в сани двух армян, которых заставил потом везти его в Ван.

Не удовольствовавшись этой 30-верстной прогулкой, он торжественно выехал на людях в самый Ван и объехал все главные улицы. Когда, возмущенное этим издевательством, армянское население подняло шум, вали приказал опубликовать полицейское опровержение, которое гласило, что «армяне везли названного бека добровольно, если же кто полагает, что последний поступил незаконно, пусть он обращается в суд»!

Конечно, вам, европейцам, все эти факты покажутся: некоторым – слишком мелкими, другим – преувеличенными, – перебил рассказчиков один из моих гостей, старый и закаленный в революционной работе Форамаз хаң, тело которого носит следы не одной турецкой, да, пожалуй, и русской, пули. Вам не понятно, что значит жить под ежеминутной угрозой смерти, вам это все равно, если бы заставить человека жить в таком месте земли, которое беспрерывно колеблется от землетрясения; с другой стороны ужас нашего положения усугубляется тем, что мы знаем, что убийства и грабежи армян курдами в глазах турецких властей не являются вовсе преступлениями и почти никогда они не преследуются. Пусть вас не поражает, что сейчас до вашего слуха не долетают известия о массовых убийствах, не делайте себе иллюзии о спокойствии края только потому, что вы благополучно сюда добрались, что на вас никто не напал, никто не ограбил... Во-первых, теперь зима, и это отчасти «la police blanche qui surveille la

¹⁹ Мутесарифом. – В.П.

sécurité»²⁰, а во-вторых – число незаметных одиночных убийств далеко не так уже ничтожно. Позвольте привести несколько фактических данных. Чтобы не обременять вашего слуха чуждозвучащими именами, я укажу только числа тех дней, которые ознаменовались убийствами армян в Ванском вилайете. Начну с августа 1912 г. Убийства произошли в числа: 14, 16, 17, 22 (2), 29; в сентябре: 4, 11, 24, 28, 29, 30 (2); в октябре: 3, 4, 11 (2), 15 (5), 19, 20, 24; в ноябре: 2 (2), 3 (2), 15, 20, 21, 25, 30 (2)... Теперь рассмотрим положение по уездам, и не забудьте при этом, что уезды наши по своему протяжению меньше вашей средней волости. Возьмем хотя бы Шатах: в апреле убит в своей постели, 17-ю ударами кинжала, крестьянин с[ела] Кохп; в июне – житель села Саке, двое мужчин и женщина сел[а] Вахров; старшина-армянин дер[евни] Севтик. В июле – убиты около м[естечка] Таку двое сельяков; в августе – пять человек крестьян с[ела] Кверс, одна женщина того же села, кр[естьянин] с[ела] Кохп... Я привожу вам факты и цифры, которые случайно занесены в мою записную книжку. Чтобы составить полную статистику совершенных преступлений, оставшихся, я подчеркиваю, без всякого наказания, нужно много времени, но и привезенные мною данные достаточно рисуют правовое положение армянского населения, об экономическом, о страшных погромах, вымогательствах и совершенно незаконных налогах – я не буду даже и упоминать! Наш народ не может больше так жить! Возьмите, вот вам пример: сегодня ко мне пришел, несмотря на глубокие снега и полное бездорожье, один крестьянин из Шабаха. И знаете зачем? Весть о вашем приезде в Ван дошла до диких, мало-доступных горных ущелий Шабаха, и вот крестьяне командировали одного из сельяков в город, чтобы он добрался до вас и передал вам «от их имени просьбу к русскому народу спасти их:

²⁰ Белая полиция следит за безопасностью. – В.П.

тов или – Пусть он напишет в Россию о том, как нас истребляют, как день-за-днем позорят наших жен и дочерей, а нас самих убивают, словно собак!.. Не один только простой наш народ обращается к России с мольбой, с верой и надеждой, но и мы, мы интеллигенты, мы революционеры!»... Моя гости ушли, но в моих ушах еще долго звучал полный боли, страстной тоски и негодования, голос старого революционера. Вот и он, человек, стоявший когда-то в рядах «опасных государственных преступников», глубоко верит в провиденциальную миссию России, в готовность русского общества откликнуться на скорбный зов чужого по крови, но страдающего народа, откуда у них эта вера «в русских», – вера, которую я встречал и в Македонии, и в Боснии, и в Малой Азии, и даже в Индии?.. Почему не обращают они свои взоры на другие народы, более либеральные, более свободные, более культурные?..

В раздумье я вышел на балкон. В разговорах и работе незаметно прошел весь день, и быстро спускались тихие, голубые сумерки. На западе, не слившееся с горизонтом белое кружево гор, невидимая рука местами набросила легкую густо-оранжевую вуаль.

Тонкими и раздернутыми прядями ее все светлевшая золотистая кайма поднималась высоко вверх, как-то незаметно для глаза, переходила в нежную бирюзу вечернего неба... Я обернулся влево – и замер от удивления.

Передо мной близко-близко стоял весь пронизанный таинственным фосфорически-голубым светом обрывистый массив «Барака». Снежная белая пелена, небрежно сброшенная солнцем с его каменных плеч, скатилась вниз и, вся в черных пятнах оттаявших камней и скал, казалась горностаем, окутавшим его могучее подножие. Весь синий, грозный и таинственный поднимался он к тихому, постепенно темневшему небу, где только единственная звезда мерцала своим изумрудным, словно испуганным

лучем. Над зачарованным «городом садов» стояла тишина. Но вот погас закат, и сразу все потемнело; зажглись в домах огни, потянуло холодком и сыростью.

Закрыв дверь балкона, я вошел в комнату и, увидев на столе забытую кем-то книгу, машинально развернул ее. Это был томик Достоевского, и глаза мои случайно остановились на давно забытых строках: «Стать настоящим русским, стать вполне русским – может быть и значит только стать братом всех людей, всечеловеком, если хотите»!..

18 апреля 1913 г.

(От нашего специального корреспондента)

У ванского вали

[Город] Ван, 12-го марта

Широкая аллея высоких и стройных тополей; по обеим сторонам ее тянется серая лента двухэтажных домов, сложенных из необожженного кирпича; во многих из них, турецких, окна забраны – «панджур» – частым и мелким деревянным переплетом, ревниво скрывающим от нескромного взгляда христиан хорошенькие головки черноглазых затворниц гаремов. За домами – сады; целые рощи абрикосовых, вишневых и грушевых деревьев. Весною, когда сады цветут и над Ваном и озером стоит сильный, но нежный аромат, здесь должно быть удивительно хорошо, но сейчас, несмотря на март, – еще зима. Глубокий снежный ковер покрывает еще не отогретую солнцем землю, окаймляя толстым, уже порьжевшим и мягким бордюром заборы, сбегая длинными и быстро тающими языками к монотонно журчащие канавы. Целый рой удивительно краснощеких, армянских ребятишек, в клетчатых

серых рубашенках, копошится на ярком солнце в грязи и приветствует мой презжающий экипаж веселым визгливым криком. Наблюдающие за ними, стоя у дверей своих домов, широкоплечие и низкорослые их матери и сестры, с крепко стянутыми грудями и выставленным вперед животом (увы, здесь так понимается изящество женской и девичьей фигуры!), завидев меня, стыдливо отворачиваются в сторону и еще ниже спускают на глаза свой темный, закрывающий подбородок и губы платок. Помня местный, введенный турками обычай, я первый кланяюсь поднимающимся мне навстречу армянам, которые только после этого считают себя в праве послать мне почтительное и любезное приветствие...

Минут сорок быстрой езды, и я подъезжаю к «конаку». По грязной деревянной лестнице поднимаюсь на верх и прохожу мимо неопрятно одетых, небритых и босоногих служителей в кабинет генерал-губернатора. Навстречу мне из-за небольшого письменного стола поднимается небольшая, сильно сутуловатая и с одним плечом выше другого фигура ванского вали Изет бей.

Курд по происхождению (оширета «Джаф» в окрестности Сулеманиэ), вали пользуется крайней нелюбовью армян, обвиняющих его в потворстве и пристрастии к своим диким сородичам. Сторонник старотурок, не скрывающий даже своей неприязни к комитету «Union et Progrès», он, к общему удивлению, удержался после последнего переворота на своем трудном посту, на котором редко кто остается больше года. Не особенно, быть может, умный, но чрезвычайно лукавый и, как все курды, большой дипломат, он производит впечатление любезного, но злого и образованного человека, которому не чужды европейские взгляды и идеи. В действительности же он узкий и правоверный мусульманин, умеющий до поры до времени скрывать свои настоящие чувства.

Наш разговор идет на французском языке, которым Изет бей владеет довольно свободно.

«Я не претендую на то, что правительственная власть (мы говорим только о моем вилайете) здесь стоит на должной высоте, и все дела идут так, как им следует идти. Но все же разберем по существу армянские жалобы и обвинения. Они приписывают чинам провинциальной администрации в отношении армянского населения “злую волю”, предвзятость и пристрастие. Я же утверждаю, что этого нет, а есть только неспособность некоторых мелких чиновников. Я тщательно слежу за деятельностью всех моих подчиненных и, если я могу установить наличие каких-либо злоупотреблений, я их увольняю.

До сих пор мне пришлось применить это только к двум чиновникам, и оба они были христиане. В жалобах армян часто упоминается имя мутесарифа Башкалэ; произведенное мною следствие показало, что его можно винить только в излишнем усердии и ретивости, и что большинство обвинений против него создано недобросовестностью некоего курдского шейха Сеид-Шаха, бежавшего вследствие совершенных им преступлений в Персию. В таком же роде и большинство жалоб на других чинов провинциальной администрации. Повторяю, на каждой такой жалобе я лично произвожу строгое расследование.

Перейдем теперь к другому пункту армянских lamentаций: отсутствию твердой правительственной программы. С этим соглашаюсь и я. В самом деле, до сих пор не существует ни общей выработанной центральным правительством программы, ни программы специальной для каждого вилайета, и нам приходится зачастую бродить наугад впотемках. Но этот, несомненно, важный пробел будет в скором времени заполнен, и, как только оттоманское правительство справится с затруднениями, вызванными войной и внешними осложнениями, оно приступит к выработке “Закона о вилайетах”, отвечающего всем как общим, так и назревшим местным требованиям. Что же касается лично меня, как начальника Ванского вилайета, то я в настоящее время принимаю все ме-

ры, чтобы обеспечить в этом крае общественную безопасность и, к своему глубокому счастью, мне это удалось достичь так же, как и удалось несколько сгладить и смягчить трения во взаимоотношениях христианского и мусульманского элементов населения.

Одновременно мною выработан и представлен правительству детальный проект реформ, который я считаю необходимым для окончательного успокоения края. Всеми своими силами протестую я против утверждений армянской печати, что будто бы я, как и мои предшественники на этом посту, получаю от правительства инструкции поддерживать между курдами и армянами возбуждение и строить на розни между ними свою внутреннюю политику. Напротив, получаемые нами инструкции строго настаивали на необходимости поддерживать между всеми слоями населения полное согласие.

Перейду теперь к отдельным пунктам армянских жалоб. Земельный вопрос, он, действительно, существует, и правительство признает его существование, занявшись выработкой специального закона. Со времени моего прибытия сюда я не мог в этом отношении сделать многого, так как имел предписание из Константинополя оставить временно этот вопрос открытым ввиду того, что правительство предполагает после войны разрешить его в более широких и целесообразных рамках. Разбойничество, — я признаю, что еще прошлым летом во всем вилайете положение было совершенно аномальное, главным образом благодаря преступлениям двух курдских банд, которые в своей дерзости доходили до открытого столкновения с войсками; однако, со дня моего приезда в Ван, т[о] е[сть] с конца октября, положение неузнаваемо изменилось к лучшему; банды были рассеяны, а вожди их принуждены были спастись в Персию; за 2 месяца 1912 года был всего один только случай убийства армянина; я не говорю здесь об имевшем место через 2 дня после моего приезда убийстве некоего Рафаэла, по словам армян — учителя, по моим сведениям — аги-

татора. С другой стороны, я должен указать, что даже за короткое время моего пребывания в Ване я заметил некоторую тенденцию к провокации со стороны самих армян, предпринявших против курдов ряд агрессивных выступлений для того, чтобы (по общему убеждению) вызвать в вилайете новые беспорядки и волнения.

Однако, я утверждаю, и в этом отношении я ссылаюсь на свидетельства консулов и на ваши личные впечатления, что во всей стране царствуют полное спокойствие и безопасность. По поводу замечаемого якобы среди курдов волнения я должен сказать, что прежде всего мозги курдов не могут воспринимать идеи национализма уже потому, что их взаимно разделяют чувства зависти и т[ому] п[одобное]. Если и происходят между ними «курдские собрания», то агрессивного характера против армян они не носят. Кроме того, по моим сведениям, до сих пор было всего два таких собрания и оба из них в окр[уге] Башкалэ и по вопросу, имеющему чисто местное значение, а именно: разрешение земельных споров между знаменитым шейхом Шеизи, сенатором Абдул-Козером и бежавшим в Персию шейхом Сеид-Шаха... Я твердо убежден что все курды преисполнены одним желанием – спокойно жить под заботливой десницей оттоманского правительства в полной гармонии с армянами. Перейду теперь к последнему пункту армянских жалоб: – к отсутствию будто бы в турецких судах справедливости, беспристрастия и равенства перед законом, сводящему отправление правосудия к постыдной комедии. Я не могу не протестовать против таких недостойных обвинений. Я согласен, что, благодаря бездорожью, затрудняющему вызов свидетелей, неспособности и малоподготовленности персонала судебных чиновников и т[ому] п[одобное] причинам, в процессе судопроизводства происходят некоторые трения, соглашаюсь и с тем, что наш уголовный кодекс не соответствует современным требованиям, но все эти и тому подобные “минусы” и недочеты носят частный характер и легко исправимы, и наше правительство последним уже оза-

бочено. Лично я созвал на этих еще днях особую смешанную комиссию (из христиан и мусульман), чтобы она помогла мне в моей работе беспристрастно изучить вопрос о всех тех измерениях в нашей административной машине, которые вызываются необходимостью.

Вы спрашиваете, какие, по моему мнению, нужны для этого края реформы и что уже в этом направлении сделано? Прежде и раньше всего нужно коренным образом реорганизовать полицию, жандармерию и суды, введя в последние новый устав судопроизводства.

Необходимо затем устроить всеобщую перепись; я уже приступил к подготовительным работам и думаю через месяц начать ее; безусловно необходимо уничтожить феодальный строй, но не резко и грубо, и исподволь и систематически, сводя его на нет, путем введения кадастра; правительство в этом направлении уже работает, и я надеюсь в скором времени осуществить его намерения. В программу необходимых реформ я ввожу также: образование вполне подготовленного, знающего местные языки, нравы и обычаи кадра чиновников и создание для вилайета специального фонда, достаточного как для широкого производства публичных работ, так и для выкупа частных земель. Необходимо также выработать программу постройки сети различных путей сообщения и приступить к ее наискорейшему осуществлению.

Что же касается моей личной деятельности в последнем направлении, то я энергично работаю сейчас над образованием “Общества навигации по Ванскому озеру” и в то же время думаю приступить к постройке чрезвычайно во всех отношениях важного шоссе от Адельджависа на Эрзерум, что даст правительству, не говоря о других выгодах, по меньшей мере около 10.000 лир в год экономии.

Таково сейчас положение дел в моем вилайете. Вы сами можете убедиться из всего мною сказанного (отвечающего строгой

правде), что это положение не только не так печально, как кричат армяне, но, наоборот, оно даст надежду видеть этот край, уже в близком будущем достигнувшем известного экономического и культурного успеха»!..

Беседа наша кончилась, и после взаимного обмена долгими, преувеличенно, как полагается на Востоке, сладкими и вычурными любезностями, я уже сидел в коляске и ехал домой. И помнится, низкорослые мохнатые лошаденки бойко бежали по грязной и ухабистой улице мимо пугливо прятавшихся армянских баб и подобострастно склонявшихся их мужей, мимо провожавшей меня угрюмыми и недружелюбными взглядами курдо-турецкой толпы, – я думал; если соперничающий во многих отношениях с Турецкой Арменией ад Данте был вымощен благими намерениями, то, как видно, даже в последнем между ними существует трогательное сходство!

II

Персидско-турецкий вопрос

(Беседа с русским дипломатом)

Г[ород] Ван, 13-го марта

Почти накануне отъезда из Вана, сидя в небольшом, но уютном кабинете французского вице-консульства, мне пришлось услышать от своего осведомленного в намерениях турок собеседника мнение, что персидско-турецкий пограничный спор отнюдь не закончен, и что как только турецкое правительство покончит с внутренними и внешними осложнениями, вызванными балканской войной, оно снова выступит в Персии с активной, вернее – агрессивной, политикой. В таком духе, по крайней мере, высказывался не раз, по словам моего гостеприимного хозяина-консула, теперешний ванский вали Ахмед Изет бей.

Заинтересованный этим вопросом, я обратился за разъяснениями к другому авторитетному и осведомленному лицу – русскому дипломату, личное мнение которого я и привожу ниже.

«Пограничные споры между Персией и Турцией начались еще в XVIII столетии. Желая положить конец этим бесконечным раздорам, от которых сильно страдало все пограничное мирное население, Россия и Англия в 1840 г. решили взять на себя вопрос окончательного разграничения и с этой целью ими была образована особая разграничительная комиссия при участии как турецких, так и персидских делегатов. Работы этой комиссии, однако, все время прерывались войнами 1854-[185]5, 1877-[18]78 гг., и только после последней турецкой кампании их удалось более или менее закончить, более или менее потому, что вопрос разграничения не был разрешен в окончательной форме, и между Персией и Турцией оставалась нейтральная спорная полоса.

В начале девятисотых годов, под влиянием немецких военных советников, Турция начинает, сначала осторожно, – так сказать теоретически, предъявлять на эту спорную территорию притязания, ссылаясь на пограничную линию, проведенную по карте Дервиш паши. В 1905 г., в разгар русско-японской войны, полагая, что для осуществления этих притязаний наступил удобный момент, бывший султан Абдул-Гамид двинул, совершенно не считаясь с нашими представлениями, свои войска в пограничные персидские округа, которые затем и занял. С этого времени начинается медленное, но постепенное и систематическое движение турок вперед, и уже в 1907 г. они становятся здесь настолько твердой и прочной ногой, что вводят в занятых ими областях свои таможи и свою администрацию. Англо-русское соглашение 31-го августа 1907 г., разрушившее домогательства Германии на железнодорожные концессии в Персии, побудило немецких дипломатов поддержать Турцию в ее замыслах на Персию и внушить младотуркам, ставшим год спустя у власти, мысль о легкой возможности

за счет Персии компенсировать свои потери в Европе (Босния). Ободряемые немцами турки, не обращая никакого внимания на дипломатические протесты России, с открытой дерзостью занимают своими гарнизонами ряд уже не спорных, а неоспоримо персидских земель: Салмас, Хой, Урмию, Соуджбулак. Вместе с тем, они начинают вести в занятых ими округах энергичную пан-исламистскую и русофобскую агитацию и создавать среди пограничных курдских племен выгодную для себя политическую обстановку. Ряд командированных сюда комитетом “Единение и прогресс” эмиссаров – пан-исламистов, не довольствуясь объединением местных суннитов, старается привлечь к Турции и симпатии курдов-шиитов, раздавая им деньги, оружие и ордена.

Одновременно младотурки входят в соглашение с “дашнакцаканами” и заставляют последних, пообещав им всяких благ, работать в Персии в пользу Турции. В Ване, например, совершенно открыто был сформирован отряд из 300 человек армян-дашнаков, которым турецкие военные власти выдали казенные винтовки, и который был отправлен затем в Персию для борьбы с русскими.

Мало-по-малу создавалась такая обстановка, которая привела в конце концов к печальным тавризмским событиям, являющимся, несомненно, прямым результатом турецкой агитации, за ширмами которой скрывались ее истинные вдохновители – немцы! Достаточно пробежать за этот период времени статьи немецкой газеты “Post”, чтобы убедиться в справедливости моего утверждения.

Чего же в сущности хотели достичь младотурки и их закулисные друзья своей активной политикой в Персии?

Прежде всего, конечно, ослабления русского политического влияния в Азербайджане. Этого им удалось до известной степени достигнуть, благодаря излишней мягкости и малоопределенности русской политики. Затем и главным образом, относительно стратегических преимуществ на случай войны с Россией, о которой младотурки мечтали даже в конце 1911 г. (прочтите хотя

бы замечательные статьи Шеридама в “The Near East”), чтобы понять в чем могут заключаться эти преимущества, остановлюсь на этом вопросе несколько подробнее. В минувшую кампанию [18]77/[18]78 гг. турки двигали свои малоазиатские дивизии к Мушу и Эрзеруму по трудному, не разработанному и долгому пути через Джезире, Сеерт и Битлис. Немецкие офицеры генер[ального] штаба, прекрасно изучившие эту местность, давно уже указывали им на короткие и удачные пути, лежащие по обеим сторонам Урмийского озера.

В самом деле, захватив в свои руки горные проходы к югу и юго-западу от этого озера, турки имели бы следующие выходы на кавказский театр войны – для малоазиатских корпусов: 1) Багдад-Сулейманниэ-Марага-Тавризм-Джульфа; 2) Моссул-Равендуз-Кале-Пасва-Урмия и 3) Моссул-Сердешт-Ногаде-Сулдуз и для анатолийских: 1) Ван-Башкалэ-Дилман-Хой; 2) Ван-Башкалэ-Урмия-Джульфа и 3) Дизя-Маванна-Урмия.

Все эти дороги и охраняющие их проходы и очутились к началу 1911 г. в руках турок, которые, как я уже указывал раньше, ни в грош не ставили все представления и протесты русской дипломатии. Чувствуя себя полными хозяевами положения, они учредили из “присоединенных” округов “навахиз дулдиде”, т[о] е[сть] новые уезды. Когда же один из ванских консулов спросил – почему новые, раз турки утверждают, что эти земли исторически принадлежат им, то в 24 часа по телеграфу из Константинополя было приказано переименовать их в “навахиз шаркиэ”, т[о] е[сть] восточные уезды.

Бесцеремонное хозяйничанье турок и их антирусская панисламистская агитация, вызвавшие тавризмские события, заставили, наконец, Россию выступить в защиту своих как политических интересов, так и стратегических путей; и в Южный Азербайджан были посланы русские “заслоны”. Это вызвало в Константинополе целое беснование. Начались “персидские митинги”,

организованные состоявшими у комитета "Union et Progrès" на жалованьи кавказскими выходцами Ахмед Агаевым и доктором Казабековым; полетели телеграммы императору Вильгельму, напоминавшие о его речи на могиле Саладина, в печати посылались грубо-бранчливые выкрики по адресу России и Англии. Последняя не замедлила протестовать против этого, а первая, заигрывавшая под влиянием г[осподина] Мандельштама, первого драгомана российского посольства в Константинополе, с младотурками, проглотила все эти оскорбления.

Влиятельная турецкая газета "Сабах" рассыпаясь в фальшивых уверениях, что "турецкая политика преследует в Персии только счастье и прогресс мусульманского народа", открыто заявляла, что Россия действует двулично: в Константинополе жмет дружески руку младотуркам, а в Персию посылает войска, чтобы угнетать мусульманский народ, "увидевший, наконец, зарю свободы"!

Однако, энергичный образ действий России все же отрезвил младотурок от их заносчивости в Персии, и в 1911 г. они уже не решались на дальнейшие активные выступления и только зорко следили за персидскими делами; по-видимому, между младотурецким комитетом, а также и дашнакцаканами существовало секретное соглашение с персидским "героем" этого года Салар-уд Доулэ, которого обе названные партии усиленно поддерживали. Окончательно политические весы склонились не в пользу турок, впрочем, с момента появления в Хое сильного русского отряда, каковой факт, одновременно с энергичной деятельностью русского консула в Урмии г[осподина] Голубинова, заставил курдов решительно перейти на сторону России. Последние балканские события нанесли империи оттоманов тяжелый удар, и турки увидели себя вынужденными очистить в 1912 г. все занятые ими округа, в которых они, казалось, так прочно укрепились.

На ваш вопрос не имеют ли они поползновения, когда обстоятельства изменятся в их пользу, снова туда возвратиться, — я отвечаю убежденно и решительно: да, имеют!

Но так же убежденно я говорю: Россия не должна впредь этого допускать! Почему? Да, прежде всего, с точки зрения моральной; все пограничное население знает, что персидско-турецкий спор есть, в сущности, спор между Россией и Турцией, а не Персии с Турцией. Во-вторых, нам невыгодно с политической точки зрения допускать усиления Турции в Азербайджане и если мы это допустим, то весь престиж России не только между курдами, но и христианами (армяне, айсоры) всюду безвозвратно падет. В-третьих, наша твердая политика к Персии обеспечивает нам наше твердое положение и в Ване, т[о] е[сть] в Армении. Наконец, в-четвертых, мы не имеем права поступаться нашими стратегическими интересами. Вот почему я повторяю, французский консул был прав, высказывая предположение о намерении Турции возобновить в Персии активную политику, но я надеюсь, что наше увлечение младотуречеством уже прошло и что русское министерство иностранных дел сумеет понять, в чем заключаются реальные интересы России.

19 апреля 1913 г.

Диарбекяр. (Отправлена 11-го апреля, получена 18-го апреля).

(От специального корреспондента «Биржевых ведомостей»).

Обвиненный ванским и битлисским вали в антитурецкой пропаганде, я получил по телеграфу из Константинополя сообщение министра внутренних дел, что я обязан немедленно покинуть Турцию, следуя таким путем, на котором нет ни армян, ни курдов (?).

Турецкий министр иностранных дел не нашел нужным известить о моей высылке [в] русское посольство. За отсутствием в Диарбекире русского консульства, я переслал в наше посольство свой протест против действий турецкого правительства через местного французского консула.

Протестую самым энергичным образом против бесчестных обвинений, взведенных на меня турецкими властями. В Ване и Битлисе я жил все время в русских консульствах и посещал только тех лиц, которые указаны были мне русскими консулами.

Протестуйте с[о] своей стороны против насильственных мер, принятых турецким правительством против русского журналиста, виновного только в том, что он добросовестно запротоколил существующее положение дел.

Выезжаю завтра на Харпут и Эрезерум.

Ольгенин

От редакции. Телеграмма нашего корреспондента дошла до нас только на восьмой день. Объясняется это тем, что она задержана была в Константинополе, как это видно из телеграммы, полученной нами от русского консула в Ване.

Ван. (Отправлено 17-го апреля, получено 18-го апреля).

Ваш корреспондент депешей из Харпута просит меня сообщить вам, что телеграмма его, извещающая вас об объявленном ему распоряжении турецких властей покинуть пределы Турецкой империи, — задержана в Константинополе.

Русский консул *Олферьев*

19 апреля 1913 г.

(От нашего специального корреспондента)

Армянская церковь

Ван, 12-го марта
«Армянская церковь», — при этих словах мне вспоминается маленькая армянская деревушка, затопушная в глубоких февральских снегах Алашкертской равнины. Садилось солнце, и последние, подернутые предвечерней нежностью лучи его накидывали легкую, таявшую от потянувшейся с низины сырости позолоту на плоские земляные крыши убогих, полуподземных лачуг, погребенных под толстым белым пластом пушистого зимнего пепла. С околицы деревни, где нагроможденные вьюгой сугробы его казались настоящими холмами, доносилось мерное и сухое звяканье колокола, и в мягкой и чуткой тишине умиравшего дня мне казалось, что время, нищета и гнет вытравили из этого, надтреснутого и беззвучного сейчас голоса всю былую певучесть меди... Я стоял у отведенной мне для ночлега землянки, откуда всякий раз, когда с визгливым скрипом открывалась дверь, словно из гигантской черной пасти вырывалось зловонное дыхание ее теплого подземного нутра. Мне не хотелось уходить со свежего, чистого воздуха в темную, насыщенную затхлостью и едкими испарениями конуру, и привлеченный унылым призывным звуком колокола, я решил пройти в церковь. Узкая, вырытая в снегу тропинка-траншея привела меня к небольшому, приземистому зданию, похожему по виду на жалкий, сложенный из дикого камня сарай. Согнувшись, вошел я в низенькую боковую дверь и очутился в храме: просторная, продолговатая комната, слабо освещенная падающим сверху светом. В маленькой нише, обращенной на восток, на невысоком помосте — алтарь; рваная и грязная пелена из розового ситца отделяет его от помещения для молящихся. На голых, покрытых плесенью стенах

– три-четыре дешевые лубочные картинки, изображающие Св[ятого] Григория Просветителя и Св[ятого] Саркиса. В противоположном алтарю углу – груды обломанных досок, веников и тряпок; толстый, видимо, никогда никем не убиранный, слой пыли, грязи и паутины еще более усилил то тяжелое и грустное впечатление какой-то равнодушной заброшенности, которое охватило меня, едва я сюда проник. Я знал, что нахожусь в бедной сельской церкви, подверженной к тому же непрерывным грабёжам и хищениям курдов, но все же я не думал встретить здесь печать такого запустения, нищеты и пренебрежения... Когда я вошел, служба уже началась. Седой священник в старой, когда-то черной, а теперь порывшейся мантии, стоя перед алтарем, вполголоса читал по требнику молитвы. Ему гнусаво вторил в унисон хор из трех-четырёх человек. Несколько десятков молящихся, сложив по восточному обычаю на животе руки и склонив голову на грудь, сосредоточенно слушали непонятные мне молитвенные слова, и временами с губ их срывался глубокий вздох и по всей церкви проносился тихий, сдержанный шепот: «Okhormia asdvatz!» (Господи, помилуй мя!..) Последний солнечный луч ворвался вдруг в узкую щель запыленного окна и залил убогую церковь золотистым и ярким веселым дождем; светлые брызги его упали на грубые, изборозженные морщинами лица молившихся крестьян, и в то время, как губы их продолжали настойчиво шептать «Okhormia asdvatz!», «Okhormia asdvatz!..», я с изумлением увидел, как из глаз их катились тихие слезы!..

Вспоминаю я при словах «армянская церковь» и другой храм, в Эчмиадзине. Созданный на заре христианства Св[ятым] Григорием, просветителем Армении, он до сих пор может служить классическим образцом армянской церковной архитектуры. Вместе с храмами в Ахтамаре (который справедливо считается «жемчужиной» армянского стиля), в Муши и в Юч-Килиссе (около Баязета), величественная по своей простоте и по пропор-

циональности своих линий, церковь Эчмиадзина является живым свидетелем великого и славного прошлого, когда весь армянский народ сливался со своей церковью в одну гранитную скалу, которую не могли разбить никакие усилия мусульман-арабов и турок, ни еще раньше их не менее тяжелые удары персов-огнепоклонников. «Есть что-то великое», – писал анонимный автор не утратившего до сих пор ценности труда «Народы Турции», – «в тех жертвах, кои грубые и невежественные тогда армяне принесли для религии; нигде преследования не были так жестоки и долги, мучения так утонченно-ужасны, и самопожертвование так полно, как в этой стране, где, по преданиям, род человеческий возобновил свою жизнь!»

Мне невольно вспоминались эти слова, когда я стоял во время одной из воскресных служб под строгими и прекрасными сводами эчмиадзинского храма.

Пред алтарем, несколько схожим с католическим и воздвигнутым на высокой, словно театральной эстраде, молился священник в блестящей ризе и митре. Группа причетников-мальчиков в белых кружевных пелеринках с серебряными жезлами-рипидами в руках передвигалась с одной стороны алтаря на другую, и тонкий, мелодичный звон их дрожащих дисков сливался с пением дивного хора, в мотивах которого я улавливал знакомые народные напевы Востока...

Прислонившись к одной из массивных колонн, я с интересом оглядывался кругом: грубо и безжалостно ободранные старинные фрески, треснувшая и местами обвалившаяся штукатурка, древнего письма иконы, криво висящие на полу-истлевших бичевках, целые пласты пыли и грязи... И это внутренность храма, пережившего несколько исторических эпох, – храма, воплощающего в себе национальную идею!.. Я перевел свой изумленный взгляд на окружающую меня толпу. Она громко перешептывалась, улыбалась, обменивалась впечатлениями и приветствиями. Напрасно

старался я уловить хоть в чем-нибудь лице сосредоточенное молитвенное выражение; я не находил его, и мне казалось тогда, что в глазах всех этих собравшихся здесь мужчин и женщин не происходит великое таинство общения человека с Богом, а совершается красивый, несколько театральный и хорошо всем знакомый, а потому надоевший обряд!..

Много раз потом возвращался я к этим впечатлениям, когда мне приходилось, в своих странствованиях по Т[урецкой] Армении бывать в армянских церквях. Везде одна и та же картина, одно и то же впечатление, а между тем многочисленные, опустевшие сейчас монастыри, разбросанные по берегам Ванского озера, говорят о том, что еще недавно армянский народ жил горячей религиозной жизнью.

Случайная встреча с одним бывшим «вардапетом» (архимандритом) эчмиадзинского монастыря, покинувшим рясу во имя протеста против современного «нерелигиозного» состояния армянской церкви, заставила меня разговаривать с ним на эту тему.

— Церковь в глазах как нашей интеллигенции, — говорил он, — так и в глазах большинства высшего армянского духовенства является сейчас исключительно орудием политической борьбы, средством воздействия на народ. Католикос, — по их утверждению, — не верховный духовный пастырь народа, а только официальный представитель нации. Церковь, как учреждение для проповеди христианского учения, как источник религиозно-нравственной жизни, больше не существует. Даже в простонародье — в нашем крестьянстве — привязанность к церкви осталась чисто внешняя. По привычке, по наследственной, так сказать, традиции, сельское население продолжает еще чтить и даже ходить на поклонение к местам, связанным с воспоминаниями о Св[ятом] Саркисе, Св[ятом] Григории Просветителе и т[ак] д[алее], но, например, личность Христа, Его значение для нашей жизни народу непонятны, иногда даже вовсе незнакомы. Духовенство наше довольствуется

тем, что крестьянство держится еще крепко за внешнюю привязанность к церкви, к ее обрядам, постам, к ее пережиткам и преданиям и ничего не делает, чтобы объяснить народу, в чем заключается сущность христианства, чтобы заставить его придти к сознанию, что вся жизнь человека должна освещаться светом и духом христианской морали. Впрочем, если бы кто и решился выступить с такой проповедью, он был бы неминуемо осмеян и вышучен нашей потерявшей веру интеллигенцией и «заклеван» своими товарищами и высшими иерархами. Почему? Да потому, что они такие же внешние церковники, как и простой народ, потому что, давно потеряв веру, они пользуются церковью, как средством влияния на массы, как вывеской, скрывающей их личные честолюбивые стремления. Каждая попытка пробудить в народе истинное религиозное чувство немедленно пресекается, каждый, кто хочет внести в затхлую атмосферу свежую струю, изгоняется. Спасти нашу церковь могут только реформы, которые воскресили бы в ней старинный ее дух, благодаря которому армянский народ вышел живым из ряда обрушившихся на него политических катастроф. Но эти реформы мог бы провести в жизнь только собор. Вопрос об его созыве давно уже носится в воздухе и его хотел осуществить покойный католикос Измирлян, но с кончиной последнего, при теперешних руководителях армянской церкви, созыв собора мог бы дать толчок к окончательной ее смерти, так как в состав его вошли бы сейчас элементы, отрицательные для истинной церкви.

Вы спрашиваете, каково положение нашего духовенства? Как нравственно, так и материально весьма печальное. Сельское духовенство — почти сплошь полуграмотное, живет в крайней бедности — жалкими доходами с требь. Достаточно сказать, что есть священники, средний годовой бюджет которых не превышает 100-120 руб[лей]. При таких условиях в священники идет тот, кто ни к чему другому неспособен. Выборное начало, которое у нас существует для всех степеней белого и черного духовенства, часто

ставит священника в полную зависимость от своего прихода, потому влияние пастырей на прихожан крайне ничтожно. Значительно лучше в одном и другом отношениях положение черного духовенства. Оно могло бы, в особенности эчмиадзинская обитель, сделать очень много для своего народа; но, увы, современный Эчмиадзин интересуется больше движением вперед по иерархической лестнице, занимается больше взаимными интригами и политикой, чем работает на благо церкви.

Как можно поднять армянскую церковь? Горький вопрос – пусть она войдет только в свое настоящее русло, в котором она шла свыше, чем полторы тысячи лет, и по словам Христа, сказанным Петру: «Врата адовы не одолеют ю!»..

В заключение несколько цифр. По данным недавно вышедшей книги константинопольского патриарха Ма[гакия] Орманьяна «Армянская церковь»²¹, в Ванском вилайете имеется 208, а в Битлисском – 430 армяно-грегорианских церквей; другими словами, одна церковь приходится в Ванском вилайете на 625 человек и в Битлисском – на 418 жителей.

20 апреля 1913 г.

На Ванском озере

Битлис, 15-го марта

Если бы кто-нибудь попросил меня сделать рельефную модель Ванского озера зимою, я бы взял наполненную снегом овальную мороженицу, опрокинул бы из жестяной формы затвердевшую белую массу и, придавив и обломав небрежно в нескольких местах ее острые зубья, наполнил бы пустую середину густым

раствором синьки. Да простит мне снисходительный читатель за столь прозаическое описание знаменитого по своей красоте озера, имя которого связывается на восточном его берегу с женственно-нежной и прекрасной Семирамидой, а на противоположном западном – с мужественным и диким Немвродом!

... Ранним утром по непролазно грязной и топкой дороге, ведущей от Вана к озеру, подъехал я к голубому взморью. Около груды беспорядочно сваленных в воду камней, заменяющей пристань, качались несколько серых, неуклюже – пузатых шхун; небольшой баркасик, необычайно валкий и не внушавший своим видом доверия, уже шипел в ожидании моего приезда, прижавшись к борту нагруженной лесом барки. С трудом пробираюсь к нему по острым ребрам наваленных как попало камней, выказывая к своему собственному удивлению чудеса подневольной акробатической ловкости. Последний обмен рукопожатий с провожающими меня армянами, последние сердечные пожелания – и я уже на палубе своего углого бензинового челна, который должен меня доставить на противоположный берег. Покачиваясь, словно пьяный, из стороны в сторону, фыркая и отплеываясь отравленной парами бензина слюной, он медленно отходит от берега, тихо разворачивается, дает ход вперед – и вот мы уже на вольной, голубой воде!..

Девятый часть утра, – но почти жарко! Горячие золотые лучи солнца, окупаясь в темный сапфир остывших за ночь вод, возвращаются в воздух нежным и мягким, чисто весенним эфиром. И рядом с этой затканной солнцем и напоенной теплом синего озера и неба так странно видеть холодное белое кружево прибрежных, засыпанных еще глубоким снегом гор!

... Мы плывем почти вдоль самого берега, и на белом и высоком фоне его отчетливо видны все селения, имена которых, сохранившиеся до нашего времени, говорят о том, что здесь царил когда-то культ любви и красоты. Вся в садах, летом чарующе-

²¹ Речь идет о книге Магакии Орманьяна «Армянская церковь», изданная в Москве в 1913 г. – В.П.

задумчивых и ароматных, выделяется небольшая деревушка Атрамид. На высокой, массивной скале, нависшей над нею, еще видны остатки циклопических стен. Найденная немецким ученым Шульцем на каменных глыбах их клинопись говорит о том, что здесь был за тысячелетия до Р[ождения] Х[риста] дворец Урартийской царицы Торириас. Это она выстроила и создала существующие и по сей час оросительные каналы, гигантские водоемы и водопроводы; она насадила эти тенистые, ароматные сады, над сенью которых, много столетий спустя, когда даже имя царицы было всеми прочно забыто, был основан великолепный и богатый храм в честь прекрасной и грозной богини Анахид, богини любви и битвы.

Каждые полгода сюда стекались со всего края красивейшие девушки и женщины, устраивались таинственные оргии и во имя богини царило веселое и красивое беспутство... Пришедшие сюда потом греки также поддались очарованию голубых тихих вод, лобызавших ветви склонявшихся над ними мечтательных садов, и они дали им имя – Артакиды, дошедшее в искажении до нас. Прошли века, и там, где стояли дворцы и храмы, осталась лишь небольшая армянская деревушка; но постепенно исчезла и она. Путешествовавший здесь в 1836 г. Шиль нашел здесь 350 армянских домов, во времена Ушера (в 1865 г.) – это было нищенское селение, состоявшее на половину из мусульман; сейчас в Артамиде – армян нет уже совершенно.

Накренившись на бок, тихо скользит по недвижным, кристально-голубым водам озера баркас. Я сижу на его узкой, дрожащей, словно в лихорадке, корме; сижу часами, – и не могу оторвать глаз от окружающей меня красоты. Справа, весь открытый, как на ладони, от пьедестала до вершины, ясный и сияющий, медленно плывет мне навстречу величественный и мощный «Сипан». Навстречу ему поднимается на другом, южном берегу – грозная, упирающаяся своими зубцами в облака, стена «Ардоса».

Гигантская рука оторвала от его скалистой гряды несколько крутых утесов и отбросила их в озеро, как раз перед излучиной небольшой бухты Ахаванк. На берегу ее и на ближайшем к ней утесе, – Ахтамар, находится знаменитый в истории Армении ахтамарский монастырь, основанный в половине VII столетия... Я беру бинокль и стараюсь разглядеть на острове силуэт крохотной старой церкви, которой многие путешественники дали имя «жемчужины Ванского озера». Заметив мое любопытство, старый матрос-рулевой предлагает рассказать мне легенду, объясняющую происхождение имени «Ахтамар». Получив два «пиастра» (16 коп[еек]), он начинает рассказ.

«Много, много времени тому назад, когда кругом озера все земли принадлежали еще одним армянам, на этом острове жила со своей семьей молодая красавица-рыбачка Тамар. У ней был возлюбленный, живший на берегу. Каждую ночь он посещал свою подругу, переплывая пролив, отделяющий остров от материка, причем путь ему указывал огонь, который Тамар разводила с этой целью на берегу. Однажды, это было осенью, стоял туман и непогода. Долго и напрасно ждал возлюбленный молодой красавицы появления заветного огня, не догадываясь, что дождь и ветер делали все усилия девушки зажечь путеводный маяк напрасными. Охваченный сомнениями и тревогой, мучимый ревностью, постепенно заползавший в его сердце, он, наконец, не выдержал и смело бросился в бушующее море. Хороший пловец, – он мужественно боролся с относившими его в сторону волнами, но, наконец, выбившись из сил, потеряв во мраке ночи верное направление, – он всей грудью ударился о прибрежные скалы острова. И, когда молодая девушка, в свою очередь охваченная темным предчувствием, тревожно и чутко прислушивавшаяся к звукам ночи, бросилась на его стон, он мог только с прощательным приветом протянуть к ней руки и со словами: “Ах, Тамар”, – пошел ко дну. С тех пор армяне зовут эту скалу: “Ахтамаром”!»

Ни раньше, ни после я ни от кого другого не слышал этой легенды, и право я не ручаюсь, что ее появление на свет не было вызвано двумя пиастрами!..

За мысом Девэ-Богон высокая скалистая горная гряда, подойдя вплотную к озеру, крутыми обрывами спускается в воду; отодвинулся дальше вглубь и северный берег, и мы плывем теперь вдоль безлюдных и диких, снежных гор, среди тишины, которую не тревожат ни крик испуганной птицы, ни плеск прибрежной волны. Только мерно и часто, как будто швейная машинка, стучит мотор, и долго виднеется за кормою прочерченная ею борозда, словно поверхность уснувшего озера, насыщенная содой и ленью медлить за нами сомкнуться. Я опускаю руку в кристально-чистую на вид водяную лазурь, пробую на язык и немедленно с отвращением выплевываю: во рту у меня долго еще остается отвратительный, гнилостный и горький привкус, и я невольно вспоминаю отзыв о ней Линча: — красивый, ядовитый цветок!.. Медленно бегут часы за часами, гаснет уже день, и склоняющееся к западу солнце накрыло еще далекий от меня усеченный и высокий конус Немрода раскаленным золотисто-багровым шлемом; но едва только золотой край коснулся до снежных кудрей ледяного великана, как постепенно стал меркнуть и бледнеть его багрянец, и расплавленный опал, сверкавший в шишаке, разлился прозрачной и радужной струей по всему горизонту. Раскаленные в голубом эфире частицы жемчуга, алмаза и изумруда столкнулись друг с другом, слились — и в потемневшей сразу бирюзе неба родилась первая звезда...

Быстро спускается ночь, темная, звездная, полная царственной тишины. Далекими призраками, закутанными в неясную узорчатую фату, кажутся прибрежные горы. Тихо струится за кормой вода. Стучит мотор, и с каждым отдаваемым им тактом я слышу, как проносится и уходит в вечность время... Закутавшись в бурку, я сижу один на дрожащей корме баркаса, один со своими

жалкими думами, перед этой величественной тишиной, перед сияющими в непонятной и страшной бесконечности звездами. И я вспоминая когда-то и где-то прочитанные слова императора Вильгельма: «Кто когда-нибудь сидел одиноко на палубе парохода, посреди моря, имел над собою звездное небо, тот может излечиться от преувеличения своего человеческого значения»!..

Но вот впереди мелькнул огонек, за ним другой: чей-то хриплый и сердитый голос окрикнул нашего рулевого. Показались вскоре темные и грузные силуэты барок — и вдруг «по носу» баркаса неожиданно и близко обрисовался в темноте высокий берег. Это Тадвань, цель моего 13-часового путешествия.

Мой сон на озере окончился!..

21 апреля 1913 г.

(От нашего специального корреспондента)

В горах Битлиса

Битлис, 16-го марта
Я никогда не думал, что мне придется когда-нибудь ехать в таком «экипаже», на каком мне пришлось совершить путешествие от Тадвана до Битлиса. Представьте себе узкие, низкие сани, на полозья которых поставлен невысокий деревянный ящик, открытый со стороны оглоблей. Путешественник влезает туда и садится в нем, протянув или поджав под себя ноги; в оглобли-ручки впрягается дюжий парень, другой человек подталкивает сани сзади. Таков общий способ передвижения в битлисских горах в зимнее время. Я долго не решался влезть в этот ящик, напоминающий мне манчжурские «фудутунки», к тому же и стыдно было как-то ехать на людях. Однако, страшно глубокие снега (местами

до 4-х метров) не позволяли передвижения на лошадях, идти же пешком нечего было и думать, и волей-неволей мне пришлось подчиниться местному обычаю.

Еще не брезжил даже свет, когда мы тронулись в путь; нам нужно было достичь Битлиса обязательно рано утром, потому что полуденное солнце уже растапливало поверхность снежного ковра, и люди, и сани тогда проваливались. Легкий морозец, сковавший за ночь наш путь, позволил нам двигаться по «целине», и мы быстро и легко бежали вперед, скатываясь с крутых холмов, взбираясь на другие. Временами на косогорах ящик-сани шли скользя под углом чуть-ли не в 45 град[усов], и с замиранием сердца я ждал тогда, что – вот еще немного и я, и мой человек-лошадь сорвемся и полетим оба в снежную бездну; но всегда, как мне тогда казалось, в самый последний момент бежавший сзади «рулевой» ловко и сильно подхватывал сани и удерживал их в равновесии.

Часа через три такого пути вдоль совершенно пустынной и унылой равнины мы увидели первое человеческое жилье. Издали оно показалось мне мрачным и суровым замком средневекового феодала; когда мы, наконец, достигли его, – это впечатление усилилось: массивные, двухаршинной толщины стены, толстые, сброшенные с петель ворота, высокие башни, теперь уже полуобвалованные снаружи, чисто крепостные своды, многочисленные галереи, казематы и залы внутри. Я долго бродил по полутемным, покрытым двухвековой плесенью и пылью сводчатым переходам и просторным, высоким комнатам, служившим сейчас отчасти казармой для жандармского поста, отчасти в качестве «ханэ» (постоялого двора) для путешественников. Мог-ли это предвидеть его строитель – могущественный Хозров паша, властно правивший в начале XVIII столетия всем Северным Курдистаном.

В свое время этот замок курдского феодала (и, вероятно, разбойника) играл немаловажную роль, так как он стоит на скрещении выходов из долин, ведущих в Муш, к Ванскому озеру и в

Битлис. До последнего отсюда – еще несколько часов трудного зимнего пути. Англичанин Линч, проезжавший здесь осенью 1894 года, описывает его в таких красках: «Приезжая сюда с севера, путешественник поражается полной и внезапной переменой ландшафта. Вместо обширных долин, разделенных неправильными горными массами, он видит перед собою правильную смену высоких хребтов, спускающихся красивыми террасами к низменностям Месопотамии; облака здесь плывут по небу, задевая острые пики гор; покрытия белой пеной реки буйно шумят в диких ущельях, густо поросших ивами и тополями; и даже курдским пастухам не удалось уничтожить целые роши густого орешника и вяза». Увы, мне пришлось наблюдать в своем пути только бесконечные снега, похоронившие под своей толстой и ровной пеленой низкорослую растительность и плотно засыпавшие все живописные ущелья, овраги и обрывы...

Стояло уже ясное солнечное утро, когда, пройдя переброшенный через глубокую пропасть красивый каменный мост (чуть-ли не первый за весь мой путь от русской границы), мы спустились в узкую извилистую долину. Вероятно, еще во времена геологических катастроф, когда нагроможденные здесь горные массивы сталкивались друг с другом, небольшая речушка, бежавшая между двумя хребтами, освобождаясь из их каменных тисков, словно уж, скользнула вперед, сделала несколько судорожных зигзагов и вырвалась, наконец, на свободу. По обе стороны образовавшегося таким образом ущелья, напоминающего собою гигантское начертание французской буквы «S», небольшими террасами раскинулся странный город. Плоско-крышные дома его, словно гигантские ласточкины гнезда, лепятся на скалах и, ярус за ярусом, поднимаются вверх по кругам, достигая местами высоты до 5.000 футов. В глубине просторной котловины, служащей как бы перемычкой, прочерченной природой, в скалах долины-буквы стоит полуразвалившаяся старая цитадель; ее высокие стены, башенки и башни

носят своеобразный романтический колорит, переносящий путешественника в эпоху далеких войн и героических осад. Местные жители связывают ее происхождение с именем Александра Македонского. Легенда рассказывает об этом так: когда великий полководец проходил со своим войском через долину, в которой теперь стоит город, то, пораженный выгодами ее местоположения, он приказал одному из своих военачальников, по имени Лис, остаться и воздвигнуть здесь укрепленный замок. Лис в точности исполнил это повеление царя и, при возвращении Александра из персидского похода, обратный путь его был уже прегражден сильной крепостью. После долгой и трудной осады Александру удалось, наконец, овладеть твердыней, в которой скрывался его мятежный полководец.

Приведенный в цепях к Александру, Лис на гневные упреки царя возразил: «Я вовсе не бунтовщик, но ты сам приказал мне построить здесь сильную крепость; мог-ли я убедить тебя иным путем, что твой верный слуга в точности исполнил полученное им повеление!» Ответ этот так понравился Александру, что он простил своего коварного, но остроумного генерала, дав ему только персидское прозвище «бед» (злой). Отсюда как будто и город получил свое имя Бед-Лис!

Однако, господа историки, не считающиеся совершенно с поэтическими и красивыми вымыслами, утверждают, что Битлис носил раньше имя «Богеш» и принадлежал к армянской провинции Безнуни.

Всего 55-60 лет тому назад здесь был курдский «бейлык» (княжество), находившийся лишь в номинальной зависимости от турецкого правительства. Редкие европейские путешественники, проникавшие сюда еще в XVI и XVII столетиях, в своих воспоминаниях говорят о битлисских беках, как о сильных феодальных князьях, которые могли, в случае надобности, выставить до 25 тысяч хорошо вооруженных всадников. (Тавернье, путешествие

1640 г.) Последним из длинного и старого рода властителей Битлиса был знаменитый своей упорной борьбой с Турцией Шериф бей, имя которого все время мелькает на страницах отчетов и докладов английского консула в Эрзеруме, Браита. В 1849 г. сопротивление его было сломлено, и Битлисский округ вошел в состав Эрзерумского вилайета, в качестве самостоятельной казы. 33 года назад, когда после русско-турецкой войны был возбужден так называемый «армянский вопрос», турецкое правительство, с целью искусственного раздробления армянского населения, в числе новых административных единиц образовало и Битлисский вилайет.

Я уже неоднократно отмечал за время своего путешествия по Турецкой Армении факты постепенного уменьшения численности армянского населения во многих пунктах. В этот печальный синодик приходится мне занести и имя Битлиса. В 1814 г., по сведениям Макдональда Киннейра, здесь было 8 тыс[яч] армян и столько же мусульман. В 1832 г. консул Браст определяет число армян в те же 6 тыс[яч], а мусульман – в 12.000 человек; в 1868 г. английский консул Тейлор дает цифры – 5 тысяч армян и 18 тыс[яч] мусульман; в 1894 г., по данным Линча, число мусульман возросло до 20 тыс[яч], и, наконец, в 1913 г., во время моего пребывания в Битлисе, его население составляют – 22 тыс[яч] мусульман и 5 тыс[яч] армян.

Я нарочно останавливаюсь на этих цифровых данных, чтобы еще раз подчеркнуть свое утверждение, что Турецкой Армении уже нет, есть только «исчезающая Армения»!

II Пробуждение курдов

Битлис, 20-го марта
Предо мною лежит копия телеграммы французского вице-консула в Диарбекире, посланной дней десять тому назад: «Курды

округов Редван, Мидиат, Джебзирет провозгласили свою независимость от Турции. Идет сильное движение; христианам опасность пока не угрожает»...

Редван, Мидиат и Джебзирет, лежащие к югу и юго-западу от г[орода] Сеерта, это как раз те горные курдские трущобы Диарбекирского вилайета, в которых, по сведениям турецких газет, еще в конце января месяца неожиданно появился популярный в Южном Курдистане эмигрант и страстный ненавистник Турции, курдский шейх Абдул-Резак. О политических идеях и мечтаниях этого, несомненно, выдающегося по своему уму, образованию и характеру человека я упоминал уже в своей статье, посвященной курдскому вопросу. Правильны или неправильны сведения турецкой печати, но, во всяком случае, есть много оснований предполагать, что события, происходящие сейчас в трудно доступных и мало исследованных горных верховьях Тигра, являются лишь прологом к той уже давно назревающей в Курдистане драме, в главных ролях которой выступают потомки знаменитых курдских бунтарей, Багдыр хана и шейха Обейдуллы, их сыновья, внуки и племянники: Абдул-Резак, шейх Сеид-Шаха, Гуссейн паша и Хассанбей-Багдырь-хан-Заде и др[угие].

Никогда не потухавшая в их темных сердцах кровавая ненависть к туркам, подогреваемая горькими сожалениями об утраченной независимости и деспотической власти, во времена мрачного, но хитрого и умного затворника Ильдиз-Киоска была прикрыта пеплом из звонких лир, блестящих орденов и громких титулов и чинов. Но едва младотурки неосторожно прикоснулись одним только пальцем до этой, отравленной золотым ядом мишуры, как тлевший под нею огонь стал быстро разгораться, и все усилия и уверения политических янусов «возрожденной» Турции, что они сделали это только «для вида, для Европы», что, в сущности, все останется по старому, — не могли уже его потушить!

Политические обозреватели и публицисты Европы до сих пор слишком мало учитывали чисто-роковое значение для судеб Турции италяно-триполитанской войны. Между тем, именно, эта война, повлиявшая на усиление албанской инсurreкции, зародила в умах некоторых шейхов и беков центрального Курдистана мысль о возможности воспользоваться обнаружившейся слабостью турецкого правительства для достижения своих личных замыслов. Это было тем легче, что в своей неприязни и враждебности к стоявшему у власти комитету «Union et Progrès» курдские шейхи встречали усиленную моральную и денежную поддержку со стороны самих же турок — политических противников комитета. Первыми выступили на этот путь курды одного из самых сильных в Битлисском вилайете аширетов — Бедерхани, открыто примкнувшие весной 1912 г. к оппозиционной партии «Итилаф».

В июне того же года в Битлис прибыл сын главы аширета, Гуссейн паша, выбранный депутатом в парламент, но «разъясненный» вали, по приказанию комитета. Целью его появления здесь было возбуждение судебного процесса против начальника вилайета, которого Гуссейн паша обвинял в различных злоупотреблениях во время выборов; под рукою же, оскорбленный в своем самолюбии, курдский шейх вел среди курдских городских «нотаблей» и беков-помещиков осторожную, но страстную агитацию против турецкой власти. Почувствовав себя с последовавшим затем вскоре падением младотурецкого кабинета не только в полной безопасности, но и в силе, Бедерхани, двуличные и вероломные, как и все курды, немедленно отвернулись от своих вчерашних союзников — партии «Итилаф» и начали безо всякого стеснения совершенно открытую пропаганду восстания. Душою этого движения были близкие родственники Гуссейн паши, Хассан и Сулейман бей; последний был, между прочим, некоторое время даже мутесарифом (губернатором) в Ангорском вилайете. План их, который они не без успеха развивали перед курдами, заключался в

следующем: предполагалось, что курды должны восстать против турецкого владычества одновременно в различных округах Битлисского, Диарбекирского и Моссулского вилайетов (именно в местностях: Ботан, Ширван, Хизан, Модкэ, Мардин, Нассибин, Мидиаг, Джекзире, Захо, Истахар, Сулейманиэ, Керкут, Башкалэ, Шемдинан); заняв все турецкие «хукумиты» (правительственные учреждения) и оружейные депо, арестовав турецких чиновников и жандармов, они провозглашают затем свою независимость от Турции и избирают князем своего воскресшего, таким образом, «бейлык'а», старшего сына Бедерхан бея. По расчетам вдохновителей этого движения, они могут собрать вокруг себя от 60 до 100 тыс[яч] курдов, из которых, правда, только одна третья часть вооружена ружьями всевозможных систем. Это — первый этап курдского национального движения; следующий должен был бы заключаться в просьбе, обращенной к России, о принятии нового княжества под ее покровительство и о включении его в состав империи в качестве вполне автономной во внутреннем управлении единицы.

Таков план и ближайшие следствия предполагаемого курдского восстания, задуманного, было, в 1912 г. курдскими шейхами аширета Бедерхани. Почти независимо от них работал в этом направлении и в это же время и другой курдский бек, некто Хайреддин Беразии, бывший капитан турецкой жандармерии в Байбурте. По имеющимся у меня сведениям, последний обращался даже в русское консульство в Эрзеруме и Битлисе с открытым предложением своих услуг и с просьбою помочь зарождающемуся движению. Какой ответ получил он — я, конечно, не знаю, хотя предполагаю, что — отрицательный.

Совершенно исключительная в этом году по своей суровости зима приостановила на некоторое время взаимные сношения и переговоры курдов, и после созванного Гуссейн пашой съезда,

имевшего место в начале ноября, в окрестностях Джекзире, наступает временный перерыв.

Но уже в феврале из различных округов и местностей Северного и Среднего Курдистанов начинают стекаться известия о различных тайственных съездах и совещаниях главарей курдских аширетов. Так, например, в окрестностях города Ардиша состоялось, нагнавшее на окрестных армян огромный страх, свидание начальника аширета Хайдеранли, знаменитого Гуссейн паши Патноцкого с беками аширетов Адеманли, Хасанли и др[угими]. Не менее наделало среди армян Битлиса переполоху и посещение курдов Бедерхани знаменитого во всем Курдистане своими разбоями и своей ненавистью к туркам Муса бея. Замечено, с другой стороны, что за последнее время курды начали усиленно приобретать оружие. Весьма характерным является и тот факт, что в окрестностях гор[ода] Бошкалэ состоялись многочисленные сходки курдов, имевшие целью добиться примирения между двумя самыми видными и влиятельными шейхами, Шемдинани, упомянутым уже мною Абдул-Резаком и его родственником сенатором Абдул-Кадер. Это — далеко, конечно, не полное перечисление курдских съездов и совещаний достаточно все-таки характеризует то, я не скажу — движение, но настроение курдских умов, которое усиленно замечается за последнее время. Покамест это — только легкая рябь, которая бежит по еще спокойной, темной и загадочной поверхности. Всколыхнется-ли она роковым «девятым валом», который окончательно опрокинет разваливающееся и подгнившее в фундаменте здание Оттоманской империи, — кто знает? История курдо-турецких отношений, во всяком случае, показывает, что восстание курдов против Турции не раз имело место, было возможно: возможно оно и теперь! Другой вопрос, — что из этого восстания выйдет? Та же история свидетельствует, что до сих пор они были неудачны, что еще ни разу они не принимали общего, массового характера, что националистический импульс

еще никогда не приводил Курдистана в грозное, стихийное движение, но надо принять во внимание и то, что до сих пор еще ни разу империя падишахов не находилась в таком критическом положении, как сейчас, и, может быть, еще никогда курдам не представлялось более удобного и легкого случая стряхнуть с себя власть Турции так же легко, как стряхивают с плеч назойливое, злое, но обессилевшее от выпитой крови насекомое.

Я не берусь делать никаких предсказаний; в мою задачу входит только отмечать беспристрастно факты, а потому, говоря о «пробуждении курдов», я не могу в то же время умолчать о том, что в массах курдских сейчас царит не пробуждение, а скорее беспомощная растерянность. Что турецкая власть рушится, это сознают и они, но как же реагируют они на это сознание? На этот вопрос я отвечу опять-таки фактами: из источников, заслуживающих доверия, известно, что курды Диарбекирского, Ванского и отчасти Битлисского вилайетов обсуждают вопрос о необходимости принять русское подданство; курды Эрзерумского, Трапезундского и другой части Битлисского вилайетов хотят просить протектората Англии и, наконец, эрзинжанские курды желают покровительства Германии*.

Другой факт: в бытность мою в Битлисе, по мысли местного шейха Хазрит, состоялось «секретное» совещание курдских нотаблей, чтобы выяснить вопрос дальнейшего образа действий. И вот в этом секретном совещании, обсуждавшем возможность обращения курдов к покровительству иностранцев, приняли участие и... турки!

Вот почему, отмечая признаки брожения среди курдов, я, думал о возможных последствиях его, соглашаюсь с прекрасной характеристикой курдов покойного д[окто]ра Елисеева. «Курды,—

* Последнее обстоятельство объясняется, может быть, тем, что в штабе войск, расположенном в этом пункте, находится не менее 4-5 человек немецких офицеров.

говорил он,— осадок тех волн народных движений, которые прошли над страной, где «сама почва — история», осадок, глубоко запавший в щели горных массивов, откуда его не могли вымыть все волны последующих бурь. Не одни кордухи Анабасизи, но и хафиды, гитшиты, парфяне и ряд других таинственных народов, включая даже «тогов и магогов», имена которых до сих пор сохраняются в двух аширетах Дерсима, явились родоначальниками курдских племен. Отсюда — и великое разнообразие физиономий, вековая обособленность даже родственных между собою аширетов; оттого — и внешняя слабость курдов, которые никогда не могли создать ничего цельного»!

Разделяя вполне эту талантливую характеристику, я думаю, однако, что если даже курды и сейчас ничего не достигнут, ничего не добьются,— все же много крови прольется в Курдистане, и, как справедливо думает знаток местного края, проживший здесь безвыездно 8 лет, русский консул в Битлисе В.И. Ширков, большая часть его будет армянской!

23 апреля 1913 г.

(От нашего специального корреспондента)

Может-ли быть хуже?
Г[ород] Битлис, 21-го марта

В архивах кавказского военно-исторического музея до сих пор сохраняется рукопись неизвестного автора, повествующего о путешествии в 1837 году императора Николая I на Кавказ. По его словам, со времени своего вступления в вновь присоединенную армянскую область государь был вынужден непрерывно выслушивать жалобы населения на всевозможные притеснения со стороны различных чинов местной администрации. Между прочим, при въезде государя в с[ело] Сардар-Абад сельчане последнего, опа-

саясь, что обычная подача прошений царю не достигнет цели, решили обратить на себя его внимание тем, что при проезде царя через село один из стоявших в толпе крестьян поднял высоко над своей головой общипанную курицу. На строгий вопрос Николая I, что означает такой поступок, старшина деревни доложил разгневанному государю: «Мы, твои подданные, показываем тебе общипанную курку, чтобы ты, строгий и справедливый, знал, что твои чиновники точно так же общипывают нас, несправедливо нами управляя. Общипанная птица жива, но ей больно и жить трудно»!

Если бы ныне здравствующий султан Магомет V Решад посетил вилайеты Турецкой Армении, то он воочию мог бы убедиться, что армяне Битлиса представляют собою курицу не только общипанную, но и с выколотым глазом, сломанным клювом и со свежими следами недавних тяжелых ран.

Я не буду говорить о прошлом: положение армян в доконституционное время вызвало к жизни целую литературу на всех европейских языках. Известный английский публицист Диллон, объезжавший в 1894 г. те же местности Турецкой Армении, которые объезжаю сейчас и я, писал два года спустя: «Владычество турок в этом краю, начавшееся фактически с 1847 г., можно разделить на два периода; с 1847 по 1891 год – период позорного управления, и с 1892 по 1896 г. – период открытого массового истребления армян». Со своей стороны, я бы дополнил эту характеристику турецкого режима в Армении следующим образом: с 1896 по 1908 г. продолжался период скрытого частичного истребления, а с 1909 г. по наши дни – период экономического и правового вытравления последних остатков армян. Нужно лично побывать в глубине так называемых армянских вилайетов, чтобы твердо убедиться в том, что здесь, несмотря на конституцию, до сих пор вполне оправдывается резкое замечание того же Диллона, что

местные армяне «не смеют рассчитывать на такое отношение к себе, каким пользуются собаки со стороны хороших хозяев»!

Уже с первого момента моего появления в Битлисе я почувствовал, что попал в страну, где до сих пор во всей своей темной силе царит гнусный и бесстыдный режим Абдул-Гамида. Дом консульства, где я остановился, благодаря любезному приглашению нашего консула, В.И. Ширкова, был немедленно взят в «обсервацию» как чинами явной полиции, так и переодетыми шпионами, и в течение пяти дней ни один армянин не смел посетить меня, чтобы излить свою душу или обменяться впечатлениями. Только после того, как местный вали Али паша, бывший министр полиции в первом конституционном кабинете, заявил, что он разрешает армянам меня видеть и со мною говорить, «свободные» граждане Оттоманской империи решились посетить русского журналиста, но и то... в сопровождении мусульманских нотаблей или чиновников.

Уже по этому одному можно с уверенностью предположить, что христианское население Битлиса живет в тяжелой и грубой зависимости от безграничного произвола турецкой администрации и местных мусульман. Оно так и есть в действительности. В самом городе жизнь, честь и личное имущество армян находятся всецело в руках небольшой группы курдских беков, ага и шейхов. Эти совершенно безграмотные, невежественные и корыстные люди, не довольствуясь предоставленными им правительством чинами, званиями и должностями (например, Ибрагим эфенди, б[ывший] податной инспектор, не умеет считать дальше ста, Юсуф паша – не умеет даже подписывать свое имя, и т[ак] д[але]), сами себе предоставили, с молчаливого согласия местных властей, многочисленные армянские имущества: земли, лавки и мельницы. Почти каждый из них является представителем какого-нибудь курдского аширета и пользуется в качестве такового во всех своих разбойнических выступлениях покровительством по-

следнего. В этом отношении особенно громкое имя стяжал себе некий Садулла эфенди, родственник известного разбойника Сеид-Али; благодаря поддержке последнего Садулла эфенди был даже выбран членом палаты депутатов, а не попал в тюрьму, как следовало бы, в сущности, ожидать.

Если таково положение армян в самом городе, главном административном центре вилайета, то можно себе представить, что делается в глухих горных деревнях, удаленных от нескромного глаза консула и миссионеров, перед которыми турецкие власти, хотя и мало, но все же стесняются.

В уезде (каза) Ахлат, где насчитывается до 22 больших армянских деревень, например, охранителем порядка и законности является в настоящее время жандармский капитан, родом черкес, Али бек, уволенный было в 1909 г. со службы за то, что имел дурную привычку кастрировать армян, навлекших чем-нибудь на себя его гнев, путем ущемления половых органов последних между двумя растянутыми дощечками. Два года тому назад этот, облеченный в офицерскую форму, изверг, которого народ прозвал «Ташак Кесен Али бек» (я не считаю возможным приводить перевод этой фразы), был снова принят на службу. В округах Хизан и Моджэ, где почти 3/4 всех армянских земель перешли к курдам, по словам В.И. Ширкова, турецкие власти закрывают глаза на то, что курды бродят по армянским деревням, открыто собирая в свою пользу подушный налог, известный здесь под горько ироническим именем «кяфир-вергиси», т[о] е[сть] налог с собак! В обоих этих округах число преступлений, совершенных курдами над армянами, особенно велико: в Хизанском уезде, например, в 1912 г. было убито 8 чел[овек] армян и ни в одном случае преступник не был задержан; в то же время, если власти имеют какое-нибудь основание обвинять в совершенном преступлении армян, они проявляют чрезвычайную энергию, так, например, в том же 1912 г. власти арестовали 33 чел[овека] армянских сельчан дер[евни] Мушах-

шэн только потому, что около дер[евни] Готки, лежащей напротив названного выше селения, был найден труп убитого курда. Я сообщаю это сведение со слов нашего консула в Битлисе, имеющего репутацию человека крайне осмотрительного и осторожного.

Чтобы не обременять читателя тяжелым балластом самых разнообразных фактов, рисующих как бесправное положение армян, так и их экономическое угнетение, я выбираю из большого числа имеющихся у меня сведений два, наиболее в этом отношении типических, сообщенных мне к тому же как русским консулом, так и американскими миссионерами. На первых выборах в парламент армяне Битлисского вилайета располагали 16-ю избирательными мандатами; опасаясь, что во время выборов во второй парламент армяне смогут провести нежелательных для турецкого правительства кандидатов, местная администрация накануне выборов своей собственной властью произвела новое распределение избирательных участков, в силу чего армянам было предоставлено всего только пять голосов.

Приведу еще один факт, на этот раз экономического характера. В округе Мелазгерг находятся две соседние деревни, одна – курдская, другая – армянская, имеющие случайно одинаковое число дворов и находящиеся в совершенно одинаковых условиях, – Хоскьой и Дюгмок. Первая, армянская, уплачивает повинностей ежегодно 1.400 – 1.500 лир, вторая – курдская – едва-ли 300!

Я имел возможность познакомиться с одним политическим отчетом о положении дел в Битлисском вилайете за 1912 год. Привожу отсюда некоторые выдержки.

«Массовых преступлений сейчас здесь нет, но случаев единичных убийств, разбоев и вооруженных грабежей – очень много. Вали объясняет их фанатической вспышкой, являющейся следствием балканской войны; я утверждаю, что это – ложь и что турецкие чиновники не имеют никакого права и основания слагать с себя ответственность... Вообще же меры, принятые вали Али

пашой, являются его личным секретом... Армян бьют почти ежедневно (писано 12 ноября 1912 г.), а Али паша заискивает перед курдами и даже раздает заведомым курдским разбойникам различные административные должности. Пример: назначение курда Замах хана мюдиром нахие Чехине...

Местный армянский прелат Сурен Каломьян до того терроризован Али пашой, что беспрекословно устраивает по требованию последнего не только торжественные богослужения о даровании победы турецкому оружию, но и парадные обеды в честь турецкой администрации, и это в то время, когда в селениях армянские вдовы и сироты проливают слезы по убитым курдами своим мужьям и отцам... Считаю, что всякие заявления турецкого правительства потеряли всякую цену и значение, чтобы о них можно было еще серьезно говорить... Спасти этот край от окончательной гибели может только Россия (я цитирую дословно), и местные армяне, сознавая это, все свои взоры обратили на Россию, от которой только ждут и молят защиты и спасения»!

Известный своими письмами по армянскому вопросу русский публицист Гр.А. Днев закончил одну из своих талантливых статей, писанных еще в 1891 г., цитатой из «Тараса Бульбы» Гоголя. Позвольте мне привести здесь эти забытые строки:

«Злополучная горсть христиан в течение нескольких веков вызывает из глубины Армении к России, как истязуемый на эшафоте Остап:

— Батько, батько, слышишь-ли?»

26 апреля 1913 г.

(От нашего специального корреспондента)

Листки из дневника старожила

Г[ород] Битлис, 22-го марта

Я имел возможность, находясь в Битлисе, познакомиться с одним весьма интересным документом – дневником лица, живущего здесь уже несколько лет и являющегося осведомленным и беспристрастным наблюдателем происходящих событий.

Ниже я привожу выдержки из него за последние два года, представляющие конечный вывод из того богатого материала, который день за днем заносился на страницы дневника в виде отдельных фактов и событий. Самих фактов я не передаю, не желая обременить читателя тяжелым балластом ничего не говорящих ему имен, названий, чисел и цифр. Русскому читателю, мне кажется, интересно и важно знать только конкретные и точные выводы, определенную характеристику общего положения, а не хронику происшествий и преступлений. Я оставляю без всякого изменения сухой стиль автора дневника и не вношу в его несколько канцелярское повествование никаких личных оборотов и красок.

Январь 1911 г. Вали Измаил Хакки бей получил из Константинополя предписание ни под каким видом не возбуждать курдских дел: это означает боязнь правительства возбудить против себя курдов. Местные власти усиленно стараются тушить своим попустительством и молчанием курдский вопрос.

Измаил Хакки бей так же, как и его предшественники, униженно преклоняется перед курдскими шейхами; это возбуждает неудовольствие даже среди самих мусульман. Группа последних явилась в русское консульство с заявлением, что они хотят покинуть турецкое подданство, ибо, по их словам, «Турция идет не вперед, а назад»!

Февраль. Среди мушского гарнизона вспыхнула сильная тифозная эпидемия; власти бездействуют. После того, как умерло много солдат-армян, армянский епископ обратился к мутесарифу с просьбой принять какие-нибудь меры; ответ был, что «забота об этом вопросе касается военного ведомства, а не духовенства»!

Март. Снова начались убийства армян курдами.

Апрель. В Мушской долине продолжают поборы с армян, под видом взъисканий уже несколько раз собиравшегося дорожного и земельного сбора; жалобы по этому поводу армянского епископа остались без ответа. В Битлисе военные чины комитета «Union et Progrès» захватили в свои руки все отрасли местной администрации, даже такие, которые подлежат ведению городского самоуправления, а не военных чинов. Выступая открыто под флагом ислама, младотурки выказывают к интересам христиан грубое пренебрежение.

Май. Курды убили армянского священника округа Хоюда, который отправился в Битлис жаловаться на земельные захваты курдов; вместе с ним убито два человека, а на следующий день убиты сын священника и еще пять армян. По настоянию русского посольства, вали получил из Константинополя приказ отправить экспедицию для наказания курдов.

Июнь. Упомянутое убийство, а главным образом бесконечное затягивание властями разрешения земельных споров, выдвинуло вопрос о переходе армян в русское подданство и о принятии ими православия. Сначала изъявили это желание жители села Танаванка, ахлатской казы, в количестве 1525 чел[овек]. Вслед за этим и армяне округа Черсенджяк, Харпутского в[илайета]²², затем несколько десятков армянских домов в самом Битлисе²³.

²² Речь идет о вилаете Мамурет-уль-Азиз (Харберд) – В.П.

²³ Из частных источников я узнал, что б[ывший] наш посол в Константинополе Н.В. Чарыков, на вопрос – следует ли переслать подлинное прошение в посольство – ничего даже не ответил.

«Вот!» Взятничество битлисских судов поражает своей бесцеремонностью; узнав, что в битлисскую тюрьму препровождаются 60 чел[овек] курдов, арестованных по делу убийств армян в округе Хоюда, судьи открыто выражали свое «удовольствие», получившее скоро объяснение: из 60-ти чел[овек] – 59 были освобождены, и среди населения громко пронеслось никого, впрочем, не удивившее слово «взятка»!.. Надо изумляться нежеланию турецких властей положить конец кровопролитию, совершающемуся на почве земельных захватов; бездействие властей в этом отношении – возмутительно!

Июль. По делу об убийствах в округе Хоюда было арестовано 65 чел[овек], но среди них лишь двое были действительными убийцами. Экспедиция, посланная вали вернулась, и вали донес, что она увенчалась «блестящим успехом». О последнем можно судить хотя бы по тому факту, что находившаяся в составе карательного отряда одна рота из сертского гарнизона вернулась в последний обратный самовольно, не получив никакого приказа... После речи, произнесенной здесь недавно, инспектором азиатских корпусов, Осман пашой, в которой он превозносил курдов и обвинял армян, разбои и грабежи курдов особенно усилились.

Август. Приезжавший сюда известный младотурецкий лидер, б[ывший] министр финансов Джавид бей, высказал открытое заискивание и угодничество перед курдскими шейхами, известными разбойниками, и в то же время бесцеремонно грубо обошелся с армянами и христианским духовенством.

Сентябрь. Общественная безопасность в окрестностях Битлиса, а в особенности в долине Муша, – совершенно нарушена. В самом Битлисе мусульмане держат себя крайне вызывающе, и среди армян на базарах часто вспыхивает паника. Вновь стали раздаваться угрозы резни. Статистика разбоев за последние месяцы заставляет думать, что вернулось до-конституционное время.

Торговля сильно упала, остановился подвоз зерна и продуктов в город.

Октябрь. Известие о войне, объявленной Италией встречено с холодным равнодушием даже мусульманами; только одни американские миссионеры вздумали совершать богослужение о даровании Турции победы, и их проповедники произнесли по этому случаю речь, восхваляющую султана и его правительство.

Ноябрь. Курдское население, в частности курдские разбойники подняли головы, и, пользуясь непрерывной сменой местной администрации, наводнили страну грабежами и убийствами.

Декабрь. Армяне продолжают подавать прошения о переходе в русское подданство. Растерянные власти приезжают сюда, как бы для прогулки, или, вернее, за получением жалованья. Устройство личных, неопятных дел занимает все их внимание. Что можно ожидать от такой администрации?

Январь 1912 г. За несколько только месяцев сменялось уже три чиновника, управлявших вилайетами. Им более по душе проводить время за обедами у богатых битлисских шейхов, чем принимать действительные меры для задержания курдских разбойников, очень часто — служителей этих же шейхов... Опять просят о переходе в русское подданство: 130 армян из Битлиса и 4.600 человек из казы Модкэ.

Февраль. Разбои, грабежи, убийства армян продолжаются. Курды аширета Бедерхани заявляют о своей оппозиции комитету Union.

Апрель. Депутатом в парламент от Битлиса избран курд Садулла эфенди, разбогатевший благодаря разбоям и захватам земель. Его сила и богатство основаны на армянских слезах и крови, он же будет представлять интересы армян.

Май. Власти всецело заняты борьбой с курдами Бедерхани, избравшими депутатом своего бека — Гуссейн пашу.

По приказанию из Константинополя вали пытался, но неудачно, арестовать последнего, после чего было расклеено объявление, что Гуссейн паша реакционер и подлежит вместе со своими сторонниками военному суду.

Сентябрь. Разбойническая деятельность курдов, особенно усилившаяся во время управления вилайетом ревностным сторонником комитета Ахмед-Недимом, продолжает развиваться при абсолютном молчании властей, больше всего отличаются курды Хизана: шайка Сеид-Али и курды из казы Модкэ — шайки Муса бея. Суды относятся к курдам покровительственно, продолжая выпускать обличенных свидетелями убийц.

Ноябрь. Развитие разбойничества и преступлений заставило дашнакцаканов возобновить свою былую четническую деятельность.

Декабрь. Русское консульство было, наконец, вынуждено обратить внимание нового вали Али паша на невероятное развитие преступлений против армян. В ответ на это власти стали раздавать курдским разбойникам мелкие административные должности. Получены по телеграфу строжайшие инструкции Порты о необходимости «ласкать» курдов. Известный разбойник Сеид-Али захватил земли сирийцев-христиан в округе Эрун Сеергского санджака, заставив жителей его, под угрозой предать всех смерти, составить документы о продаже земель и о получении денег сполна, не заплатив при этом крестьянам ни единого «пара».

Терроризованные крестьяне молчат и ожидают наступления для Битлисского вилайета, как и для других армянских провинций, тех дней, которые уже вперед снискали себе имя «благоденных».

28 апреля 1913 г.

(От нашего специального корреспондента)

I

Политика в пометках

Г[ород] Битлис, 25-го марта

В своих скитаниях по Дальнему и Ближнему Востокам мне много и часто приходилось сталкиваться с тамошними нашими консульскими представителями. И вопреки сложившемуся у большинства русского общества впечатлению, что эти люди являются типичными бюрократами, равнодушно относящимися и к судьбе своих соотечественников, и к русскому делу вообще, я вынес из своих сношений с ними искреннее убеждение, что очень многие из наших консулов на Востоке, в противоположность своим привилегированным сослуживцам – чиновникам дипломатических канцелярий, – желали бы и могли принести большую пользу русскому делу, если бы они не были скованы отсутствием денежных средств и рабской зависимостью от центрального ведомства.

Всякое проявление консулом личной инициативы, всякая высказанная им новая живая мысль, смелый энергичный шаг, – рассматриваются департаментом, благополучно коснеющим у Певческого моста, с явным несочувствием, а если к тому же предложение консула сопровождается необходимостью произвести денежный расход, хотя бы самый незначительный, несочувствие господ дипломатических канцеляристов переходит в открытое раздражение и в сердитый окрик-отказ. В результате, наши консулы на Востоке, даже самые энергичные и работающие, знают о стране, в которой они находятся, только те, что «ничего о ней не знают»!

Я прошу извинения за то, что повторяю эти старые, набившие всем оскомину, истины; они невольно с горечью сорвались у

меня с языка, когда мне, едва-ли не в тысячу первый раз, приходится сейчас убеждаться, как постыдно скудны и ничтожны наши официальные сведения о соседнем с нами крае, где в настоящий момент разыгрывается пролог событий, в которые Россия, так или иначе, будет вовлечена!

Один из наших лучших консулов в Малой Азии, страдающий, в глазах департамента, недостатком излишней инициативы и энергии (об имени его я умолчу, чтобы не навлекать на его голову, гнева министерских громовержцев), с обидой говорил мне, что «все имеющиеся у нас сведения о курдах и Курдистане представляют собою только как бы предварительные наброски или предисловие к необходимой в дальнейшей работе»... Курдистан, по его словам, изучают все: англичане, американцы, немцы (в особенности), но только не мы – вековые его соседи. «Курды-кизилбаши – совершенно нами не изучены, – говорил мне другой из анатолийских консулов, – а, между тем, они, по словам иностранных исследователей, питают особенные симпатии к России»!

Точно такого же мнения держатся и военные исследователи Курдистана: Маевский, Аверьянов, Карцов, Томилов, которые характеризуют наши сведения об этом крае «крайне неполными, сбивчивыми, туманными».

Чем же и как объяснить это печальное явление? Многими причинами: равнодушием к этому вопросу со стороны кабинетных деятелей министерства, в представлении которых Курдистан является чем-то вроде белой Аравии, где у нас никаких ни торговых, ни тем паче, политических интересов нет; податливостью их к немецко-английским влияниям, толкающим Россию в Монголию, в Северную Персию, в Аргентину, Сиам, – словом, куда хотите, чтобы только отвлечь наше внимание от пограничного края, который, уже в силу одного географического притяжения тяготеет к нам; наконец, и, главным образом, боязнью министерства перед грошовыми расходами, именно грошовыми, потому что там, где

дело идет о миллионах, там оно обнаруживает необычайную щедрость, даже в предприятиях, имеющих более чем сомнительные полезность и важность (Манчжурия, Монголия и Северная Персия).

Насколько наше министерство глубоко индифферентно относится к вопросу усиления и развития нашего влияния в Турецкой Армении и Курдистане, можно судить по следующему факту.

Ввиду того, что за последнее время иностранцы, главным образом немцы, усиленно интересуются археологическими изысканиями и раскопками в стране древнего армянского царства, ванское вице-консульство, желая, чтобы честь изучения соседнего с нами края, не принадлежала всецело иностранцам, пригласило с этой целью русского ученого Лалаянца, причем б[ывший] вице-консул в Ване С.П. Олферьев пожертвовал на это из своих личных средств 1.000 р[ублей], но так как для производства раскопок необходимо иметь разрешение центрального турецкого правительства, то г[осподин] Олферьев дважды делал об этом мотивированные представления посольству и министерству и оба раза не получил никакого ответа.

Совершенно иначе работают здесь иностранцы.

Консулы их совершают ежегодно объезды всего своего района, посещая даже самые глухие уголки. Среди тяготеющих к нам (см[отри] выше) кизильбашей, о которых мы не имеем никаких сведений, — в 1911 г. в течение двух месяцев безвыездно жил английский вице-консул в Ване, капитан Сил, изучая подробно этот таинственный народ не только с политической, но и с различных других точек зрения. Среди несториан, все время заявляющих о своем желании воссоединиться с православной церковью, уже несколько десятков лет проживает, под видом миссионеров, целая группа англичан и т[ак] д[алее].

Довольно большое число путешественников — немцев: туристов, ученых и офицеров ежегодно объезжает Курдистан из края

в край, изучая его, как и все, что немцы делают, подробно и серьезно. Чтобы не быть голословным, приведу имена лиц, приезжавших сюда, по моим сведениям, в последние два года: в 1911 г. — офицер Гутсброт, объезжавший всю русско-турецкую и русско-персидскую границу; в 1912 г. офицеры же Вестерд, Ланге; консул в Моссуле Эберт, академик Бахман, турист Лякомб, натуралист Кульцер и т[ак] д[алее].

С другой стороны, ценный вклад в дело изучения края вносят и сами министерства, публикуя во Франции — Желтые, а в Англии — Синие книги, содержащие доклады и отчеты консулов Малой Азии и Анатолии. Правда, и наше ведомство у Певческого моста начало за последнее время выпускать «Известия Министерства Иностранных Дел» и опубликовало две «Оранжевые» книги по вопросу о реформах в Македонии с 1903 по 1905 г. и по персидским делам.

Но обе эти книги в публичное обращение не поступали и пользоваться ими может только лицо, имеющее доступ в залы министерства. Что же касается до «Известий», то они содержат в себе или сухие трактаты, конвенции и протоколы о вопросах и свиданиях или же статьи в роде «Положение рабочих в Германии».

Весь остальной материал консульских донесений, имеющий часто совершенно несекретный, хотя и политический характер, остается, таким образом, лежать без пользы под спудом, а между тем в этом баласте всевозможных сведений иногда можно встретить, правда, единичные, но все же обстоятельные и серьезные работы по изучению малознакомой нам страны.

То обстоятельство, что эти работы не принимают законченной формы, а остаются «набросками или предисловием», о которых говорил мой собеседник, на веки к тому же погребенными в архивной пыли, это — вина исключительно министерства, которое, таким образом, играет роль некоего существа, лежащего, по словам одной русской пословицы, на сене!..

На необходимость нашего более тесного сношения с курдами и более основательного знакомства с их краем обращал внимание еще в 1878 г. известный кавказский деятель генерал Лазарев, который доказывал, что «при умении взяться за дело это будет легко»! В настоящее время, когда по стране древних кардухов бежит пока еще слабая и загадочная, но которая легко может стать грозной, волна – малейшая рябь ее не должна теряться из нашего взгляда: мы должны в каждый любой момент знать и глубину волны, и направление приводящего ее в движение ветра.

Иначе события застанут нас не только врасплох, но и в темноте. Позволю напомнить о том, что в августе прошлого года я писал в «Биржевых ведомостях» почти что в тех же самых выражениях о событиях в Албании и указывал тогда на ту печальную роль, которую сыграет наша дипломатия в албанском вопросе. Мои указания, к сожалению, оправдались. Незнакомство наших позолоченных г[оспод] дипломатических чиновников ни с албанским вопросом, ни с тем, что происходит на берегах Адриатики, – создало «Великую Албанию»!

Вот почему я и теперь указываю на необходимость более подробного, глубокого и серьезного изучения Курдистана, а для этого прежде всего следовало бы подумать о перенесении ставших анахронизмом вице-консульств в Баязете и в Кара-Килиссе, об образовании новых вице-консульств в Диарбекире и Харпуте и о водворении нашего вице-консула в Моссуле, постоянно проживающего в Багдаде, туда, где ему быть надлежит, т[о] е[сть] в Моссуле.

Об этом нужно озаботиться прежде всего дипломатии, которой придется решать сложную курдо-армянскую проблему, нужно помимо прочих качеств внимательно следить за самыми мелкими деталями жизни этих народов. Это главный принцип той реальной и здоровой политики, которая зовется французами: *Une politique de longue vue et de longue haleine*²³!

²³ Долгосрочная и многословная политика. – В.П.

Младотурки и армяне

Битлис, 31-го марта

Когда, в 1908 году, «молодая Турция», бросая вызов пропитанным нетерпимостью и темной косностью сунам Корана, впервые вышла на светлую арену свободной жизни, Европа, пораженная этим неожиданным и смелым появлением существа, которое она привыкла считать безнадежно больным, шумно и восторженно ее приветствовала.

Правда, покидая старый и мрачный сераль, дышавший пятисотлетними кровавыми преданиями, «молодая Турция» не сбросила с себя своего ветхого, накинутаго на нее ревнивыми халифами «чаршефа», но сквозь легкие, шуршавшие сказками Востока, складки его угадывалось сильное, женственно-прекрасное тело; из-за кружева черного тюля блестели лукавые, полные неги, глазки, и подкрашенные кармином губки шептали смелые и пылкие речи о братстве, справедливости и свободе.

И когда, вслед за тем, на берегу моря-реки, в городе-колоссе, единственном по своей красоте, грязи и по пролитой в нем крови, «молодая Турция» вошла в старый дом султанов-тиранов и деспотов и твердой рукой, под восторженные аплодисменты христиан, начертала на мраморном его фронтоме: «Дом оттоманской свободы», – никто не крикнул ей тогда: «Сбрось с твоего лица эту темную вуаль; дай нам убедиться в твоей, чарующей всех, красоте»!

Прошло три года, и «молодая Турция» сама сбросила свое покрывало, сбросила не в столице перед глазами посольств и иностранцев, а в глухих вилайетах Армении. Подняв высоко над головой зеленое знамя ислама, она откинула свою чадру, и армяне с ужасом увидели перед собой скуластое и злобное лицо монгола, –

лицо человека, пришедшего сюда не созидать, а разрушать, наживаться и грабить!..

Особенно ярко выказали себя в этом отношении младотурки в «Алтун-дероси» – «Золотой долине» Битлиса. Здесь они, пользуясь удобным моментом и захватив в свои руки все отрасли провинциальной администрации, даже такие, которые входили в круг ведения городского самоуправления, всюду и везде поставили своих сторонников, и, главным образом, военных.

В Битлисе мне пришлось услышать много интересных подробностей о способах и системе турецких конституционалистов управлять страной, – системе, принявшей наиболее постыдный и печальный характер именно в те дни, когда во главе вилайета стояли такие, всеми признанные «столпы» младотурчества, как б[ывший] адъютант Хильми паша (во время македонского комиссарства последнего), Измаил-Хакки бей и член салоникского комитета Ахмет-Недима. Во время генерал-губернаторства первого фактически управлял краем молодой кавалерийский офицер Эджем эфенди.

Считаясь командиром эскадрона, стоявшего в [городе] Муше, он жил, однако, постоянно в Битлисе в качестве председателя клуба «Единения и прогресса», получая жалованье и по первой должности, и по второй. Кроме того, он считался преподавателем географии в одной из битлисских турецких школ, и получал за это третье жалованье; наконец, он же числился заведующим каким-то отделом в городском управлении, и по этой должности получал еще четвертое вознаграждение. Если не так бесцеремонно, как их председатель, то все же довольно прочно и сытно пристроились к общественному и казенному пирогу и остальные члены младотурецкого клуба. Это обстоятельство не мешало им, впрочем, отличаться и невероятным взяточничеством; особенную славу стяжали себе в этом отношении битлисские суды, перед которыми даже наш «Шемякин суд» явился бы образцом

беспристрастия, справедливости и быстроты. Не менее была любопытна деятельность членов «Единения и прогресса» в области народного просвещения; они, несомненно, являлись горячими сторонниками его и работали над насаждением последнего; но в каком направлении шла эта работа, можно судить по нижеследующему факту. При энергичной поддержке клуба в Битлисе была торжественно открыта в 1911 г. учительская семинария, куда по аттестатам было принято 4 человека армян и 36 чел[овек] мусульман. Через несколько дней после приема клуб предложил дирекции училища произвести ученикам испытательный экзамен, и нужно-ли сомневаться в том, что армяне его не выдержали, и были потому немедленно уволены, а ученики-мусульмане выказали блестящие знания.

Другой факт, имевший место в ванском кадетском корпусе. В первый год после допуска в него христиан (в 1910 г.) туда поступило 37 человек армянских юношей. В конце первого же года несколько великовозрастных кадет-мусульман сделали попытку изнасиловать двух армянских учеников; как отнеслось к этому гнусному поступку училищное начальство? Оно немедленно исключило всех учеников-армян, мотивируя это решение тем, что «армянские дети развращают мусульман»!.. Возвращаюсь снова к вышеупомянутой учительской семинарии в Битлисе, так как вся постановка этого училища весьма ярко характеризует настоящее отношение младотурок к делу народного образования. С внешней стороны семинария обставлена прекрасно. Еще до ее открытия были выписаны на большую сумму из Германии физические приборы, анатомические препараты и зоологические коллекции, но подготовленных учителей, способных преподавать физику, анатомию и зоологию, в ней до сих пор нет; ученики поступают туда сейчас прямо с улицы, не имея никакой предварительной подготовки. Начальствующий, учительский и смотрительский персонал – исключительно члены партии «Единения и прогресс»,

занимающие одновременно по несколько хорошо оплачиваемых должностей.

Число предусмотренных штатами училища смотрителей, надзирателей, инспекторов, казначеев, хранителей кассы (sic!), хранителей кассовых книг и ключей (sic!), наблюдателей за чистотой, кладовых надзирателей, привратников и сторожей, получающих приличные оклады, превосходит на несколько человек число учеников. Наблюдая со стороны за деятельностью этого училища, — по словам нашего консула в Битлисе г[осподина] Ширкова, — можно подумать, что в нем собрались все знакомые между собою и родственники, которые, прикрывшись флагом «Единения и прогресса», преследуют исключительно свои личные материальные интересы.

Таковы же отношения и образ действий младотурок и во всех других учреждениях и областях провинциальной администрации; христианский элемент выброшен из них, как и упомянутые ученики-армяне из семинарии, за дверь; с их интересами, с их голосом, младотурки не только, хотя бы для приличия, не считаются, но, наоборот, не стесняясь, открыто высказывают им злобную неприязнь и презрение. Приведу, опять-таки, наиболее характерные факты.

Во время объезда осенью 1911 г. вилайетов Турецкой Армении известным младотурецким деятелем Джавид беём вали Битлиса, Исмаил-Хакки бей, приказал управляющему армяно-грегорианской епархией прелату Каломьяну устроить в честь бывшего министра финансов торжественный обед, причем сам составил для этого список приглашенных. Ни католический, ни сирийский священники, в него не вошли, зато, по приказанию вали, были приглашены три курдских разбойника, известных своими насилиями над армянами и своими захватами их земель. Еще более грубо и более враждебно и презрительно отнесся к армянам сам Джавид бей.

Посетив всех проживающих в Битлисе курдских беков и шейхов, ни он лично, ни его свита не сочли нужным посетить хотя бы одного представителя армянского населения; более того, делая в клубе «Единение и прогресс» сообщение о политическом положении страны, Джавид бей, по окончании беседы, предложил армянам-членам партии — удалиться из клуба, после чего произнес горячую речь о том, что местные мусульмане не должны допускать в парламент христианских депутатов.

Уже совершенно без стеснения бросил армянам дышавший темной ненавистью и мусульманским фанатизмом вызов мушир (генерал-от-инфантерии) Осман паша. Обращаясь в 1911 г. в д[еревни] Хасквой к армянам, пришедшим его приветствовать, он произнес в присутствии турецких властей и курдских представителей речь, в которой называл армян «смутьянами, бунтовщиками, изменниками перед султаном и родиной, убийцами, клятвопреступниками, заслуживающими истребления, беспросветными людьми» и т[ому] п[одобных] эпитетами, звучавшими особенно значительно в устах турецкого либерального сановника в дни, когда никто не имел повода сомневаться в лояльности и робкой покорности армян Турции.

Для младотурок, впрочем, не надо, чтобы живые люди давали какой-нибудь повод; для пробуждения в них чувства нетерпимости им достаточно для этого услышать случайно, сохранившееся еще со времен седой древности, какое-нибудь имя или название, напоминавшее о ненавистном им христианстве. Так, например, упоминавшийся мною Исмаил-Хакки бей, в бытность ванским вали, объезжая свой вилайет, натолкнулся в окрестностях Вана на искусственное озеро, носившее название «Кёшиш Гёль» (озеро священника), и возмущенный этим именем он официально предписал подведомственным ему чинам администрации, требовать от населения называть озеро впредь «Молла Гёль».

Я думаю, что приведенных мною фактов вполне достаточно, чтобы согласиться со словами нашего битлисского консула, что «младотурецкая администрация не считает христиан за людей, имеющих право на свободу, братство и равенство»!

7 мая 1913 г.

(От нашего специального корреспондента)

В кошмаре вечного страха

Битлис, 25-го марта

... Два уже месяца путешествую я по провинциям, населенным армянами, но еще ни разу и нигде я не испытывал такого тяжелого, почти гнетущего впечатления, какое охватило меня, едва я, обогнув южный берег Ванского озера, вступил в узкие горные ущелья Битлисского вилайета.

Перечитывая перед своим отъездом в Т[урецкую] Армению довольно скудную, существующую о ней литературу, я натолкнулся у Линча на следующую характеристику положения в округах Битлиса и Муша:

«Весь край охвачен паникой, — писал он в 1894 г., еще до наступления известных событий, — и самой презренной притом паникой. Мы вдыхали ее вместе с воздухом, эту разрушительную, подобную ревности, страсть; как привидение неотступно преследует и иссушает она здесь человека, подтачивая его жизнь словно едкая ржавчина. Такое хроническое состояние страха — самое ужасное из всех явлений человеческой жизни. Воздух здесь как будто напоен мрачными привидениями, всякая радость убита; солнце черно, горло пересыхает, душа растерзана на клочки...»

Мне казалось тогда, когда я читал эти строки, что автор их грубо сгустил краски, что состояние панического страха прежде

всего не может быть хроническим, как и вообще всякий аффект. Но достаточно было мне пробыть в Битлисе несколько дней, чтобы убедиться, что в картине, набросанной Линчем, не только нет преувеличений, но что, наоборот, она слишком даже слабо передает действительность. Здесь нет человека-армянина, который был бы уверен в том, что, выйдя завтра на базар, он не будет грубо зарезан или пристрелен, а оставшиеся дома его жена или дочь — обезпечены; здесь нет армянской девушки или женщины убежденной, что над нею не надругается самым гнусным образом шайка диких негодяев; здесь нет родителей армян, не сомневающих в том, что отправившиеся в школу их дети вернутся обратно живыми; здесь, незримый для глаза скептика-европейца, но ясно видимый всем армянским населением, реет над домами христиан ангел смерти, и с каждым ударом секундной стрелки, и днем, и ночью, до слуха их доносится его громкое напоминание: *momento mori*²⁴!

Представьте себе, положение человека, который, благодаря экономическим, политическим и семейным условиям осужден со дня рождения до своей смерти жить даже не на вулкане, а под шатающейся и ежеминутно угрожающей падением скалой. Малейшее движение воздуха — и эта огромная дикая глыба, на которой рукой турецкого правительства высечен современный армянский «мани, текел, фарес»: — грабеж, насилие и убийство, — обрушивается вниз на головы беззащитного и почти безоружного христианского населения. Можно-ли после этого удивляться тому, что армяне Битлисского вилайета представляют собою людей, у которых страх за свою жизнь, за безопасность своих близких, за целостность своего имущества вытеснил все другие чувства, все остальные помыслы и ощущения? И нужно самому прожить среди этих людей, глубоко униженных, почти пресмыкающихся перед мусульманами, не смеющих смотреть им прямо и смело в глаза; нужно самому видеть этих женщин, не имеющих права выйти на улицу с открытым

²⁴ Помни о смерти — В.П.

лицом; нужно своими собственными глазами наблюдать картину этой беспросветно-темной и бесправной жизни, чтобы понять, что эти люди давно потеряли свое душевное равновесие, что это почти аномальные люди, у которых боязнь «массакр'а»²⁵ стала навязчивой идеей, болезненной «*idée fixe*»²⁶, заставляющей их впадать в панику от самого вздорного и глупого базарного слуха, от неожиданно раздавшегося случайного выстрела ружья!

Гипноз этого напряженного ожидания резни настолько велик и глубок, что заразил собою даже хладнокровных и спокойных американцев-миссионеров; всего только в феврале этого года они обратились к русскому консулу в Битлисе с официальным письмом, в котором они заявляют, что ставят себя под покровительство России и просят в случае весьма возможной резни, оказать им приют под кровлей консульства.

Местные армяне лишены или, по крайней мере, твердо убеждены в том, — что они лишены, возможности искать, в случае опасности, убежища в доме, над которым развеивается русский консульский флаг. Каким же образом родилось у них это убеждение, которое резко расходится с русской политикой за последнее время? Виноват в этом неудачный, — чтобы не сказать весьма странный, — образ действий русского консула в Битлисе, г[осподина] Ширкова. За все свое почти 8-летнее пребывание во главе местного консульства г[осподин] Ширков не скрывал своей глубокой личной антипатии к армянам, — к «армяшкам», — как он их презрительно называет прямо в лицо. Особенно резко высказывает г[осподин] Ширков свое недружелюбие к дашнакцаканам. Как он сам мне потом рассказывал, он отклонил все попытки местных лидеров этой партии завязать сношения с русским консульством: «Ваши фидаи зарезали в Тавризе 20 человек русских солдат, в свою

очередь, я пальцем не пошевелю, если турки или курды зарежут 20 тысяч ваших комитетчиков!»!

Насколько странно относится г[осподин] Ширков к армянам, мне пришлось лично убедиться во время одного торжественного обеда-«банкета», которым битлисские армяне (с разрешения вали, конечно!) хотели почтить пишущего эти строки. После того, как были произнесены все официальные тосты за Турцию, Россию, представителя турецкого правительства — вали и русского консула, я, принимая во внимание, что нахожусь в армянском доме, на обеде, устроенном армянами же, и вспомнив, что в течение всего 2-месячного путешествия видел со стороны армян полное радушие и гостеприимство, высказал все эти мысли и выпил за здоровье армян, как «хороших, радужных и честных людей».

Немедленно после этого поднялся г[осподин] Ширков и заявил буквально следующее: «Я нахожу тост г[осподина] журналиста преувеличенным (exagerée) и предлагаю выпить за не менее благородных и честных мусульман!»!. Заметив затем общее недоумение, г[осподин] Ширков, садясь на свое место, прибавил во всеуслышание: «В качестве русского консула, я обязан поддерживать равновесие и быть беспартийным, и потому не могу допустить, чтобы в моем присутствии пили за армян и не пили за мусульман»!

Я никогда не позволил бы себе занять внимание читателя таким в сущности мелким и пустым случаем, если бы г[осподин] Ширков был совершенно частным лицом, но так как он — русский консул и притом единственный представитель европейских держав в Битлисе, то я не могу умолчать о том, что «равновесие», которое он так старательно подчеркивает и поддерживает, едва-ли увеличивает в глазах и мусульман, и армян престиж и достоинство

* Считаю необходимым прибавить, что единственным представителем мусульман на этом обеде был вали, все остальные присутствующие были армяне.

²⁵ Резня — В.П.

²⁶ Навязчивой идеей — В.П.

России. Я назвал выше образ действий или политику русского консульства в Битлисе «странной»; чтобы пояснить, почему я ее так назвал, привожу мой разговор, который я перед отъездом имел с г[осподином] Ширковым.

«Вы мне сами, г[осподин] консул, сказали, что в своих донесениях в министерство вы защищаете армян и отстаиваете их интересы. Как же сочетать этот характер ваших донесений с той яркой антипатией и презрением к армянам, которые вы, по вашим же словам, к ним питаете, и с вашим убеждением, что армяне не заслуживают, чтобы Россия за них заступалась?»

— Мои личные убеждения здесь не причем. Я — только исполнительный и хороший чиновник, который должен не только следовать прямым инструкциям своего начальства, но и угадывать господствующие в данный момент веяния. Вот почему, при Чарыкове я был туркофилом и армянофобом, при Гирсе — я, наоборот; будет Клемм — я стану персофилом; назначат послом в Константинополь четвертого — я буду писать так, как он думает»!..

Увы, наивные, непосредственные и невежественные армяне Битлиса не понимают того, что некоторые мелкие дипломатические господа Молчалины не смеют своего мнения иметь, и потому они искренно и твердо убеждены в том, что если им будет что-либо угрожать и они бросятся в русское консульство, то двери этого уединенного и мрачного, похожего на тюрьму, здания перед ними не раскроются.

И это общее здесь убеждение еще больше усиливает и стужает темный кошмар вечного страха!

От Битлиса до Сеерта

Г[ород] Сеерт, 28-го марта

... Дивное теплое утро. Засыпанный снегом, грязный амфитеатр Битлиса, залитый веселым, манящим наружу солнцем кажется пустынным и безлюдным. Несмотря на ранний час, все мужское его население уже спустилось вниз, на базары, и в верхнем городе остались одни женщины и дети, затворившиеся наглухо в своих мрачных, похожих на старинные каменные форты или тюрьмы домах. Проваливаясь на каждом шагу сквозь оттаявший снег, мы с трудом сходим по крутым ступеням в узкое ущелье-долину, на дне которой серо-желтой змейкой извивается дорога. Здесь снега уже нет; пришедшая, наконец, сюда весна покрыла свежим травяным ковром спускающиеся к речке откосы дороги; небольшие, ярко-зеленые лоскутья его забрались даже с помощью теплого ветра на высокие горные кручи и прижались там к светлым и чистым водяным струям, с веселым шумом падающим с камня на камень вниз... Горы так высоки и отвесны, что мы идем словно по узкому, грубо выдолбленному в скалах коридору, покрытому слегка-сводчатым голубым потолком.

Мы — это я, мой слуга, он же и переводчик и кавас, армянин Манук, чрезвычайно преданный и услужливый, но еще более того глупый; два турка-жандарма и курд погонщик вьючной лошади — завершают число членов нашего маленького каравана. Перед отъездом из Битлиса я велел шить Мануку «черкеску» и теперь, — с блестящими газырями на груди, огромным кинжалом у пояса и кавказской шашкой с боку, — он имеет вид настоящего лихого казака и производит сильное впечатление на встречающихся с нами курдов.

В течение нескольких часов дорога, — полуразрушенное и размытое, хотя и прекрасной постройки, шоссе, — вьется вдоль

самого края совершенно отвесного обрыва, на глубоком дне которого ревет, скачет и мечется во все стороны вся желтая от пены р[ека] Битлис-Чай. В одном месте узкое и кривое горло ее еще более сдавлено массивным скалистым гребнем, скатывающимся вниз почти от самой вершины горного хребта и перегораживающим шоссе; издали кажется, будто бы гигантский каменный баран лег вдоль склона горы и, нагнув свою тяжелую голову к реке, жадно пьет ее вспененные воды. Два туннеля, один выше, другой ниже, пробитые в его чудовищном известняковом туловище, служат выходами в продолжение долины; более широкое и почему-то заброшенное верхнее отверстие приписывают, как и все, что носит в этой стране печать грандиозности, знания и былого великолепия, — Семирамиде. Пройдя сквозь нижний туннель, шоссе, сделав крутой поворот, бежит некоторое время по высокой, искусственной террасе, откуда открывается поразительный вид на живописный, чисто альпийский ландшафт. Облокотясь на каменный парапет, окаймляющий шоссе, по его выходе из туннеля, я долго не мог оторвать глаз от неожиданно развернувшейся передо мной картины, с ее уходящими в голубую даль горными цепями, с освещенными солнцем могучими водопадами, бешено срывающимися с огромной высоты вниз, и только проходившие время от времени мимо курды, в своих широких, расшитых штанах, черных козых безрукавках и высоких белых горшкообразных колпаках, вооруженные с ног до головы, странные, смуглые, с дикими, но выразительными лицами, напомнили мне, что я в... Курдистане, а не в Альпах Швейцарии...

За духаном — караван-сараям, служащим в то же время и жандармским постом, шоссе прекращается и начинается невероятно каменистая тропа, круто поднимающаяся на высоту 9.000 фут. Низкорослые и выносливые наши кони с поразительной ловкостью карабкаются вверх, словно цепкие горные козы, но все же временами становится жутко смотреть вниз в глубокую черную

пропасть, на дне которой чуть серебрится искривленная иголка ручья. Иногда копыта лошади срываются с плохо лежащего или заостренного камня, и в то время, когда он с глухим шумом скатывается вниз, я инстинктивно хватаюсь за гриву вспотевшего от натуги коня, зажимаю глаза и со сжавшимся внезапно сердцем жду: свалимся-ли мы сейчас или нет? Проходит десятая часть секунды, но мне кажется, что я пережил целую вечность; но вот, наконец, я чувствую, что ноги коня ступают твердо и уверенно, открываю глаза и едва удерживаюсь от крика восторга. Прямо надо мною поднимается почти отвесная серая скала, длинные, круто спускающиеся от нее языки покрыты разноцветным мягким плющом: пунцовым, желтым темно-зеленым; глубоко-глубоко внизу, на скалистом обрыве, освещенном сейчас лучами заходящего солнца, отчетливо вырисовываются величавые развалины средневекового замка, за ним исполинскими ступенями поднимаются горы, упираясь массивными снежными вершинами в безоблачное, светлое небо... Я вынимаю из сумки фотографический аппарат, но не успеваю еще поставить его на фокус, как едва не вылетаю из седла. Зафыркавшие вдруг лошади, испуганно шарахаются в сторону, и вслед затем я слышу чьи-то тяжелые, удаляющиеся в густом орешнике шаги и треск ломающихся под ними сучьев. Ехавший впереди жандарм быстро вскидывает ружье, прижимает к щеке и резкий, отрывистый выстрел слабым эхом проносится по молчаливым горам.

— Что такое? В чем дело?

— Айю, медведь, — отвечает равнодушно жандарм.

И снова тишина, нарушаемая лишь звонким стуком лошадиных копыт о камни, снова угрюмо молчащие, безлюдные и бесконечные горы... Поздно, вечером, спустившись в небольшую долину, мы прибываем наконец на место нашего ночлега. Небольшой, чрезвычайно грязный караван-сарай кишел народом и, как я убедился потом, — насекомыми. Наше ночное убежище пред-

ставляло собою правильный, сложенный из необожженного кирпича квадрат, вдоль всех четырех стен которого были устроены крытые конюшни; жилые помещения, узкие каморки, расположенные вверху, занимали собою две стены; в середине квадрата – маленький, покрытый толстым слоем навоза дворик... С трудом освобождая из стремян затекшие после 13-часового сидения в седле ноги, поднимаюсь наверх на плоскую крышу и пока Манук хлопочет около самовара и чемодана с провизией, я, опустившись на разостланный ковер, с любопытством оглядываю посланных мне судьбою соночлежников. Заметив среди оборванных и усталых «катерджи» (погонщиков вычюных караванов) фигуру старого почтенного курда в зеленой чалме, – внешний признак сеида или шейха – приглашаю его к себе, и в то время, когда Манук угощает моего гостя кружкой горячего чая, прошу его рассказать что-нибудь о курдах.

«Я расскажу тебе, господин, кто такие курды, и как образовался Курдистан. Много лет назад, когда еще не было ни христиан, ни магометан, в жарких низменностях, лежащих по течению могучего Шота (Тигр), царствовал, – чтобы милосердный Аллах простил его грехи, – злой мелик (царь) Заххак, происходивший из проклятого рода «тази» (араб).

Ох! Уже много лет этот злой и нехороший человек страдал странной и страшной болезнью: на плечах его зияли две огромные, имевшие вид змеиной головы, язвы, причинявшие царю невыносимые страдания, и ни один врач не мог царю помочь. Тогда к нему явился однажды под видом лекаря, “джинн” (дьявол) и посоветовал прикладывать к язвам каждый день свежий кусок человеческого мозга. Заххак послушался этого совета нечистого, – чтобы его имя никогда не смущало правоверных, – и действительно, – боль его сразу утихла. Обрадованный царь отдал тогда приказание своему визирю: каждое утро умерщвлять двух молодых юношей,

чтобы вынутый из их голов свежий мозг прикладывать к царским ранам.

Великий визирь, – да будет он вечно наслаждаться в благословенных садах рая, – тронутый печальной участью несчастных, приказал, тайно от царя, убивать только одного человека и смешивать его мозг с мозгом заколотого барана; другого же юношу, обреченного Заххаком на смерть, он отправлял немедленно в дикие горы Думовенда; здесь они со временем размножились, и их потомство получило имя курдов»...

... Стало совсем темно и сыро; поблагодарив рассказчика, вхожу в узкую, душную и пыльную каморку, заворачиваюсь в бурку и засыпаю крепким сном человека, которому предстоит сделать еще такой же 13-часовой тяжелый переход.

Рассвет застал нас уже на ногах: быстрые сборы, кружка мутного чая, – и мы уже в пути. Снова то спускаемся, то ползем по почти отвесным каменным плитам, снова тот же дикий, но могучий и живописный пейзаж. Чем ближе к Сеерту, тем ярче становится окраска горных откосов, и местами я не мог отделаться от впечатления, что передо мной лежат, зеленой коркой вверх, исполинские куски разрезанного на ломти арбуза, – так сочно красны были обнаженные пласты спускающихся к реке Кесер Су холмов Ширвана.

К вечеру, в легкой туманной дымке открывается нам Сеерт. Еще добрый час езды, – и мы въезжаем в этот уцелевший до нашего времени в горах Курдистана уголок древней Ассирии!

14 мая 1913 г.

(От нашего специального корреспондента)

Уголок Ассирии

Сеерт, 30-го марта

Еще ребенком я читал какой-то довольно глупый детский рассказ, — я забыл уже его название, — о том, как один путешественник, заблудившийся в горах и пустынях Азии, набрел случайно в глухом горном ущелье на никому неизвестный город, сохранивший свой доисторический первобытный вид и населенный первобытными же людьми. И вот очень много лет спустя, когда после нескольких дней странствования по снеговым и трудно проходимым горам Курдистана, я дошел, наконец, до его географического центра — Сеерта, я, словно герой позабытого мною рассказа, очутился совершенно неожиданно в городе, над которым время остановило свой разрушительный полет. Я пробыл в нем пять дней, и мне казалось все время, что я нахожусь в каком-то сказочном сне, перенесшем меня за много столетий назад в один из уголков древней Ассирии. В изумлении я бродил по узким, вымощенным каменными плитами улицам, вдоль которых тянулись странные белые дома — высокие усеченные пирамиды, низкие и широкие двери которых очень часто украшали лепные барельефы и орнаменты; по вечерам, когда заходило солнце, или на утренней заре, я взбирался, вместе со всеми, по наружной небольшой лестнице на плоскую крышу дома или на небольшую террасу-балкон и долго смотрел на лежавший передо мной сиявший белизной город с низкими приплюснутыми куполами мечетей и общественных бань, с толстыми сводчатыми арками-воротами, запиравшими концы улиц, с наклонными, словно падающими, минаретами... Стран-

ный, оригинальный город! Каким образом здесь мог сохраниться до нашего времени этот характерный древне-ассирийский тип построек, который бесследно уже исчез во всех остальных местах? Почему сохранил внешний облик своей принадлежности к великому, давно угасшему царству? Население Сеерта и его округа говорит, однако, не на сирийском языке, которого оно совершенно не знает, но исключительно по-арабски.

Здесь мне никто не мог дать мало-мальски удовлетворительного ответа на эти вопросы. Не нашел я его, к сожалению, и в книгах, хотя к моим услугам была богатая библиотека местного халдее-католического епископа Адаи шеф, в которой было собрано много книг по истории и этнографии этого края. Несомненно лишь, что сирийцы появились в Сеерте еще задолго до Рождества Христова, как повествуют об этом недавно расшифрованные клинописи в д[еревне] Мадень. Арабское влияние проникло сюда всего восемь или девять столетий назад; об этом можно судить по арабским надписям, сохранившимся на двух падающих минаретах, и по немногим уцелевшим надгробным памятникам. Здесь именно жила и умерла (в 1346 г.) знаменитая арабская поэтесса Зайнеб, имя которой до сих пор известно в Египте. В Сеерте находилась некогда и обширная еврейская колонна, от которой до наших дней осталось одно только кладбище.

Одни армяне не оставили здесь никаких памятников своего владычества этим краем. А, между тем, некоторые ученые (например, Макдональд, Киннейр и др[угие]) предполагают, что именно здесь, а не в Диарбекире, находилась знаменитая столица первого армянского царства артаксидов, Тиграносерт²⁷. Еще в XVI ст[олетии], как в городе, так и в его округе, численность армянского населения была довольно значительна. Об этом совершенно определенно говорит в своей книге «Шереф-Намех», знаменитый курдский князь, он же ученый и историк Шереф-уд-дин, который

²⁷ Тигранакерт — В. П.

подтверждает, что 3 армянских церкви были обращены в мечети. Сейчас число армян в Сеертском санджаке хотя значительно и больше числа прочих христианских национальностей, но все же настолько мало, что прямо растворяется в курдской массе. По сведениям, полученным мною от турецких властей, в 1912 г. числилось в санджаке 104.461 человек мусульман и всего лишь 9.325 человек армян. Эти цифры страдают некоторой неточностью, и армяне утверждают, что число армянского населения значительно больше. По крайней мере, по данным армянского епархиального начальника в Сеерте, в 1912 г. во всем округе было 1.766 армянских домов. Определяя число душ в каждом доме максимально в 8 человек, мы получаем цифру в 14.128 человек; но и это число, конечно, совершенно ничтожно с общим числом мусульман.

Я застал в Сеерте среди христиан настоящую панику. Искони отличавшееся своей крайней нетерпимостью, мусульманское население за последние два месяца заняло в отношении армян и сирийцев (якобитов и католиков) угрожающее положение. Угрозы резни раздавались и раздаются на базарах и на улицах совершенно открыто и безнаказанно; случаи нападений, ограблений и убийств христиан курдами участились настолько, что приняли форму настоящего анти-христианского движения; грубые, дикие и цинические оскорбления христианской религии дошли до самого неистового кощунства.

21-го февраля на самой людной улице города, против помещения «белладиз» (городское самоуправление) были расклеены листки бумаги с изображением христианского креста и со следующим текстом на арабском языке. Я предварительно горячо прошу у читателя извинения за грубость выражений, но я считаю необходимым передать таковые дословно, чтобы русское общество поняло бы всю гнусность этой чисто хулиганской выходки, оставшейся совершенно безнаказанной. Наверху креста было написано: «Тысячи испражнений пусть обольют эту мерзостную эмблему

христиан». По верхнюю правую сторону – «испражнения собаки да посыпятся сюда», по той же стороне внизу – «испражнения всех людей, в том числе и епископов армянского, халдейского и сирийского, пусть загрязнят эту часть креста». На левой верхней стороне – «испражнения свиньи да посыпятся сюда». На той же стороне внизу – «да будут прокляты отцы и дети тех, кто будет проходить мимо, не оплевывая этого креста»*!..

Все коллективные протесты христианских епископов Сеерта остались без результата. Власти удовлетворились чисто опереточным полицейским заявлением, что «преступник, несмотря на все усилия, не мог быть разыскан».

Еще проезжавшие через Сеерт европейские путешественники: в 1888 г. – француз Мюллер Симонис и в 1904 г. – русский полковник Томилов в своих записках отметили крайний фанатизм мусульманского населения этого города; с тех пор это темное чувство ненависти к христианам еще более усилилось. Ни один христианин этого сохранившегося словно чудом декоративного уголка древней Ассирии не смеет заниматься торговлей. Если он рискнет на это, он немедленно будет ограблен до нитки, а может быть, даже и убит.

Если положение армян Сеертского санджака представляется невероятно нелегальным и темным, то все же в этой темноте имеется слабый луч света: надежда на Россию, на помощь со стороны русских и европейских армян. В свою очередь, халдеи-католики могут думать, что их окончательного истребления не допустит Франция. Этих слабых и жалких надежд не имеют сирийцы-якобиты. Это – действительно всеми забытые люди, прозябающие в крайней нищете и невежественности, не имеющие поддержки буквально ни в ком, даже в своем высшем духовенстве, таком же, как и они сами, нищенски-бедном и темном.

* Я прилагаю точную копию с этого возмутительного по кощунственности воззвания.

Я был в их старинном убогом подземном храме в Сеерте. Да, не удивляйтесь, в церкви-землянке, в церкви-пещере, так как возвести настоящий каменный храм они не могут; у них нет на это ни средств, ни позволения турецкого правительства, которое всего 2 года тому назад не разрешило возвести в ограде этого первобытного храма даже дом для священника.

Тускло мерцали лампы перед двумя-тремя скромными образами; под низкими земляными сводами было темно, пахло сыростью; перед алтарем, прикрепленная прямо к каменному полу, теплилась поставленная кем-то грошевая тоненькая свечка; и странное чувство охватило меня; мне казалось, что я живу не в XX, а в III или IV в[еке] христианства, что за стенами этой скрывшейся в землю, темной, апостольски-скромной церкви царит враждебный, грозный гонениями и смертью мир... А старый священник, в черной рясе и черной чалме, тихо, словно на исповеди, шептал мне на-ухо: «Нам грозит обращение в ислам, если Россия, если христианские государства нам не помогут! За 10 лет только из одной моей епархии перешло в мусульманство 390 человек. И можно ли их винить? Подумайте, — за эти 10 лет на 2796 человек яacobитского населения пришлось 180 случаев убийств, десять наших церквей и две школы (а их всего-то было у нас шесть) разрушены курдами.

Наши дома и земли отняты, и мы не можем получить их обратно... Вы не хотите слушать про старое; ну, что же, я скажу вам и последние случаи. 8-го марта этого года мусульмане дер[евни] Гольги ограбили все яacobитские дома этого же селения, ограбили до-чиста и выгнали христиан вон: «Ступайте на поле, к собакам!». В ноябре 1912 г. в дер[евне] Звендик курды аширета Эрдили убили среди белого дня старшину-яacobита и затем ограбили деревню, 1-го декабря того же года курды аширета Пенджерон ограбили дер[евню] Корин, унесли с собою всё, даже платья женщин, даже соломенные маты, даже деревянные балки и

стропила домов... Власти? О, власти, когда мы к ним обращаемся, издеваются над нами, в лучшем случае посылают к курдам, ограбившим нас, одного жандарма требовать возвращения захваченного имущества... Я рассказал вам о трех-четырёх случаях, когда ограблена была вся деревня, но случаев единичных ограблений и убийств — слишком, слишком много. Нельзя так жить, нельзя, нельзя». И толстый, бородастый седой священник заплакал.

Тишина стояла в мрачном сыром подzemелье, погасла тоненькая свечка перед алтарем и стало совсем темно. И так отчетливо раздавался в этой тишине и мрак тихий плач старого униженного человека. Я поспешно вышел. Мне было стыдно, стыдно за то, что я европеец!..

П Тишина стояла в мрачном сыром подzemелье, погасла тоненькая свечка перед алтарем и стало совсем темно. И так отчетливо раздавался в этой тишине и мрак тихий плач старого униженного человека. Я поспешно вышел. Мне было стыдно, стыдно за то, что я европеец!..

У брата претендента на курдский престол

Редван, 2-го (15-го) апреля

.. Я уже собирался выехать из Сеерта в Диарбекир, как мне принесли нацарапанную карандашом на лоскутке бумаги записку на французском языке: «Бедер-хани Камель бей только что приехал в деревню N, где в доме халдейского священника он ждет ваших распоряжений». Мои «распоряжения» были, впрочем, весьма коротки, — велеть немедленно оседлать мою лошадь и под видом прогулки выехать в названную деревню. Я хотел поскорее увидеть этого внука знаменитого курдского бунтаря Багдыр хана, который вместе со своими старшими братьями Гуссейн пашой и Хассан беем является виновником начинающего в Битлисском и Диарбекирском вилайетах курдского брожения.

Несколько времени спустя я уже находился в небольшой и грязноватой комнате бедного священнического дома. Передо мной сидел среднего роста плотный господин в приличном европейском

костюме, с кожаными гетрами на ногах. Золотые очки, интеллигентное приятное лицо, плавная французская речь и приличные мягкие манеры совсем не напоминали того агитатора, который во главе полусотни вооруженных курдов объезжает вот уже несколько месяцев центральный Курдистан и ведет энергичную и страстную пропаганду восстания против турецкого владычества.

По словам моего собеседника, весь Курдистан охвачен сейчас острой и глубокой ненавистью к турецкому правительству. «Посмотрите, что сделали они с этой прекрасной и богатой страной, где еще в XV и XVI столетиях цвели искусства, литература и науки. Ничтожная и грязная сейчас деревушка – город Джебзире был во времена княжения наших предков азизан курдской Флоренцией, куда, как Медичи, стекались самые знаменитые ученые математики, астрономы, писатели и поэты Востока. Другая ветвь наших предков, которая правила Битлисом, дал в том же XVI веке известного историка и географа Курдистана Шереф-уд-дина, книга которого “Шереф Намех” до сих пор остается в этом отношении единственной. Читали-ли Вы описание путешествия в Курдистан в 1640 г. французом Tavernier²⁸? Он в восторженных красках описывает город Битлис, его дворцы, замок, мечети, базары; вы были в этом городе недавно сами и видели, что теперь он представляет собою грязную дикую трущобу. В Хизане, Моксе, Ширване, куда сейчас не доберется ни один путешественник, – потому что бесследно исчезли не только дороги, но и тропы, – еще в XVII веке существовали города, имевшие оживленную торговлю, которые славилась своими фруктовыми садами и своими минеральными богатствами, в коих существовали многочисленные школы, базары, мечети, странноприимные дома и бани.

В Хизане, например, одним из князей была выстроена мечеть, имевшая колонны из черного мрамора, при ней находилась

²⁸ Tavernier J.-B., Les six voyages en Turquie, en Perse et aux Indes, Paris, 1675. – В.П.

даже небольшая обсерватория... Где теперь всё это? Все грубо, варварски разрушено, расхищено, снесено с лица земли, все что соприкасалось с культурой, цивилизацией и что было ненавистно туркам»!

«Нет, – горячо продолжал Кемаль бей, – довольно с нас этого позорного рабства, довольно унижительного для человеческого достоинства ига всяких “иттилафов”, “иттихадов”* и просто турок. В особенности довольно с нас позорного правления юнионистов (Union et Progrès), которые заботились только о своих карманах и привели страну к ее настоящей гибели. Мы хотим свободного, независимого от грабежа и произвола турецкой администрации существования; чем курды хуже албанцев, почему албанцы имеют права на независимость, а мы нет? Пусть Европа не думает, что мечты о независимости родились только в нашей семье, что у курдов нет “национального” чувства, как это утверждают европейские ученые и путешественники. Сейчас – это неправда; если чувство патриотизма и любви к своей родине не существовало еще в XIX в., и благодаря этому отсутствию все попытки наших великих отцов и дедов были обречены на неудачу, то турецкая, в особенности младотурецкая политика разбудила за последнее время в курдах чувство национализма. И верьте мне, сейчас весь Курдистан, за исключением быть может Трапезундского и Эрзерумского вилайетов, готов к восстанию. Еще несколько месяцев назад, когда диарбекирские курды аширета покойного Ибрагим паша отправлялись на войну, они просили нас начать восстание; но мы не могли: не все еще было готово. На днях только я получил известие о том, что совещание курдских беков, созванное в г[ороде] Дехак (близ Моссула) шейхом Барзак, – единогласно решило присоединиться к движению бедерханистов. В том же смысле писали нам и курды

* Турецкие партии «Либерального объединения» и «Единение и прогресс».

округа Захо и Шейх-Нери, который имеет большое влияние на несториан.

В середине апреля в Ширване должен состояться окончательный съезд, на который прибудут все главные вожди курдов Битлисского, Диарбекирского и часть Ванского вилайетов. Нам нужно выяснить наши будущие отношения с Россией прежде всего, а главным образом, с Абдул-Резаком, который, не имея никакого права называть себя будущим князем Курдистана, рассылает всем аширетам письма-прокламации, в коих он уверяет, что пользуется официальной и широкой поддержкой России. Если эти уверения правда, то это очень печально, потому что курды не пойдут за Абдул-Резаком, не являющимся потомком Багдыр хана по прямой линии. Еще недавно курды сильного шейха Барзака отказались принять эмиссаров родственника и друга Абдул-Резака, шейха Сеид-Шаха, и открыто высказались против протектората России. Против последнего борется и знаменитый шейх Сеид-Али хизанский, и именно с целью убедить их не быть России враждебными созывается нами ширванское совещание. Почему мы хотим примирить их с Россией? Весьма понятно. Мы понимаем, что независимый, автономный Курдистан может существовать только и исключительно при поддержке и протекторате своей великой соседки; без этого – из нашего движения не выйдет ничего, и вот почему сейчас же, после ширванского съезда, я отправлюсь в Тифлис просить наместника Кавказа повергнуть к стопам Русского Императора нашу общую всех курдов мольбу о поддержке; вот почему мы хотим выяснить, насколько правдивы слова Абдул-Резака, что за "его спиной стоят русские штыки", ибо если это правда, то русское правительство стоит на ложном пути: за Абдул-Резаком кроме курдов округа Шемдонаки и аширетов, пограничных с Персией, не пойдет никто, тогда как за нами стоит весь Курдистан центральный и южный, вплоть до горы Синфара!»

Моя беседа с Кемаль беем, работающим во имя и в пользу своего старшего брата Берти паши (живет постоянно в Константинополе), закончилась его горячими уверениями, что бедерханисты не допустят курдов «бежать, грабить и преследовать армян; армяне будут пользоваться от нас самым широким и полным покровительством; все теперешние печальные недоразумения – результат натравливания курдов со стороны турецкой администрации; впредь этого не будет!»

Справедливость заставляет меня сказать, что, не сомневаясь ни одной минуты в добрых намерениях бедерханистов, я сильно сомневаюсь в том, что они окажутся в состоянии сдержать эти свои обещания. В словах Кемаль бея слишком много или невольного личного оптимизма, или сознательного преувеличения. Далеко не все курды названных им вилайетов пойдут за Бедерхани; я знаю, что остальные крупные шейхи, в род битлисского Фра-Дьяволо – Бешара Чабо, являются сторонниками Абдул-Резака, а не Бедерхани. С другой стороны, под влиянием инсинуаций турецких властей, пославших к курдам нескольких депутатов парламента (Февзи бей из Диарбекира, Содулла эфенди из Битлиса), значительное число курдов Диарбекирского и Моссульского вилайетов охвачены в отношении к России остро-враждебным чувством, и на этой почве произошел уже ряд вооруженных конфликтов между отдельными племенами. К тому же, курды, находящиеся под влиянием английских консульств Диарбекира и Моссулы, открыто требуют протектората Англии (напр[имер]: курды, Зобар, Атра и Дехака).

Все эти обстоятельства заставляют меня предполагать, что единства в курдском движении не будет, оно разобьется на несколько враждебных друг к другу течений, и именно в этом отношении турки работают усиленно. Что же касается армян, то их положение будет вполне напоминать пословицу: паны дерутся, а у

хлопов чубы болят, и хорошо только, если в общей неразберихе чубы их будут только болеть, а не слетит прочь и вся голова!

Р. С. Я не успел отправить еще эту статью, как получил известие о том, что курды, живущие по среднему Тигру, ниже Джебзирэ, открыто взбунтовались. «Келеки» (плоты), отправленные с товарами вниз из Диарбекира, были ограблены около Шкефта. Аширеты Рамони, Дераж, Дакшури и др[угие] отказались платить налоги. Правительство высказало полную уступчивость всем их требованиям, сменив, по их желанию, каймакамов в Джебзирэ, Мидаго и нескольких мелких административных чиновников. Дервишу Аги из м[естечка] Челек, который первый отказался платить подати и выгнал из своего округа всех чиновников, всемилоостивейше объявлено прощение... За этим известием пришло другое: курды – кизильбаши Дерсима, находящиеся на севере Харпутского вилайета, также отказались платить налоги на овец и давать солдат. Напомню, что в таких же точно формах началось и последнее албанское восстание.

21 мая 1913 г.

(От нашего специального корреспондента)

От Сеерта до Диарбекира

Диарбекир, 8-го апреля

«Вы не доберетесь до Диарбекира», – со всех сторон предупреждали меня в городе Сеерте, – «реки в этом году так разлились, что даже караваны не могут ходить, и вы рискуете где-нибудь застрять надолго или же вернуться обратно!» Я и сам сознавал, что шансов добраться благополучно до Диарбекира у меня было мало,

но мне страстно хотелось побывать в городе, которому еще римляне пророчески дали название «Черной Амидь», где мрачная и черная, как тот камень, из которого выстроены их дома, воля турецких ленивых и порочных чиновников держит в невероятно черном теле все христианское население, и я решил ехать на-удачу. Не задержали меня снежные мятежи и заносы, авось не задержит и полая вода!

От Сеерта до Диарбекира ведут две дороги: одна – горами через м[естечко] Зах, более тяжелая и длинная, но с меньшим числом рек, которые нужно переходить в брод, другая – нижняя, идущая почти все время параллельно течению Тигра, более сейчас опасная, зато короткая. Мы выбрали последнюю и на рассвете 3-го апреля тронулись в путь. То спускаясь, то взбираясь по пологим склонам унылых, лишенных растительности холмов, часа через два пути подошли мы к нашей первой переправе. В нескольких десятках саженой выше ее находился старый, массивной кладки каменный мост, – «горбатый», как и все мосты римской эпохи. Средний пролет его уже много лет назад обрушился в воду и хотя для того, чтобы сделать временный деревянный настил, не нужно было много труда и времени, – ни правительство, ни население об этом не позаботились.

Широко разлившаяся и вспененная река бурлила и катила свои мутно-кофейного цвета гребни с невероятной быстротой. Два местных курда-проводника быстро разделись до-нага и, взяв друг друга за руки, опираясь на толстые и высокие палки, отправились отыскивать брод. Постепенно погружались они в воду, которая бешено крутилась около них, стараясь свалить и стремительно унести их вниз, но сильные и ловкие горцы шли осторожно и уверенно...

Брод был, наконец, найден; вода достигала только до плеч человека. Пришлось раздеться и нам, и сесть в таком виде верхом на лошадь, которую вели под уздцы вернувшиеся обратно про-

водники. Нерешительно, все время боком не то шли, не то плыли наши кони, и, право, временами казалось, что мы подхвачены сильным течением, уносящим нас, словно ничтожную жалкую щепку; кружилась с непривычки голова и быстро плыл мимо нас вверх противоположный берег. Постепенно река становится мельче, фыркающие кони ступают увереннее, еще немного – и мы уже на твердой земле. Смущаясь, под бесцеремонно-любопытными взглядами небольшой кучки армян, подошедших к переправе, я быстро одеваюсь, и, обретя вместе с европейским костюмом европейскую развязность, вступаю с ними в разговор.

– Откуда вы?

– Из Зах, часа три отсюда. Пришли сюда нарочно, чтобы тебя встретить; ждали еще вчера.

Знакомый наш был в городе (Сеерте), пришел в деревню и говорит, что русский офицер прилетел с казаками на воздушной машине и должен потом в Тигранакерт (Диарбекир) поехать, вот мы и пошли тебя встречать!..

О моем приезде в Сеерт создалась уже целая легенда: прилетел на аэроплане с казаками (казак – это мой кавас, – неуклюжий и простодушный Манук, одетый в черкеску и с кинжалом у пояса), и едет «переписывать» армян, чтобы принять их потом в русское подданство. Этот рассказ я слышал потом на всем моем пути. «Хорошо, – говорю в одной деревне, – пусть будет по вашему, только причем же здесь аэроплан? Зачем же мне было на нем лететь, когда я мог просто верхом приехать?»

Смотрят недоверчиво и укоряюще: – что ты шутишь с нами, что-ли; кто же теперь, когда горы завалены тающим снегом, может верхом или пешком по ним пробраться.

– А я вот пробрался.

– Ты что же это нам рассказываешь, ты это туркам говори!..

Поздно вечером добираемся мы до небольшой курдской деревушки Саартан. Здесь мой «кашерджи» (погонщик лошадей) решил ночевать. Посланный заранее жандарм отыскал лучший дом, но все же там стояли такие невероятные грязь и вонь, что я решил провести ночь на плоской земляной крыше – благо стоит теплынь, словно летом.

Разостлали ковер. Манук покрыл его буркой, и с наслаждением растягиваюсь я на нем в ожидании ужина: консервов и молока. Стая малышей-ребятишек, грязных, всклокоченных, в невероятно рваных рубашках, но все же живописных и славных в своем наивном и жадном ребяческом любопытстве, обступила меня со всех сторон. Вынимаю из чемодана горсть леденцов, кидаю им их, и моментально, словно испуганные воробьи, они разлетаются с писком и криком во все стороны; ободряемые старшими, несколько смельчаков возвращаются обратно, быстро схватывают лежащую на крыше конфету и снова отбегают назад. Убедившись, что в брошенной бумажке содержится что-то сладкое, все остальные становятся смелее, и через несколько минут от их назойливости нет уже покоя...

Я лежу на ковре и с любопытством слежу, как присоединившийся к моему каравану армянин, богатый купец из Алеппо, приготовляет себе ужин. В жестяной чашке он растолок сначала несколько головок чеснока, налил затем туда молока, прибавил воды, крошил сухого хлеба, посыпал перцем и солью и стал с аппетитом есть это месиво, закусывая зеленым луком.

Частый и мелкий холодный дождик разбудил меня, когда едва еще брезжил свет. И мы трогаемся в дальнейший путь по дороге, превратившейся за ночь в вязкое и липкое тесто. Все дальше и дальше уходят от нас горы, и мы едем теперь по широкой, чрезвычайно плодородной и населенной равнине. Часов через шесть, вымокнув буквально до костей, мы подходим к [реке] Бакири-Су, где нам предстоит переправляться на «келек'е». Келек,

это – небольшой жидкий плот, который наслан на нескольких бурдюках, надутых воздухом. Скверная погода заставила хозяина «келека» укрыться в деревню на противоположном берегу, и в течение двух слишком часов мы напрасно стараемся криком и выстрелами из револьверов привлечь его внимание.

Но вот проглядывает солнце, и вместе с ним, к общей нашей радости, показывается владелец плота. Прибежавшие из ближайшего селения курды помогли оттянуть келек на несколько десятков саженей вверх и перенесли на него наши выюки и седла. Два дюжих, мускулистых армянина становятся на весла, двое других садятся на конец плота, держа на узде лошадей, которые должны следовать за нами в плыв, и наш зыбкий, качающийся келек бешено несется вниз. Покрасневшие от натуги гребцы с трудом направляют его к берегу, и мы пристаем в 50-60 саженях ниже того места, откуда отплыли. Впервые в моей жизни мне пришлось переправляться подобным образом через бушующую, словно в неистовстве, реку, и я испытал такое же сильное, остро захватывающее впечатление, которое пережил ребенком, когда в первый раз мне пришлось скатиться с высоких американских гор.

Это была наша последняя «опасная» переправа, остальные реки или не были глубоки, или же на них были лодки. От Бакири-Су, перевалив последние невысокие отроги, мы идем по низменной равнине Бешери, бывшей когда-то житницей Армении, и где теперь армяне влачат полуголодное существование. Больше, чем где-либо здесь видны следы постепенного исчезновения когда-то господствовавшего в этом крае армянского элемента. Названия деревень еще остались армянские, но население их уже курдское, и немногочисленные армянские дома буквально распылены в сплошной курдской массе, прочно осевшей здесь после резни 1895 года. Но и те армяне, которые тут остались, забыли совершенно свой родной язык и говорят исключительно по-курдски; только благодаря школам, открытым 2-3 года тому назад, подрастающее

поколение начинает знакомиться со своим национальным языком. По собранным мною сведениям, в Диарбекирском только вилайете число армян, говорящих по-арабски и по-курдски, в 1912 году достигало 26.240 чел[овек]*.

... Чем дальше на запад, тем сильнее чувствуется знойное дыхание Месопотамии; изменился и характер построек, в которых заметно отразилось арабское влияние. В полдень, на пятый день пути, спустившись с зеленых холмов левого берега Тигра, мы проходим по широкому мосту на правый и по прекрасному, пролегающему среди цветущих садов, шоссе поднимаемся на высокую базальтовую скалу, на которой гигантским параллелограммом высятся до сих пор величественные стены и башни «Черного Города»!..

22 мая 1913 г.

(От нашего специального корреспондента)

По следам преступлений

Диарбекир, 15-го апреля

Когда я еще находился в Битлисе, местный вали, бывший министр полиции, Али паша спросил меня в присутствии русского консула г[осподина] Ширкова о том, куда думаю я ехать из Битлиса?

– В Диарбекир, – ответил я.

– В таком случае я запрошу мутесарифа г[орода] Сеерта – открыты-ли дороги? Сейчас реки страшно разлились, и лучше узнать предварительно, возможно-ли проехать?

* Округ Сильван 2.214 домов, 18.302 чел[овек]; округ Бешери 951 д[омов], 5.874 ч[еловек]; округ Мидад-Джезире 325 д[омов], 2.065 ч[еловек].

Мне осталось только поблагодарить Али пашу за его внимание и любезность. Накануне моего отъезда консул получает от вали официальное письмо, в котором последний извещает, что запрошенный им по телеграфу мутесариф ответил, что не только дороги на Диарбекир непроходимы, но что и сообщение между Битлисом и Сеертом со вчерашнего дня прервано, и на основании этого он, вали, просит убедить меня отказаться от бессмысленного и опасного путешествия.

В ответ на это, 27-го марта я выехал из Битлиса и после страшно, правда, утомительного, но совершенно безопасного путешествия, в котором ни «большая вода», ни «разлившиеся реки» повинны не были, потому что их вовсе на моем пути и не встречалось, я благополучно добрался 29-го числа до Сеерта.

Здесь я узнал, что дороги на Диарбекир хотя и опасны, но проходимы и что за несколько дней перед тем в этом направлении уехало несколько местных путешественников. Удивленный этими сообщениями я при первом свидании с мутесарифом спросил, почему же он телеграфировал вали, что все пути сообщения с Диарбекиром закрыты?

— Ничего подобного,— был ответ,— я, наоборот, телеграфировал, что дороги на Диарбекир хотя и не безопасны, но открыты!..

Уже потом, когда я выехал из белоснежного, вылепленного из гипса Сеерта и находился на пути в «Черную Амаду»,— современный Диарбекир,— я понял, что со своей точки зрения битлисский вали был прав, желая заставить меня отказаться от этого путешествия. С момента своего выезда из Сеерта я ехал все время по следам свежих преступлений. Особенно много было их в округах Харзан и Бишери. Несколько раз в течение всех пяти дней моего путешествия я встречал путников-армян, ограбленных на дороге, иногда за час за два до встречи со мной; не было армянской или сирийской деревни, которые я проезжал, чтобы мне не пришлось лично увидеть дома ограбленные до-чиста курдами за

несколько дней перед моим приездом, где мне не пришлось бы занести в свою записную книжку имена избитых, раненых и убитых. Особенным неистовством отличились в этом отношении курды эширета Пенджена в округе Харзан и аширеты Делавар, Рамани и Хафиз-Бени и др[угие] в Бишери.

О шейхе харзанских курдов Бешар Чато создались даже целые легенды, рисующие его каким-то курдистанским Фра-Дьяволом, безжалостно преследующим, грабящим, насилующим, словом, творящим всевозможные мерзости и преступления исключительно над христианами. Турецкое правительство неоднократно посылало «карательные» отряды с целью арестовать Бешара, но каждый раз он, как и настоящий Фра-Дьяволом, оказывался неуловимым. Действия одной из таких экспедиций против Бешара Чато я наблюдал при своем проезде.

В местечко Зох прибыл из Битлиса батальон, командир которого немедленно выслал несколько взводов, сопровождаемых жандармами, для обыска всех окрестных селений, в которых, по его сведениям, мог скрываться курдский разбойник-шейх. Обыски не привели, конечно, ни к чему, и в то время, когда отряды возвращались обратно в м[естечко] Зох, и начальники их телеграфировали центральному правительству, что Бешар Чато канул, как в воду, последний перед самым носом солдат подстреливает двух жандармов-армян и производит вооруженный грабеж на большой дороге, всего в получасе расстояния от Зоха. Больше того, «бежавший из пределов вилайета», как уверяли меня каймакам Зоха и командир батальона, Бешар Чато пишет лично мне письмо, в котором приглашает меня остановиться на пути в его селении Ангэсер, обещая оказать самое широкое гостеприимство. Я получил его при следующих оригинальных обстоятельствах. Переваливая через высокий горный хребет, лежащий между р[екой] Тигром и м[естечком] Зох, я встретил группу из 4-5 человек армян, шедших в одном нижнем белье. Едва эти странные путешественники увидели

наш караван, они бросились к нам навстречу и со слезами стали рассказывать, что всего в получасе расстояния отсюда их ограбил, раздев до нага, Бешар Чато. Успокоив, как мог несчастных, я продолжал путь. Действительно, не успели мы отъехать и 20 шагов, как за холмом показался вооруженный курд. Инстинктивно оглянулся я назад и вижу, как мой Кавас Манук вынул из деревянной кобуры свой пистолет Маузера и уже взводит курок.

— Что ты делаешь?— крикнул я ему.

— Стрелять будем. Чато грабит тибэ будит!..

«Стрелять», однако, не пришлось: ожидавший нас курд положил ружье на камень и, сделав несколько шагов нам навстречу, передал мне письмо с самым почтительным и низким «сельмом»...

Другой такой отряд Романли, направлявшийся в экспедицию против Аширета, я встретил уже под самым Диарбекиром; храбрый жандармский капитан наивно рассказал мне, что он «не знает, что ему делать, потому что, хотя до м[естечка] Шкефта, цели их экспедиции, осталось еще 3 дня пути, но уже теперь его люди отказываются дальше идти».

Правительство само прекрасно сознает всю бесполезность посылки против курдов различных больших и малых карательных отрядов и старается действовать иначе — путем или подкупов, или панмусульманской агитации. С последней именно целью только что объезжали Средний Курдистан (район между Таврижскими горами на севере и р[екой] Тигром на юге, и между Диарбекиром на западе и Сертгом на востоке) два депутата-младотурка, диарбекирский Февзи бей и битлисский Содулла эфенди.

Совершенно случайно маршрут их поездки почти совпадал с направлением выбранного мною пути, и я, так сказать, шел по их следам, отстав от них только на несколько дней. Благодаря этому, я имел возможность собрать много документальных данных и убедиться в том, что деятельность названных депутатов турецкого парламента среди курдов носила явно преступный характер. Под

видом советов о необходимости тесного объединения между курдами и турками на почве ислама, они недвусмысленно даже, а открыто возбуждали курдов против христиан, обвиняя последних в том, что те погубили Турцию, что, благодаря поддержке России и других христианских держав, «балканская райя» (подлинное выражение Февзи бей) могла отнять у Турции ее вековые владения. Россия, по их словам, виновата, кроме того, еще в том, что, не довольствуясь унижением Турции на Балканах, она работает в этом же направлении и здесь. «Это она подкупила Абдул-Резака, шейха Сеид-Шаха и друг[их] для того, чтобы они начали восстание; она посылает всюду своих эмиссаров, агентов и переодетых офицеров, разъезжающих по Курдистану и старающихся поднять курдов против Турции».

Такие речи Февзи бей держал во многих селениях (Синане, Зерджиле, Зохе и Азеке). В унисон ему вторил и другой депутат, Садулла эфенди, который объезжал курдов в сопровождении сына битлисского вали и известного курдского разбойника, проживающего сейчас на заслуженном покое в Битлисе, Юсуф паши.

В результате этого объезда, во всем вышеназванном районе вспыхнуло массовое разбойничество курдов против христиан, и, словно одних грабежей и насилий было недостаточно, — начались убийства. Исполняющий должность английского консула в Диарбекире дал мне копию с того списка преступлений, который он вручил вали Диарбекира и который является, по его утверждению, прямым следствием путешествия и агитации обоих депутатов.

Не отрицают этого и сами курды; и не только простые, грубые и невежественные дикари, но и их предводители, шейхи и беки говорили мне, что «раз европейские христиане привели Турцию к гибели, то их долг, как хороших и правочерных мусульман, мстить христианам за это, Европа далеко от нас, и мы мстим потому тем, — кто близко!»

Сын ренегата, отличающийся своей нескрываемой враждебностью к христианам, крайне грубый и злобный Джелал бей, вали Диарбекира, когда я ему высказал в присутствии местного французского консула M[onsieur] Talansier все эти мои обвинения, ответил мне, что грабежи, насилия и другие преступления курдов ничего общего не могут иметь с речами Февзи бея, даже «если допустить, что курды его не поняли». Находящиеся у меня документы заставляют меня согласиться с мнением г[осподина] Talansier и[сполняющего] д[ела] английского консула, что, наоборот, сильная вспышка преступлений в Диарбекирском вилайете и Сеертском санджаке является результатом этих речей, и что Садулла эфенди и Февзи бей были прекрасно и верно поняты. Вот один из фактов; 14-го апреля н[ового] ст[илия] курды прислали старшине халдее-католической деревни Пирос письмо следующего, приблизительно, содержания: «Султан прислал нашим депутатам фирман истребить всех христиан. Мы решили взять с вас выкуп; предупреждаем, что если Вы не пришлете нам 50 тыс[яч] лир, то будете все убиты!» Копия этого письма была прислана мне.

Я кончаю настоящее письмо тем, чем его начал: — мне совершенно понятен теперь образ действий битлисского вали, который не остановился перед ложью и перед подделкой телеграммы. Бывший министр полиции прекрасно знал, что я буду ехать по свежим следам преступлений!

29 мая 1913 г.

Армянская интеллигенция о поездке

Т. Ольгенина в Армению

I

Тифлис, 26-го мая

Представители разных слоев армянского общества: литераторы, члены культурных обществ, учителя и женщины, приносят «Биржевым ведомостям» глубокую благодарность за командировку в Анатолию г[осподина] Т. Ольгенина, собравшего много ценных сведений о крае, населении его и о нынешнем политическом состоянии его.

Уполномоченные от имени 150 лиц:

Хатисов, Калантар и Аракелян

II

Тифлис, 28-го мая

Вчера в театре артистического общества при громадном стечении публики, представителей всех слоев сословий армянского общества, в присутствии помощника кавказского наместника генерала Шатилова, русских офицеров и чиновников, корреспондент «Биржевых ведомостей» г[осподин] Т. Ольгенин прочел реферат о своем путешествии по Турецкой Армении.

В трехчасовой иллюстрированной картинами лекции г[осподин] Ольгенин описал безвыходное положение христианского населения Армении, подверженного опасности полного исчезновения, и несокрушимые упования армян на Россию. Далее лектор, изложив сущность армянского вопроса, роль и великую миссию России в Армении, пропаганду Англии и Германии в Малой Азии против России, описал курдское движение против армян.

Тысячная аудитория армян уполномочила нас выразить благодарность редакции «Биржевых ведомостей».

Тифлисский городской голова Хатисов, редактор газеты «Мшаю» Калантар и редактор журнала «Арор» Аракелян.

29 мая 1913 г.

(От нашего специального корреспондента)

В столице Южного Курдистана

Диарбекир, 18-го апреля

Город религиозных культов, крайнего невежества и крайней же нетерпимости, — вот что представляет собою столица Южного Курдистана, как называют Диарбекир многие иностранные и русские путешественники.

Выстроенный в глубокой древности* на краю базальтовой гряды, круто свешивающейся над правым берегом Тигра, он обнесен толстой и высокой (20 метр[ов]) стеной, имеющей семьдесят две башни и четверо грандиозных и величественных ворот; на некоторых из них сохранились еще каменные кружева куфических надписей — вечерние молитвы Османлиса и имена строителя стен и его учеников. Центр былого страстного соперничества римлян и персов, он отразил на своих стенах, башнях и воротах все перипетии этой вековой борьбы, и до сих пор на Мардинских воротах виднеются барельефы с изображениями византийского двуглавого орла и персидских львов.

* Происхождение его теряется во мраке до-христианской эпохи. Армянские летописи приписывают его основание своему царю Тиграну I. Современная наука это отвергает, предполагая, что он существовал еще за два века до Тиграна. Стены и башни были выстроены римским императором Константином.

От римлян осталось до наших дней и название «Черная Амида», и сами турки еще недавно писали в своих учебниках географии, что «в этом городе все окрашено в черный цвет, и дома, и собаки, и сердца его жителей!»

Собаки — теперь, правда, исчезли, их велел всех отравить городской голова, чрезвычайно гордый этой «реформой, которую он провел по образцу Константинополя», но относительно домов и людских сердец, я могу подтвердить, что турецкая пословица не ошибается: они, действительно, черны. Другая особенность Диарбекира — это невероятная смесь языков и наречий, на которых здесь говорят. Проходя по местному базару, можно подумать, что находишься в библейском Вавилоне, ибо кругом раздается речь курдская, турецкая, арабская, армянская, сирийская, нео-сирийская, еврейская и, наконец, очень часто, английская и французская (миссионеры)!

Вавилон по языку, Диарбекир, вмещающий в своих массивных черных стенах население всего-то на всего в 48.000 человек, является, быть может, единственным городом мира, в котором заключалось бы столько высших представителей различных, главным же образом, христианских вероисповеданий. Здесь имеют свои кафедры епископы: армяно-грегорианский, армяно-католический, сирийско-якобинский, сиро-католический, халдее-католический, греко-православный; прелаты — протестантский и мельхитистский; муфтий — мусульманский и раввин — иудейский. Сюда надо прибавить также — иезидов, цыган-язычников и различные мусульманские таинственные секты («али-алла», «шамзи» и др[угие]), которые хотя и не имеют официально-признанного духовенства, но все же насчитывают в числе жителей города некоторое число adeptов.

... Я приехал в этот разноязычный и разноверный город в Вербное Воскресенье, которое армянами празднуется в один день с православными. Праздник, послеобеденное время и дивный сол-

нечный день выманили за город все христианское население, и серые зубцы старых толстых стен и башен были унижены, словно цветными бусами, яркими шальями и платками местных красавиц. Толпа мужчин во всевозможных костюмах и красных фесках двигалась взад и вперед по широкому шоссе, окаймленному с обеих сторон зеленым багетом цветущих садов. Неожиданное появление среди этой праздничной толпы европейца, сопровождаемого двумя жандармами и кавасом, одетым в кавказскую черкеску, произвело невероятное впечатление; после нескольких минут удивления, вся толпа двинулась за мной вслед, постепенно увеличиваясь с каждым моим шагом. Глубоко смущенный и недовольный произведенным, помимо моего желания, эффектом, я не знал, что делать и, признаюсь, думал: не повернуть ли мне, несмотря на мою усталость, обратно, чтобы в ближайшей деревне переждать наступления вечера и тогда уже незаметно и скромно войти в город.

Совершенно неожиданно из толпы вдруг выдвинулся стройный молодой человек в давно мною уже невиданной мягкой черной шляпе и на чисто-русском языке, без малейшего акцента, обратился ко мне: «Я послан товарищами, чтобы встретить и проводить вас до приготовленной для вас квартиры». Настала моя очередь оцепенеть от удивления: «Да кто вы такой, русский», – мог я ему только ответить, забыв даже с ним поздороваться.

– Нет, армянин, но учившийся в России, и бывший московский студент.

К многочисленным языкам, которые раздаются на улицах Диарбекира, прибавился, таким образом, и русский!

На следующий день утром я отправился с визитом к единственному сейчас в Диарбекире представителю европейских держав* французскому консулу M[onsieur] Talansier. Чрезвычайно

любезный и внимательный, французский дипломат предложил мне немедленно переехать в консульство, дружески пожурился за то, что я не сделал этого сразу.

– Присутствие в моем доме русского журналиста доставит мне искреннее и большое удовольствие. Вы уже видели, что это за город, какие условия здесь жизни? После двухлетнего пребывания в Диарбекире я отправился в отпуск во Францию, с тем, чтобы более не возвращаться, однако обстоятельства заставили меня прервать мои каникулы и возвратиться обратно на свой пост.

Я считаю, что со времени возобновления балканской войны положение христиан в этом вилайете стало угрожающим. Уже несколько раз готова была вспыхнуть резня и только страх перед Россией остановил ее. Это мое твердое, глубокое убеждение, которого я не скрывал перед своим министерством. Боязнь России – уверенность, что в 24 часа она овладеет всем этим краем, разделяется здесь всеми, и турками, и курдами (в особенности), и христианами. Ваш приезд сюда вызвал целую бурю. Никто не хочет верить, что вы – обыкновенный журналист, командированный либеральной притом редакцией, а не объезжаете Армению и Курдистан с секретным поручением правительства. Больше всего убеждены в этом сами турецкие власти, которые чувствуют за собой ряд возмутительных проступков в отношении христиан, дрожат перед вмешательством России. Поэтому я считаю долгом предупредить вас, что вы должны ожидать от местных властей, в особенности со стороны самого вали, всевозможные затруднения, неприятности, преследования и грубые, неприличные выходки. Вас не только окружают самым строгим надзором и шпионством, но будут провоцировать, чтобы иметь возможность предъявить к вам какие-нибудь обвинения.

* 80-х годах г[осподина] Якиманского консулом в Алеппо, к глубокому сожалению, закрыто.

Предвидя это, я послал уже сказать вали, что вы — гость французского консульства и пользуетесь полным покровительством последнего. С другой стороны, ввиду того, что вам необходимо будет сделать официальные визиты как властям, так и христианским епископам и нотаблям города, я буду рад, если вы пожелаете сделать их в моем обществе!..

Нечего говорить, что мне оставалось только сердечно и горячо поблагодарить французского консула за его внимание и поддержку. Последующие дни моего пребывания в Диарбекире показали, что все предположения и предсказания M[onsieur] Talansier оправдались, и, только благодаря его энергичному образу действий, все интриги и козни местных властей заставить меня немедленно покинуть турецкую территорию, окончились полным моим торжеством. Я пользуюсь случаем, чтобы на страницах русской газеты, по поручению которой я совершал свое тяжелое и долгое путешествие, еще раз выразить представителю прекрасной и рыцарской Франции в Диарбекире свою глубокую признательность.

Я не буду передавать читателю дословно мои долгие беседы с хорошо осведомленным и гостеприимным моим хозяином. Они касались, главным образом, положения христиан в названном вилайете.

Впечатления г[осподина] Talansier были крайне безотрадны. «Турецкого правительства здесь нет, есть только невежественные, фанатичные, бесчестные и неспособные чиновники, которые живут здесь ради получения жалованья, не имея никакого авторитета, пресмыкаясь и унижаясь перед чернью. Накануне нашего приезда, вали был публично, когда он проезжал по базару, обруган толпой. Все, самые даже дерзкие, требования курдов беспрекословно властями исполняются, и любой курдский шейх может безнаказанно выгнать из города любого турецкого чиновника. Общественной безопасности — нет; людей (конечно, — исключительно христиан) режут, словно кур. Защиты и справедливости в

судах, для христиан нет, и я подтверждаю их утверждения, что христиане живут под вечным страхом резни. Я считаю крайне необходимым присутствие здесь русского и английского консулов, и я в своих рапортах неоднократно на это указывал, более того, когда мое министерство запросило меня, считаю-ли я нужным для интересов Франции существования нашего консульства в этом городе, я ответил, что если даже прямые интересы Франции этого не требуют, то оно необходимо во имя человеколюбия и гуманности!»

31 мая 1913 г.

(От нашего специального корреспондента)

Турецкие памятники

Диарбекир, 20-го апреля

Затерявшаяся в грязном лабиринте узких и скверно пахнущих переулков мусульманского квартала Диарбекира, находится одна из достопримечательностей этого города — греко-православная церковь, основанная, как меня уверяли, 1.200 лет тому назад. Насколько это утверждение основательно, проверить мне, к сожалению, не удалось; невежественное, почти безграмотное и страшно приниженное ее духовенство не знает ничего о прошлом своего храма, не сохранилось также и никаких архивов, записей или рукописей. Многочисленные перестройки исказили совершенно и первоначальные стиль и план церкви, и от седой древности остались только обломки капителей двух колонн. Я долго стоял перед этими, замазанными сейчас в грубую кирпичную стену осколками тонкого, высеченного рукой гениального художника, мраморного кружева; они одни уцелели от общего разрушения и падения, они одни напоминали не только о том, какого расцвета достигло здесь в первые века христианство, но говорили и о той высокой и

художественной культуре и цивилизации, которые цвели в Малой Азии до вторжения в нее оттоманов. С грустным чувством вышел я из церкви, где вся обстановка напоминала только о бедности, неяркости и запустении. Еще более тягостное впечатление осталось у меня после разговора с духовенством и представителями прихода.

Между ними, с одной стороны, и греко-православным епископом Мелетием, с другой, — идет ожесточенная и доходящая до крайнего неприличия распря. Причина ее — та же, что и всегда в этих случаях на востоке — деньги. Пятьдесят лет еще назад русский синод стал отпускать на содержание православной церкви в Диарбекире и школы при ней — сорок тысяч лир ежегодно. Вот эти-то деньги и послужили два года тому назад яблоком раздора между епископом и его паствой, окончившегося тем, что русское консульство в Алеппо передало эту субсидию в распоряжение антиохийского патриарха Григория (бывшего недавно в Петербурге), который разрешил спор по-Соломоновски: оставил деньги у себя! Все просьбы прихожан о возвращении им субсидии оставляются патриархом без ответа. Виноват, один раз его святейшество все же ответил на коллективное заявление общины, что ввиду отсутствия средств им придется закрыть школу, ответ пришел лаконический: закрывайте! И вот уже 2 года старый храм стоит без ремонта, весь грязный и обветшалый; постройка новой церкви приостановилась, школа закрывается, так как приход, состоящий всего из 60-и домов, не имеет средств ее содержать.

Всего в 20-30 саж[ень] далее, на противоположной только стороне улицы, находится другой христианский храм, такой же древний, принадлежащий вероисповеданию, которое когда-то было здесь господствующим, — храм сирийцев-якобитов. Передавать ли впечатления моей беседы с их епископом Атанасом Томи, красивым и моложавым человеком, тип которого ясно говорил о его ассирийском происхождении. Те же взаимные ссоры с при-

хожанами (800 домов), интриги, сплетни, жалобы и сетования на незаконные захваты мусульманами земель, на турецкое своеволие и собственное бесправие, нищета и темное-темное невежество. Достаточно сказать, что в их школах нет даже печатных азбук, и дети учатся грамоте по прописям, нацарапанным учителями на лоскутках бумаги!..

Совершенно иначе обстоит дело у католиков. И они, правда, разделены на несколько совершенно самостоятельных церквей, армяно-католическую (2.500 чел[овек]), халдее-католическую (300 домов) и сиро-католическую (всего 35 домов)*, но каждая из них имеет прекрасный, выстроенный с помощью Рима, каменный храм, несколько школ, и духовные потребности их обслуживаются значительным числом священников, стоящих как по своему образованию и подготовке, так и по материальным условиям несравненно выше представителей всех прочих религий, в том числе и армяно-грегорианской. Прежде всего, каждый священник получает из особого фонда в Риме ежедневно по одному франку для того, чтобы «служить мессу»; помимо этого, из Италии, Австрии и особенно из Франции, различные конгрегации католической пропаганды посылают на содержание духовенства значительные суммы денег.

Справедливость требует сказать, что и сами прихожане радеют больше других христиан о своей церкви, завещая последней очень часто значительные имущества и делая крупные пожертвования. Само собой понятно, что материальная обеспеченность духовенства отражается и на интеллектуальном уровне последнего. Покровительствует католикам и турецкое правительство. Жалобы их епископов выслушиваются более внимательно и иногда даже удовлетворяются; хотя, с другой стороны, еще два года тому назад турецкие власти не разрешили сиро-католикам выстроить в округе Бешери новые церкви. Весьма неравномерно распределяются пра-

* Я сообщаю цифры исключительно городского населения, а не во всем вилайете.

вительством и ассигнования на христианские школы (официально – субсидия для содержания учителя турецкого языка); в то время, как халдее-католики получают 200 пиастров в месяц (16 руб[лей]), а сиро-католики имеют 180 п[иастров], армяне-католики довольствуются уже 120, а якобиты – всего 85 п[иастрами]; православные не получают ничего.

Некоторое внимание, которое крайне грубый, необразованный и фанатичный вали Диарбекира оказывает, благодаря давлению французского консула, христианам-католикам, в действительности сводится на нет, благодаря печальному и постыдному угодничеству местных архипастырей. Двое из них, епископ сирийский Петр Морут Тополь и армяно-католический, могут оправдать свою слабость еще своей дряхлостью и старостью, но епископ халдейский Сулейман не имеет и этого оправдания, и, по словам французского консула M[onsieur] Talansier, печальное поведение последнего неоднократно толкало турецкие власти на новые грубые и дикие выходки. Совершенно противоположный им тип в этом отношении представляет епископ армяно-грегорианский Завено, который один только решался и решается выступать перед местными властями с энергичной и твердой защитой своей паствы.

А она действительно в Диарбекирском вилайете в этом нуждается больше чем где-либо. Позвольте мне привести в доказательство несколько сухих, но убедительных цифр. На 6 существующих в диарбекирской епархии армянских монастырей и 98 церквей имеется разрушенных монастырей два и церквей – 59. Тридцать семь армянских домов в городке, 87 виноградников, 5 мельниц и тысяча сто сорок семь земельных участков силою отобраны у армян курдами, причем в десяти деревнях Сильвенской казы и в 3-х в Бешери все крестьяне выгнаны из селений, которые поступили в собственность курдов. С конца 1911 по апрель 1913 г. убито на политической или религиозной почве 16 мужчин и 1 ар-

мянская женщина, соращены в мусульманство 4 женщины и 3 девушки.

Насколько открыто и безнаказанно совершаются в Диарбекире убийства христиан, в частности армян, показывает недавний случай с убийством видного армянского общественного деятеля Ханно Казарияна. Несмотря на то, что всем в городе было известно, что он был убит по приговору комитета « Union et Progrès », и что револьвер для преступления был дан ех-депутатом парламента младотурком Февзи беем, турецкие власти арестовали и продержали долгое время в тюрьме армян, ближайших родственников убитого. Справедливость этого возмутительного случая подтверждена была мне как французским консулом M[onsieur] Talansier, так и миссионерами.

Окончив свои обязательные визиты, я вместе со своим любезным и внимательным спутником M[onsieur] Talansier отправился бродить по «Черному Городу». Апрельское солнце склонялось уже к западу, но все еще дышало зноем, которого не знает иногда и северное лето.

Пройдя кишащие разноязычной толпой базары: ряды открытых лавок, мы кривыми закоулками спустились к главной мечети. Огромный двор ее окружали высокие, теперь разваливающиеся, стены, прорезанные многочисленными легкими и смелыми арками. Вся верхняя часть стены была покрыта чудным, художественно-прекрасным узором странных, наполовину еще неразгаданных надписей*. И жаль было видеть эти позолоченные солнцем, причудливые арабески, этот дивный памятник арабского искусства в его состоянии постепенного и верного разрушения.

* Их сфотографировал и напечатал в своей книге « Voyage de Bagdad à Mésopotomie » известный французский археолог, теперь покойный генерал de Beglié.

— Видите, — сказал мне M[onsieur] Talansier, — турки разрушают не одни только христианские церкви, но и свои собственные художественные памятники...

Мы шли уже домой, когда мой спутник обратил вдруг мое внимание на дверь одного частного дома. Толстая дубовая дверь скованная местами железными скрепами, была в нескольких местах глубоко пробита каким-то острым и широким орудием.

— Знаете, что это такое? — спросил он меня. — Это следы армянского погрома и резни, устроенных турками в 1895 году. Большинство старых армянских домов сохраняет их еще до сих пор. Вы спрашивали меня, когда с обидой смотрели на разрушающиеся церкви и мечети, какие же памятники сохраняют, наконец, турки? — Вы видите их теперь перед собой!..

5 июня 1913 г.

Мои мытарства

Я заранее прошу у читателя снисхождения за то, что займу на этот раз его внимание описанием моих личных невзгод, мытарств и неприятностей. Я делаю это только потому, чтобы русское общество знало, чему может подвергнуться в современной Турции европейский журналист, осмелившийся приподнять таинственную занавес, скрывающую за собой дикое, невежественное и дышащее злобной нетерпимостью средневековье.

Начались мои «недоразумения» в Диарбекире. Хотя я и был предупрежден французским вице-консулом в этом городе, M[onsieur] Talansier, что местный вали — человек крайне грубый, невоспитанный и пылающий ненавистью к христианам, вообще, и к России, в частности, но все же я был до крайности удивлен, когда во время моего визита, который я сделал вали в сопровождении консула, представитель турецкой власти с первых же своих слов

заявил мне, что он советует мне «как можно скорее покинуть пределы Диарбекирского вилайета»!

«Вот как! Почему же это паша?»

«Потому что вам делать здесь нечего. Здесь не Битлис и не Ван, где высшие власти закрывают глаза на то, что некоторые державы наводнили край своими агентами, мутящими армян и курдов»!

Раздраженный этой дерзостью, я резко заметил зазнавшемуся генерал-губернатору, что он прав, что «его вилайет не Ван и не Битлис, по крайней мере я не видал там никаких агентов, возбуждавших населения, здесь же — я ехал все время по следам преступной антихристианской агитации, поднятой его же, вали, ближайшим другом и советником б[ывшим] депутатом Февзи беєм».

Не ожидавший этой отповеди, крайне смущенный и моментально сделавшийся необыкновенно любезным, Джелал бей попытался было указать, что «я введен в заблуждение злонамеренными людьми, которые извратили, дескать, слова и заявления Февзи бея».

«Нет, — снова возразил я ему, — я не могу ошибаться уже потому, что в моих руках находятся копии воззваний, писанных вашим другом и адресованных им различным курдским шейхам»!..

Разговор прервался, и через несколько минут мы уже выходили из кабинета вали.

«Vous l'avez secoué», — заметил M[onsieur] Talansier, — «il vous n'en pardonnera pas»!²⁹

И Джелал бей действительно мне не простил. Дня через два неожиданно ко мне является полицейский комиссар и заявляет, что «вали требует меня к себе». «Я всегда к услугам его превосходительства, и если он желает меня видеть, то он знает, где меня можно найти»!

²⁹ «Вы его потрясли», — заметил г[осподин] Талансие, — «он Вас за это не простит». — В.П.

Минут через двадцать полицейский появляется снова: «Вали приказал сказать, чтобы вы пришли немедленно, так как он должен сделать вам официальное сообщение».

«Передайте вали, что он может сделать его мне через французское консульство, под покровительством которого я нахожусь» — был мой ответ.

Как ни хотелось Джелал бею унизить меня в глазах населения, заставив меня придти к нему для «выслушания постановления о моей высылке», но встретив с моей стороны упорство, основанное на праве, он, скрепя сердце, должен был встать на тот путь, которого я от него потребовал.

Спустя несколько часов вали прибыл во французское консульство и, на основании полученных им по телефону от министерства внутренних дел инструкций, сообщил, чтобы я «немедленно покинул турецкую территорию по пути, на котором не имеется ни армян, ни курдов, — именно через Алеппо». На вопрос M[onsieur] Talansier, — чем вызывается это требование, и имеет ли турецкое министерство согласие на мою высылку со стороны русского посольства, вали заявил, что «власти Вана и Битлиса обвиняют меня в анти-турецкой пропаганде; что же касается до согласия русского посольства, то министерство не считает необходимым его испрашивать!»

Возмущенный дерзостью последнего заявления, французский консул резко заметил Джелал бею, что если турецкое министерство забывает, что для русско-подданных право высылки еще существует, то французское и русское посольства об этом ему напомнят, и что покамест постановление о моей высылке не будет иметь санкции русского правительства, я не только не выеду из Турции, но волен путешествовать где мне угодно и когда угодно.

«Г[осподин] Ольгенин покинет Диарбекир не немедленно, а тогда, когда он захочет, и поедет не в Алеппо, а в Харпут, и я требую от вас, чтобы вы выдали ему, как “буюрулду” (паспорт для

внутреннего путешествия), так и приняли все меры для его охраны и безопасности»!...

Немедленно после ухода вали консул послал своему посольству в Константинополь пространную шифрованную депешу, а я телеграмму своей редакции. Свой отъезд в Харпут я еще до возникновения этого инцидента назначил на 11-е апреля, но теперь, по настоянию консульства, отложил его на один день. И я должен сказать с полной откровенностью, что эта отсрочка была мне весьма тяжела. Если и раньше каждый шаг мой был окружен назойливым и бесцеремонным шпионством, то теперь фактически оказывался арестованным; дом, в котором я жил, был со всех сторон окружен вооруженными полицейскими и жандармами, которые останавливали каждого, кто хотел войти ко мне. Если же я сам отправлялся к кому-нибудь из христиан, то тотчас туда являлся полицейский комиссар, который требовал от хозяина дома немедленно, под угрозой преследования, предложить мне покинуть его жилище. Такое, например, требование было предъявлено к армяно-грегорианскому епископу, который имел неосторожность или смелость пригласить меня на «чашку чая».

Накануне моего отъезда из Диарбекира произошла новая история: вали прислал сказать консулу, что он отказывается дать мне пресловутую «буюрулду» и жандармов, а также не может поручиться за мою безопасность, если я поеду на Харпут. Принимая во внимание, что за последние дни моего пребывания в Диарбекире я получил несколько анонимных писем с самыми грубыми ругательствами и даже с угрозами убить меня, если я не перестану интересоваться армянским вопросом, — M[onsieur] Talansier заявил властям, что он не разрешит мне уехать из Диарбекира, пока вали не даст ему ручательства, что им будут приняты все меры для моего ограждения. Энергичный и твердый образ действий консула повлиял на Джелал бея: паспорт был мне доставлен, что же касается до жандармов, которые должны были меня сопровождать,

то один из них оказался калекой, у другого же была больная, еле способная ходить, лошадь. Такие «стражники» явились, конечно, для меня тяжелым бременем и создали мне на пути до Харпута лишь ряд затруднений, чего, конечно, власти только и добивались. Но все же я покинул «Черную Амиду» со вздохом облегчения, не предполагая, что мои митарства и невзгоды только начинаются. Я не буду обременять внимания читателя подробным их описанием; скажу только вкратце, что в Харпуте власти хотели арестовать моего слугу, пытались произвести у меня обыск, арестовали нескольких человек армян, виновных только в том, что я обратился к ним на улице с каким-то вопросом. В Харпуте же я получил письмо от драгомана французского консульства в Диарбекире, в котором тот уведомлял меня, что все мои телеграммы в редакцию, в посольство и в ванское русское консульство не только задержаны, но что телеграф отказывается даже возвратит деньги за недоставленные телеграммы, представляя мне «взыскать их дипломатическим путем».

Грубость, дерзость и вызывающе недружелюбие властей дошли здесь до такой степени, что я принужден был через посредство американского консульства этого города (единственного, которое здесь находится) обратиться к нашему посольству с просьбой о защите. Нравственно измученный, с издерганными нервами, выехал я из Харпута в Сивас, представляя собою фактически не свободно путешествующего туриста, а пленника, окруженного стражниками и жандармами. При каждой остановке к «хану» (постоялый двор), в котором я находился, немедленно ставились часовые, которые не позволяли ни войти кому-либо в хан, ни выйти из него даже моим переводчику и слуге. Бесцеремонность властей дошла до такой степени, что в деревне Екмекчи-хан местный мюдир (становой пристав) отдал громко, в моем же присутствии, приказ «не пускать к этому человеку никого, а если он сам захочет

выйти из хана в деревню, то по приказанию вали, употребить силу»!..

Нужно-ли говорить о том, что грубые и фанатично-настроенные жандармы и стражники, получившие приказ «изолировать» меня от курдов и армян и строго следить за мной, как за опасным человеком, в своем рвении переходили все границы и в течение всех семи дней моего пути от Харпута до Сиваса обращались со мной вызывающе-грубо и враждебно. С каждым днем отношения их становились все острее и острее, и, наконец, едва не окончились катастрофой.

В дер[евне] «Хасан Челяби» выведенный из себя наглостью сопровождавшего меня жандарма, который хотел силою удалить из моей комнаты вошедшего туда старшину деревни – курда, я велел жандарму немедленно выйти из моего помещения. Когда тот отказался и позволил себе еще прикрикнуть на меня, я схватил его за шиворит и вытолкнул за дверь.

Тогда данный мне для моего охранения стражник быстро схватывает ружье, вскидывает к щеке и прицеливается в меня. Еще бы секунда – и, вероятно, пуля озлобленного турецкого солдата положила бы конец моему беспокойному существованию; выстрела не последовало только потому, что находившиеся в комнате переводчик и невольный виновник этого инцидента курд-старшина моментально набросились на жандарма. На шум возни в комнату вбежали другие солдаты, которые отобрали ружье и увели своего разъяренного товарища. Вес дрожа от первого возбуждения, я потребовал немедленного ареста злоумышленника, заявив, что не уеду из деревни, пока это не будет сделано. Понявшие, что они дошли в своей враждебности ко мне до крайности, местные власти униженно стали даже не просить, а умолять меня, чтобы я не доводил до сведения посольства об этом случае, обещая не только арестовать виновного жандарма, но и отдать его под суд. С такими

же просьбами и обещаниями обратился ко мне и вали Сиваса, куда я через два дня после этого происшествия приехал.

Крайне измученный и усталый, с одной стороны, и сознавая, с другой стороны, всю бесполезность моих жалоб и протестов, я махнул тогда рукой на всю эту историю и не сообщил о ней посольству. К тому же и отношение турецких властей ко мне внезапно переменялось, словно картина кинематографа. Вместо недавней еще грубости, вызывающей наглости и злобности, целый поток любезностей, уверений, в готовности предоставить в мое распоряжение все, что я хочу, сделать все, что мне пожелается: «Предположение покинуть турецкую территорию – но это недоразумение, его никогда и не было, вероятно, ни M[onsieur] Talansier, ни я не поняли диарбекирского вали!.. Инструкции властям не допускать моего общения с армянами и курдами, – но кто вам об этом сказал? Ничего подобного! Никто никогда таких инструкций не давал!.. Вы наш дорогой гость и наша обязанность оказывать вам всякое внимание, исполнять все ваши желания»!..

Словом, – как говорят в театре, – «чистая перемена декорации»! Мне стало понятно, что попытка моей высылки вызвала энергичный протест со стороны русского посольства в Константинополе.

Так оно и было в самом деле, и я считаю своим долгом русского журналиста сообщить, что как русское посольство, так и наши консульства в Эрзеруме и Ване проявили в отношении меня самое живое, энергичное и теплое участие. Мне приятно писать об этом, приятно печатно выразить им за это свою благодарность, потому, что до сих пор мы, русские, этим мало были избалованы!

6 июня 1913 г.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

- Абдул-Гамид – 30, 65, 95-96, 99, 132, 141, 147-148, 173, 201
Абдул Кадер, сенатор – 197
Абдул-Козер – 170
Абдул-Меджид – 64
Абдул-Резак – 149, 194, 197, 238-239, 249
Аверьянов П.И. – 146, 211
Агаев А. – 176
Агасфер – 14
Алдаи, епископ – 231
Адам – 111, 113
Адо, ага – 152
Адэ, шейх – 111, 113
Акимович К.К. – 64, 72-73, 123
Александр II – 49
Александр Македонский – 192
Али, бек – 73-74, 83, 202
Али, паша – 201, 203-204, 209, 245-246
Аллаэддин – 30
Амидисьян А. – 82
Анахид, богиня – 186
Ара – 161
Аракелян – 251-252
Ариман, бог – 114
Армарз, бог – 161
Арцруни Г. – 57
Атанас Томи, епископ – 258
Атра – 239
Ахмед Изет, бей – 172
Ахмет, ага – 80-81

Ахмет-Недим – 209, 216

Б

Багдыр, хан – 194, 235, 238

Баграт, отец – 45-46, 49

Бадер хан Заде – 149

Барзак, шейх – 237-238

Бахман, академик – 213

Бebutовы – 56

Бедер-хани Камель, бей – 235

Бедерхан, бей – 196

Бедерхани – 239

Березовский-Ольгинский А. См.: Ольгин Т.

Берти, паша – 239

Бешар Чато, шейх – 239, 247-248

Браита, консул – 193

Браст, консул – 193

Броун, миссионер – 159

В

Варткес – 42

Ватаци Э. – 43

Вахрам – 31

Вестерд – 213

Вильгельм II – 176, 189

Витте С.Ю. – 48

Воронцов-Дашков И.И. – 9, 35-36

Вромиян О. – 20

Г

Гамид, паша – 153

Геворг V Суренянц – 3, 10

Гирс М.И. – 3, 224

Гоголь Н.В. – 204

Голицын, князь – 36

Голубинов – 176

Гохрид, шейх – 53

Грант А. – 157-158

Григорий, патриарх – 258

Григорий Просветитель – 180, 182

Грин Фр.Д. – 120

Гуссейн, паша – 83, 96-99, 103-104, 108, 150, 194-197, 208-209, 235

Гутсброт, офицер – 213

Гюлян К. – 30

Д

Данте – 172

Дервиш, ага – 240

Дервиш, паша – 173

Дервиш, разбойник – 30

Деурт-Кыли – 31

Дехака – 239

Диев Гр.А. – 204

Диллон Е.Д. – 120, 200

Джабир Эссад, паша – 140

Джавид, бей – 207, 218-218

Джелал, бей – 250, 263-265

Достоевский Ф.М. – 166

Е

Екхоян А. – 31

Елисеев – 198

Еранос – 31

Еремин – 36

З

Забор – 239

Завено, епископ – 260

Зайд, паша – 106-107

Зайтрян Р. – 51-52, 127, 169

Зайнеб – 231

Закарян А.А. – 4-5

Замах, хан – 204

Заххак, царь – 228-229

Зелерух-Кокоян – 81

Зиновьев И.А. – 146

Зороастр – 113, 155

Зохраб Г. – 42

И

Ибрагим, эфенди – 201

Иезданшир, шейх – 147

Изет, бей – 141, 167

Измаил-Хакки, бей – 205, 216, 218

Измирлян М. католикос – 183

Ильдиз-Киоск – 194

Иоанн Дамаскин – 141

К

Кавас Манук см. Манук

Казарян Х. – 261

Казабеков – 176

Калантар А.А. – 16, 251-252

Каломьян С., прелат – 204, 218

Каракашян, историк – 57

Караманли, бей – 93

Карапет – 81

Карцов – 211

Касем, шейх – 80

Кахиан – 31

Кемаль, бей – 237, 239

Кёр-Гуссейн, паша – 152

Киамил, паша – 18, 26

Киннейр М. – 193, 231

Клемм – 224

Константин, император – 252

Кульцер – 213

Л

Лагода – 36

Лазарев, генерал – 214

Лалаянц – 212

Ланге – 213

Лермонтов М.Ю. – 55

Линч Х.Ф.Б. – 39, 91, 95, 188, 191, 193, 220-221

Лис – 192

Лякомб – 213

М

Магомет – 74

Магомет V Решад – 200

Маевский, вице-консул – 114-115, 121, 138, 158, 211

Майрам – 113

Макдональд – 231

Макмиский – 96

Мамед-Садык, бей – 163

Мамэ – 144

Мандельштам А.Н. – 176
 Манук – 225, 228, 242-243, 248
 Мар-Шимун, патриарх – 157, 159
 Мариан – 30
 Мария – 111
 Марлинский – 55
 Мартирос, крестьянин – 31
 Мартирос, священник – 163
 Мах-Мэ – 31
 Махмет, бей – 152
 Махмет, офицер – 30
 Медичи – 236
 Меджид-Казим – 81
 Мелети, епископ – 258
 Месроп, епископ – 49
 Мир Мхэ – 24, 127, 144, 153
 Молчалины – 224
 Мор-Жак, епископ – 139, 157
 Мордовцев – 55
 Мурут Тополь П. – 260
 Муртулла, бек – 151
 Муса, бей – 197
 Мхитар, монах – 135, 209
 Мхэ, молла – 51-52
 Мюллер Симонис – 233

Н

Навуходоносор – 156
 Назарянц С. – 57
 Налбан-Шико – 81
 Нелидов А.И., посол – 146
 Немврод – 185, 188

Нерсес, архиепископ – 50
 Нестория – 156
 Николай I – 27-28, 199-200
 Николай II – 3
 Ной – 33

О

Обейдулла, шейх – 146, 194
 Олферьев С.П. – 120, 122-123, 158-159, 178, 212
 Ольгинин Т. – 3-6, 8-12, 178, 251, 264
 Орманьян М. – 184
 Осман, паша – 207, 219
 Остап – 204

П

Панос М. – 31
 Паскевич И.Ф. – 147
 Петр – 184
 Петр Великий – 47, 49
 Петросян – 108
 Погос Нубар – 3
 Погосян В.А. – 3, 5, 12
 Потто В. – 27-28
 Птоломей – 124
 Пушкин А.С. – 55

Р

Рид, Т.М. – 90
 Роллен-Жекмен М.Г. – 120
 Романли – 248
 Русас – 161
 Рухлов – 14, 16

С
 Садулла – 202, 208, 249-250
 Сазонов С.Д. – 3
 Саид Али, шейх – 151-152
 Саладин – 176
 Салар-уд-Доулэ – 176
 Сараджян, епископ – 12, 53, 124-125
 Сеид-Али, шейх – 238
 Сеид-Али, разбойник – 22, 24, 26, 51, 127, 144, 208-209
 Сеид-Шах, шейх – 149, 168, 170, 194, 238, 249
 Семирамида – 161, 185, 226
 Сергей, архимандрит – 158
 Сил, вице-консул – 212
 Симко, хан – 59, 147
 Содулла – 239, 248
 Софроний, епископ – 158
 Сулейман II – 157
 Сулейман, бей – 195
 Сулейман, епископ – 260

Т
 Тавернье Ж.-Б. – 192
 Тагир, ага – 152
 Тагур-Гуссейн, бей – 153
 Талансие – 263
 Тамар – 187
 Тамерлан – 156
 Тахар, паша – 162
 Тейлор, консул – 193
 Теймур, ага – 147
 Тер-Гаспарян – 131
 Тер-Мартирос – 52

Тер-Мовсесян [Тер-Мовсисян] – 10, 46
 Тергукасовы – 56
 Термен, вице-консул – 121
 Тигран I – 252
 Тиридат – 77
 Томилов – 211, 233
 Торориа, царица – 186
 Туманян О. – 10, 43-44
 Тунян В. Г. – 6-7, 12-13

У

Ушер – 186

Ф

Февзи, бей – 239, 248-250, 261, 263
 Флобер Г. – 155, 158
 Форамаз, хан – 163
 Фра-Дьяволо – 247

Х

Хазрит, шейх – 198
 Хайреддин Берази – 196
 Халил-Оглу-Риза – 30
 Хамет-Зидуман – 81
 Хамзи, шейх – 79
 Хассан-бей-Багдырь-хан-Заде – 194-195, 235
 Хатисов – 251-252
 Хачатурян С. – 82
 Хильми, паша – 216
 Ховсен – 30
 Хозров, паша – 190
 Хорен, епископ – 55

Хримьян М. – 130
Хуршид – 64

Ч

Чамчян М. – 57
Чарыков Н.В., посол – 206, 224
Чауш Кеворк – 29
Ченариок – 31
Чингис, хан – 156
Чириков Е.И. – 64

Ш

Шавели – 80
Шакир, ага – 151-153
Шариф – 105-106
Шаро, шейх – 30
Шеизи, шейх – 170
Шейх-Нери – 238
Шемдинани, шейхи – 197
Шереф, бек – 143
Шереф-уд-дин – 231, 236
Шеридам – 175
Шериф, бей – 153, 193
Шерлок Холмс – 90
Шиль – 186
Ширков В.И., консул – 199, 201-202, 218, 222-224, 245
Шихиньян – 82
Шульц – 186

Э

Эберт, консул – 213
Эдхем – 216

Эмин, паша – 104, 152
Эрамыян А. – 130-131

Ю

Юсуф, паша – 201, 249

Я

Якиманский М.И., консул – 255
Якуб, бей – 127

В

Beglié – 261
Bruce J. – 33

D

Defrance, le père – 138-139

T

Talansier – 250, 254, 256, 260-265, 268
Tavrnier – 236

Z

Zarzesky – 120

ОГЛАВЛЕНИЕ

В. Г. Тунян, Предисловие 3

Вместо предисловия и... святочного рассказа 14

С ПУТИ В АРМЕНИЮ

Армяне о Турции 20

III. Положение турецких армян 27

IV. Россия и армяне 32

V. Русско-армянские отношения 35

VI. Эчмиадзинские беседы 39

VII. [Точки зрения собеседников Т. Ольгенина] 41

VIII. Беседы с эчмиадзинскими владыками 45

IX. Эчмиадзинские беседы 50

X. Сказка об армянском сепаратизме 54

XI. [Я еду в Турецкую Армению] 59

XII. За рубежом 63

XIII. Турецкие дашнакцаканы о России и Турции 66

В БЫВШЕЙ АРМЕНИИ

Среди курдов 71

Дорожные впечатления 75

Под дамкловым мечом 79

Без надежды и просвета 84

Без надежды и провета 90

В волчьем логове 95

Путевые впечатления 100

Тревожные дни 104

«У поклонников сатаны» 109

Дорожные впечатления 115

Турецкие армяне и Россия 119

У ванского архиепископа Сараджяна 124

«Не угасайте духа!» 130

Торговцы именем Христовым 134

Турки об армянах 140

Курды и Россия 145

Земельный разбой 151

Ассураё 155

Страничка из дневника 160

У ванского вали 166

Персидско-турецкий вопрос 172

Диарбекир 177

Армянская церковь 179

На Ванском озере 184

В горах Битлиса 189

Пробуждение курдов 193

Может-ли быть хуже? 199

Листки из дневника старожила 205

Политика в пометках 210

Младотурки и армяне 215

В кошмаре вечного страха 220

От Битлиса до Сеерта 225

Уголок Ассирии 230

У брата претендента на курдский престол 235

От Сеерта до Диарбекира 240

По следам преступлений 245

Армянская интеллигенция о поездке Т. Ольгенина в Армению 251

В столице Южного Курдистана 252

Турецкие памятники 257

Мои мытарства 262

Указатель имен 269

119	Турецкие армяне в России	119
124	У ванского армянского царства	124
30	В. Г. Туниян. Предисловие	3
34	Вместо предисловия и... святочного рассказа	14
140	Турция об армянах	140
142	Курды в России	142
151	Земляной расой	151
152	Армяне о Турции	20
27	III. Положение турецких армян	27
32	IV. Россия и армяне	32
35	V. Русско-армянские отношения	35
39	VI. Эчмиадзинские беседы	39
41	VII. [Точки зрения собеседников Т. Ольгенина]	41
45	VIII. Беседы с эчмиадзинскими владыками	45
50	IX. Эчмиадзинские беседы	50
54	X. Сказка об армянском сепаратизме	54
59	XI. [Я еду в Турецкую Армению]	59
63	XII. За рубежом	63
66	XIII. Турецкие дашнакцаканы о России и Турции	66
212	Митатюрджян в армянском	212
220	В конторе конюшного в армянском	220
222	От Батумса до Сербта	222
225	Утенок Асирин	225
230	У брата предпринимателя на курагской проросте	230
240	От Сербта до Днярбекджяна	240
242	По следам предпринимателя	242
242	Армянская интеллигенция о политике Т. Ольгенина в Армении	242
251	В столице Южного Кавказа	251
252	Турецкие паша и элик	252
261	Момичья вата	261
269	Указатель имен	269
	ОГЛАВЛЕНИЕ	
	В БЫВШЕЙ АРМЕНИИ	
71	Среди курдов	71
75	Дорожные впечатления	75
79	Под дамокловым мечом	79
84	Без надежды и просвета	84
90	Без надежды и просвета	90
95	В волчьем логове	95
100	Путевые впечатления	100
104	Тревожные дни	104
109	«У поклонников сатаны»	109
115	Дорожные впечатления	115

Турецкие армяне и Россия.....	119
У ванского архиепископа Сараджяна.....	124
«Не угасайте духа!».....	130
Торговцы именем Христовым.....	134
Турки об армянах.....	140
Курды и Россия.....	145
Земельный разбой.....	151
Ассурайе.....	155
Страничка из дневника.....	160
У ванского вали.....	166
Персидско-турецкий вопрос.....	172
Диарбекир.....	177
Армянская церковь.....	179
На Ванском озере.....	184
В горах Битлиса.....	189
Пробуждение курдов.....	193
Может-ли быть хуже?.....	199
Листки из дневника старожила.....	205
Политика в пометках.....	210
Младотурки и армяне.....	215
В кошмаре вечного страха.....	220
От Битлиса до Сеерта.....	225
Уголок Ассирии.....	230
У брата претендента на курдский престол.....	235
От Сеерта до Диарбекира.....	240
По следам преступлений.....	245
Армянская интеллигенция о поездке Т. Ольгенина в Армению.....	251
В столице Южного Курдистана.....	252
Турецкие памятники.....	257
Мои мытарства.....	262
Указатель имен.....	269

Т. ОЛЬГЕНИН

АРМЕНИЯ

В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1913 Г.

© Издательство «Леван» 1994 г.
 Тираж 1000 экз.

000-788077-788077

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЛЕВАН»

Ереван, ул. Мясакянца, 6
 Тел.: 788077, 788077
 С/адрес: (010) 788077

Т. ОЛЬГЕНИН

АРМЕНИЯ

В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1913 г.

Формат: 60x84. Бумага офсет. 80 г.

Печать офсетная. 17.8 печ. листов.

ООО «ГЕВОРГ – ГРАЙР»

Издательство ЛУСАКН

Ереван, Гр. Лусаворича 6

Тел.: 374 55 527974

Эл. почта: lusakn@rambler.ru